

ВИКТОР НИКОЛАЕВ

ИЗ РОДА В РОД

ВИКТОР НИКОЛАЕВ

ИЗ РОДА В РОД

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Украинская православная церковь
Полтавская епархия
Спасо-Преображенский
Мгарский монастырь

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II

УДК 27-29

ББК 86.37-5

Н 63

Ввиду чрезвычайной серьезности темы каждый герой книги представляет отдельно взятое исправительное учреждение России. В то же время он является подлинным прихожанином своего тюремного храма. Изменены некоторые имена героев книги за исключением тех, кто лично просил о сугубой молитве. Упомянутые священники успешно выполняют свое нелегкое служение и просят молитв читателей по их подлинным именам.

*Выпуск осуществлен издательством
ЗАО "Тираж-51", г. Краматорск,
ул. Орджоникидзе, 10/4*

ISBN 966-302-523-9

*© Издательство ЗАО "Тираж-51", составление,
оригинал-макет, дизайн, графика, набор,
верстка, изготовление, издание.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*«Помните узников, как бы
и вы были с ними в узах...»*

Апостол Павел

Здравствуй, читатель. Слава Богу, я вновь могу это сказать в своей новой книге. Тема, которую я затронул, — тюрьма, человек в тюрьме, давно созревала в моей душе, ожидая своего часа.

О тюрьме и обо всем, что связано с ней, говорилось и писалось тысячи лет до меня и столько же будет после меня. На сегодняшний день, сложный и тяжелый для нашего Отечества, уже, наверное, нет ни одной семьи, которую бы эта беда не коснулась прямо или косвенно. Везде видны эти потери: брат, отец, муж, сын, друзья, знакомые...

Основная причина, почему я взялся писать об этом, заключается в том, что мой родной брат, который младше меня, имел две тяжелых судимости и впоследствии был убит своими «друзжками». Поэтому все, о чем я пишу и над чем размышляю, мне, к сожалению, очень близко, горько и больно. Я не понаслышке знаю, что такое материнская слеза и родительский грех, последствия от которого завершаются такой бедой. Знаю, что такое соседское мнение, изменившееся отношение родственников и что такое сострадание и помощь от людей, которых прежде почти не знал или настороженно к ним относился. И вдруг они первыми приходят на помощь, без всяких слов, не ожидая благодарности. Мне до боли знакома трагедия детей, к которым вся деревня или городок относятся, как к «детям зека». От этого ломают-

ся судьбы, калечатся души, рушатся семейные и родовые отношения, стремительно угасают родители.

Эта книга — о многих людях, о тех, с кем они вольно или невольно пересекались на непростом жизненном пути. Возможно, вами в ней будут замечены ваши знакомые, родственники.

Тюремная тема — это тема о наказании человека за преступления перед людьми и перед законом. Сложность написания документальной книги, и особенно такой, заключается в том, что она затрагивает судьбы десятков людей и здесь недопустимы любая фальшь, некорректность, не деликатность. Нельзя ни малейшим образом навредить тем, кто доверил тебе свои судьбы как на исповеди. Все, что узнал я, должно пойти во благо. Поразительно, что люди, с которыми мне довелось беседовать, откровенно говорили о своих личных переживаниях, но проявляли редкостную дипломатичность и осторожность всякий раз, когда речь заходила о ком-то из их собратьев, знакомых и даже недругов. Такое умолчание, если хотите, заслуживает уважения. И крайне печально, когда к оступившимся однажды людям общество относится заведомо недоброжелательно, а иногда и агрессивно, тогда как многие из них нуждаются в простом человеческом участии и в поддержке.

Прежде чем приступить к новой работе, я побывал во многих тюрьмах, встречался и с людьми, освободившимися из мест заключения, и со священниками, выполняющими в них свое нелегкое служение, с тюремным начальством и сотрудниками, профессиональная и эмоциональная нагрузка которых подчас превышает даже ту, что испытывают на себе представители многих военных специальностей.

Тюрьмы, пересылки, СИЗО... Везде горемычные судьбы, поразительно схожие по своей родовой беде, разные только по причине, приведшей их сюда, и по статьям Уголовного кодекса. Сидят профессора, учите-

ля, рабочие, бомжи, военные, Герои России, министры, артисты, художники... Такое впечатление, что сидит вся Россия — от Прибалтики до Сахалина. И количество этих людей растет. Большинство из них при всех своих грехах хотят снисхождения, правды, воли, покоя. Все на это надеются. У многих были свои семьи, интересная работа, их ждали дома, но вдруг в одночасье все изменилось.

Зона заключения — это иной мир и в определенной степени иные люди. Это своего рода государство в государстве, со своей уголовной «конституцией». Об этом мире мы почти ничего не знаем, не хотим знать, боимся знать, да и просто презираем. Такой уж сложился у нас стереотип отношения к людям, попавшим в тюрьму: они как бы заочно прокляты, отвергнуты нами, а главное — лишены надежды на прощение. От этого, уже за несколько месяцев до освобождения, многие из них начинают мучительно готовить себя к свободе, часто боясь ее больше, чем саму тюрьму. Особенно те, кто совершил тяжкое преступление — убийство.

Из Евангельских заповедей мы знаем о неотвратимости наказания за грех. Давайте пристальнее посмотрим на тех, кому Законом уготован юридический «камень на шею». Дорогие читатели, я не преследую цель вызвать у вас слезливое сочувствие, волну всепрощения и искусственного сострадания. Вовсе нет. Заключение — это такой народ, где даже самые падшие и грешные не терпят к себе подобного отношения, пресекают любое заискивание и заигрывание. Суровый быт и образ жизни, в котором они оказались, ими переживается по-разному. Кто-то там становится еще хуже, и таких, к сожалению, немало. Хотя есть и такие, которые ловчат и даже пытаются извлечь выгоду из своего положения, взывают к чувству жалости, занимаясь откровенным попрошайничеством. А кому-то это наказание идет во благо и вразумление.

В подавляющем большинстве все, что рассказывается об этом нашему обывателю, при детальном рассмотрении выглядит или не совсем так, или совсем не так. Особенно когда это касается темы смертной казни и причин, приводящих к такого рода преступлениям. В одной из глав вы познакомитесь с судьбой человека, приговоренного к высшей мере наказания. Об этом мне рассказали его родители, осознавшие свой тягчайший грех: беда к ним пришла после того, как они «откупили» сына от армии. По окончании нашего долгого разговора мать этого заключенного произнесла те слова, которые и стали потом названием книги: «...Это у нас длится из рода в род...»

Есть главы, рассказывающие о судьбах военнослужащих, которые достойно выполняли свой воинский долг, защищали государство, порой в полном смысле слова грудью, получили тяжелые физические и духовные ранения. Но по возвращении домой оказалось, что нашему государству многие из них не нужны. И загуляли эти бедные души по России в поисках своей справедливости, каждый своим путем. Ко всей беде некоторых, дорога привела их в тюрьму, но, видимо, в том был Божий промысел, ибо, попав в тюрьму, эти ребята впервые оказались в храме.

Военнослужащие-заключенные, особенно участники войны — это вообще особая, важнейшая тема для осмысления. Психика этих людей после войны наиболее чувствительна. Их духовное состояние, укрепленное войсковым товариществом, готовность к взаимовыручке, искренность, нетерпимость к фальши и обману выделяет их среди всех остальных заключенных. Непросто складываются их отношения, особенно у боевых офицеров, с офицерами тюремной администрации. С легкой руки журналистов стало расхожим такое понятие, как «афганский и чеченский синдром». Это грубая и безобразная попытка представить всех фронтовиков

дикими и необузданными, неспособными управлять своими эмоциями и чувствами. Такое огульное оскорбление участников войны со стороны прессы и ТВ подпадает под статьи Уголовного кодекса, как клевета и унижение достоинства.

Из письма осужденного военнослужащего:

«... Я верю, что пройдут годы и мои родственники вспомнят о своем брате-неудачнике. Им желаю только одного: пусть им будет если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем сейчас. Я же боюсь, не дождавшись срока освобождения, умереть на чужбине, где глаза закроет неродная рука и не поставят крест. На наших могилах вообще не ставят крестов. Так хочу лежать рядом с мамой и отцом.

У нас в камере поставили телевизор. Кто-то пожертвовал, да и администрация, видимо, похлопотала. Смертники ведь тоже болеют за «Спартак». Так вот, мой дружок по нарам, которому сидеть еще очень долго, однажды по «Новостям» увидел родную деревню и повесился от тоски. Меня в моей печали поддерживают такие же, всеми брошенные. Да я и не ропщу... Сейчас апрель. У природы свежий воздух. Тебе известно, какой цены свежий воздух утра? Ты знаешь цену слову? Доброму слову. За него, одно в день, я готов переоформить в подарок квартиру. От одного доброго взгляда в мою глухомань исчезает запах параши в углу.

В Чечне я служил в разведке. В 95-м. Чеченцы нас с Серегой называли «черной тенью». Когда вспоминаю своих ребят, будто свежую... Знаешь, как худо сидеть много лет при постоянно горящей лампочке, не выключающейся ни на секунду. Но однажды она погасла. Отключилась электростанция. Это был, видимо, Божий промысел на наше нытье. Камера погрузилась во мрак. И мы оцепенели. Это длилось около часа. А может, вечность. Когда свет загорелся – мы не уз-

нали друг друга. Мы будто на глазах постарели. Теперь я говорю: лучше век при таком свете, чем мину-ту во тьме. Свет, хоть и тусклый, а все Божий. Я уже ползал в жизненной темноте своим умом – оказался на нарах. На воле я хотел быть большой «шишкой», в результате получился внушительный синяк. Теперь молюсь, каюсь и, знаете, рассасывается... Когда-то своими поступками я создал свое частное искусст-венное солнце. Оказалось, что все было мраком.

Нас тут четыре человека. Мы делимся тем, что есть. Однажды один сказал: «Послал бы Господь хоть какую-то возможность услышать голос моего ребен-ка...» Когда мне зачитали смертный приговор, я не-сколько дней привыкал к смерти. А однажды ночью сдал окончательно: упал на колени и начал выть как соба-ка: «Дурак... дурак». И вдруг услышал голос: «Терпи!» Мое состояние описать невозможно. Кожа покрылась пупырышками, как горошинами. Я просидел онемевший не помню сколько. Через полгода меня пересудили по моему делу и смертную казнь отменили...

Мой сокамерник рассказывал, как он бросил нар-котики. Когда у него еще на воле начиналась «ломка», за стеной в соседней комнате внезапно начинал кру-титься и плакать шестимесячный сын. Он был по-ражен этим так, что внезапно отошел от наркоти-ков. Родные и близкие отказались от меня, да я и не жалуюсь. На их месте я бы поступил, наверное, точ-но так же. Такая плата за свои ошибки. Единствен-ная, кому я был нужен – моя мама. Но она умерла. И просьба – пришлите мне посылочку, просто пустую коробочку, чтобы моя душа согрелась от неизвест-ной мне души...»

Вот чего нам не занимать, так это грехов. Чита-тель, помолись при случае за раба Божьего, сержанта, грешника Анатолия с сокамерниками.

По мере углубления в тюремную тему, я понял, что война за людские души, которая сегодня ведется в государстве, пострашнее, чем война физическая. Более изощренная, циничная, наглая, жестокая, поражающая не отделение и полк, а весь род. Тысячи родов. Срубается не «ветвь всякого древа, не приносящего плода» — вырубаются целые родовые сады. В тюрьмах порой сидят уже не кто-то из семьи, а целые семьи: муж, жена, мать. А дети оказываются в приютах.

Такое ощущение, что в государстве каждый год темная сила пытается объявить годом хаоса и греха. Но по мере усиливающегося покаяния людей упорство нечисти тупится и разбивается. В тюрьмах стали происходить неприметные для мира поразительные изменения по воле Божией. Буквально из ничего возрождаются бывшие и появляются новые храмы, в которые медленно, подчас с трудом, преодолевая свою немощь, потянулись заключенные всех рангов уголовной иерархии, чтобы первый раз в жизни робко поклониться, а значит, попросить прощения за содеянное. Нередко эти люди, которых общество считает отпетыми бандитами, стесняясь и смущаясь, но с надеждой и крохотной начальной верой неловко ставят свечи Всем Святым. Чтобы это увидеть, стоит ехать за сотни верст...

Из писем осужденных:

«.. До меня в этой камере сидели двое заключенных. Оба — осужденные на двадцать лет. Они почти одновременно умерли через три года. Их «съел» туберкулез. Хотя нас здесь кормят не особенно хорошо, но все же продуктового голода нет. Эти мужики в своих письмах просили им что-то прислать, но наверняка не лакомство... Им просто никто не ответил. Как и многим другим. В конце у одного из них всегда была приписка. Он смущенно просил какую-нибудь книжку про любовь и открытку Валаамского монастыря».

«...Маленький кусочек моего окна выходит на закат... Это, наверное, единственное, что я заслужил видеть в конце своей жизни. Закат можно видеть только несколько минут. Он бирюзово-изумрудный с кровавой каемкой у земли. Ты когда-нибудь видел бирюзовый закат? Я только и живу тем, что жду его круглые сутки. Вот уже шесть лет. И, наверное, всю оставшуюся жизнь. Мой закат будет не такого цвета. Я даже знаю какого. Очень грязного. Мне 52 года. Из них пятнадцать лет отсидел в тюрьмах... Я никогда не был в храме. Не знаю, как правильно подходить к иконе и ставить свечу, но после вынесения мне смертного приговора я понял: не надо быть умнее Бога...»

Что такое тюремное заключение? Это своего рода юридическая епитимия, когда человека, согрешившего в миру, изымают из этой среды и заключают на определенный срок под стражу, чтобы он осознал свой проступок, излечился духовно и вышел в мир окрепшим, полезным обществу и близким. Так должно быть. Так хотелось бы. Но в жизни все далеко не так. Более трагично и прискорбно. Невозможность реализации этого замысла в том, что в 1917 году из мест заключения государственным решением (!) убрали священников, уничтожили Божьи храмы. И все стало с ног на голову. «Свято место пусто не бывает». И Закон Божий был немедленно заменен «законами» преступного мира. Ну и что делать? Ответ прост. Без священника и церкви все воспитательные действия безрезультатны и бессмысленны, как бы этого нам не хотелось.

Как-то один следователь поделился со мной наблюдениями, которые подвели его к поразительному открытию. Суть в следующем: после причащения Святых Христовых Таин у него значительно возрастает процент дознания при следственных действиях, более качественно

происходят допросы обвиняемых. Он также не раз убеждался, что суд духовный за преступления часто наступает гораздо быстрее, чем суд уголовный.

Сегодня многие повторяют вслед за известным киногероем: «Вор должен сидеть в тюрьме». В действительности этого недостаточно. Тюремное заключение без духовного покаяния — это бездарное, более того, преступное использование бюджетных средств. При встречах с заключенными по благословению священника и следуя Евангельским заповедям, они нередко оказываются мудрыми собеседниками (чему дивятся сами) и, случается, высказывают очень здравые и поучительные суждения. Помнится, кто-то из них сказал, что после таких разговоров «у него надолго свежеет мозг» и он даже стесняется ругаться.

Во все времена рост преступности совершенно справедливо связывали с падением нравов. Преступление, как грех, срока давности не имеет, если за ним не последовало наказания и духовного раскаяния. Подобно смертельно опасной инфекции, оно переходит из рода в род. Не случайно возник СПИД. Впрочем, название этой болезни должно было бы звучать так: синдром приобретенного иммунного дефицита морали. И если человек погрязает в нераскаянных грехах, то иммунный дефицит морали неизбежно перерастает в иммунный дефицит физический.

Государственный закон тогда начинает действовать, когда он на деле показывает любовь к человеку. Сегодня, как правило, этого нет. Возможно ли покончить с преступной группировкой, уничтожив ее главаря? Нет, невозможно. Бандгруппа только на какое-то время затаятся и снизит свою активность. Не секрет, что на сегодняшний день в некоторых тюрьмах существуют своего рода «институты» по подготовке соответствующих «выпускников» для преступного мира, а на книжных развалах вполне легально, без всякой опаски бойко тор-

гуют детективами, многие из которых вполне могут сойти за учебные пособия для будущих уголовников.

Затронем и такой очень болезненный, всегда обоюдоострый вопрос, как противостояние представителей закона и осужденных. Постараюсь показать некоторые причины этой извечной дилеммы, где правда бывает с обеих сторон. Вот только Истина одна, но в гневе ее почти никто не видит.

Я спросил одного уважаемого священника: «Если сегодня все исповедальные грехи рассмотреть под углом зрения закона, многих ли можно было бы привлечь к уголовной ответственности?» Священник ответил: «В той или иной степени — всех». Другой священник сказал: «Если анонимно опубликовать грехи любого прихода, то вполне вероятно, что заключенные, прочитав их, воодушевятся от мысли, что они — не самые худшие». Нам, зачастую с пренебрежением смотрящим на тюрьму, надо еще задуматься: настолько ли мы «чище» заключенных? Наша брезгливость и презрение к оступившимся — не есть ли это то самое дерзновенное зарекание «от тюрьмы и от сумы»?

Тюрьма — это землетрясение души, попущенное Богом. В его эпицентре оказываются родные, знакомые, а порой и вовсе случайные люди. Последствия от этого могут быть не такими болезненными, если всем достанет мужества осознать свою вину. Тогда на месте порушенного создается новое крепкое духовное здание.

Сегодня в СМИ навязчиво культивируется такое понятие, как «общественное мнение». С помощью такого абстрактного, размытого «мнения» неведомых людей в жизнь проводятся такие законы, которые могут радикально изменить государственную политику и иметь для страны непредсказуемые последствия. Ибо государственная политика, не основанная на Евангельских законах, — безумие, влекущее за собой физическое и духовное уничтожение общества. С помощью «обществен-

ного мнения» разрушаются государства, их оборонительные доктрины и вооруженные силы, стирается графа о национальности в гражданском паспорте, узаконивается преступность. И главное: для преступности создаются уникальные условия, чтобы, как выразился один «авторитет», мы «вместо Президента назначили ... «смотрящего государства».

Состояние нынешней истерзанной психики людей таково, что они зачастую творят, не задумываясь о последствиях. Сегодня остро встает вопрос о снятии моратория на смертную казнь. В этой связи на имя Президента поступает множество обращений и воззваний. Среди подписавших такие бумаги — артисты, психологи, бизнесмены, представители шоу-бизнеса и многие другие. Но кто эти люди? И что они делают? Артисты охотно снимаются в роли воров, бандитов, сутенеров, вольно или невольно возводя их в ранг романтических героев. Психологам не приходит и в голову взять за основу в своей работе Евангельские заповеди. Бизнесмены нередко занимаются сомнительными видами деятельности, а немалое число представителей шоу-бизнеса имеют основной доход от пропаганды проституции, гомосексуализма, растления малолетних и многого другого. Так чего может стоить «мнение» людей, сеющих грех?

Есть такое понятие — «вменяемость». Человек вменяем настолько, насколько он сердцем вменяет Бога. По мере отхода человека от Него вменяемость угасает, плавно перетекая в невменяемость духовную. Надо признать, что это относится и к тем людям, которые разрабатывают законы, в том числе и об уголовной ответственности. Вынося приговор преступнику, государство тем самым показывает, как оно заступает за обиженного, и что немаловажно, как намерено помочь оступившемуся.

Сегодня очень много говорят о различных мафиях: итальянской, американской, чеченской, русской... Но

при всем этом, будто заученно, повторяется, что у преступности нет национальности. Нет, подождите! Так есть национальность у преступности или нет? У... Басаева... Гитлера... Ленина... Войкова???

Братья и сестры, здесь мы дошли до некоего тайного смысла. Действительно, во Вселенной есть Лицо, которое не имеет национальности. Это Иисус Христос. Во Иисусе Христе нет национальности, гласит апостольское изречение. Вот в этом и кроется суть. Ибо общество, с ненавистью распинавшее Иисуса Христа на кресте рядом с двумя разбойниками, тем самым пожелало приравнять Сына Божиего к преступникам.

Люди, которые сегодня повторяют фразу об отсутствии у преступника национальности, чаще всего не вдумываются в ее значение. Но, безусловно, есть те, кого такая постановка вопроса питает и греет. К слову, поясню: ни один представитель уголовного розыска не начинает следствие без установления национальности преступника и изучения свойственных ей особенностей. Если национальность неизвестна, ее быстро определяют по почерку преступления, и в зависимости от этого выстраивается план следствия.

Поэтому пора, наконец, твердо и внятно сказать: у преступности всегда была, есть и будет национальность. Каждый человек принадлежит какой-либо национальной родовой ветви. Не надо этого термина стесняться и пугаться. Мне кажется, что всякий произносящий надуманную фразу об отсутствии национальности у преступника, сам внутренне отрицает это утверждение. Констатация национальности ни в коей мере не унижает и не оскорбляет чью-то личность. Уроды есть в каждой семье. Полиция всех стран имела и имеет досье, учебники по действиям против преступников именно по национальным признакам. И не нужно здесь лукавить, равно как и использовать вымысел об отсутствии национальности у преступников в политических

целях. Таким образом не наладить отношений ни между странами, ни между народами. Человек человеку перестает быть врагом только тогда, когда обидчик просит прощения у обиженного. Никогда не будет между ними примирения, даже если выйдет официальное правительственное постановление «О примирении в связи с тем-то...»

Уголовные Кодексы Российской Империи и Российской Федерации заметно разнятся. Первый составлялся, основываясь на Евангелии. Но после 1917 года были написаны новые законы. Новая Конституция провозгласила, что Бога в России нет. Вот тут и произошел страшный духовный, а значит, юридический перекося. Согласно постулатам советских Конституций человек был лишен права быть православным и, следовательно, преступниками были все находящиеся во Христе. Не стану детализировать этот трагичный период: он всем хорошо известен...

В своих поездках по местам заключения я встречался с разными людьми. Вот так и познакомился с Михаилом Петровичем Потаповым. Почти полжизни он отсидел в тюрьме. Наша встреча началась со спора, а расставался я с ним с сожалением. Откуда он родом — не помнит, родителей не знает. От себя могу сказать: удивительной мудрости человек, с очень поучительными мыслями при неспешном, осторожном разговоре.

— Откуда родом, Петрович? — допытывался я.

Минутное молчание старика, глубокая затяжка «Беломором».

— Родом? — переспросил он. — А из храма!..

После последнего освобождения Петрович прижился в зоне — пригрел его батюшка при тюремной церкви. Да и начальство не пожалело, что приютило старика. Сколько его помнят, все в одних и тех же армейских брюках, солдатских сапогах, в подаренной кем-то из администрации гимнастерке и тюремной фуфайке. На редкость трудолюбивый и аккуратный старик.

— Знаешь, где я умный стал? — тихо покуривая, спросил он меня. — На кладбище, когда моего дружка Веньку отпевали. В 60 лет помер. Убили Веньку ночью блатные за лишнее слово.

Петрович долго сосредоточенно молчал. Потом продолжил:

— Вообще слово — дорогая вещь. Вот стоял тогда у могилки, глядел на батюшку, на Веньку-покойника и понял: где бы нашего русского мужика не носило, где бы мы по дури своей не кувыркались, а все одно заканчиваем под крестом и при батюшке. С церковью кресты поносили, а на кладбище так и не смогли. А знаешь, кто такой авторитет, «пахан» то есть?

— Нет, — говорю.

— Это сатана. А все остальные и мы, зековские «паханы», придуманные от гордыни, — все до одного у него в «шестерках». Как зажил своим умом, так под беса и попал. Мне надо было сорок лет отсидеть, чтобы до этого дойти.

Помолитесь за старика, люди добрые, за фронтовика с 1-го Белорусского (умудрившегося в своих тюремных скитаниях сохранить две медали «За отвагу»). Он так просил. Мне почему-то кажется, что он прочитает эту книгу и будет украдкой вытирать глаза. Ему крайне редко говорили от чистого сердца: «Желаем тебе здоровья, Михаил Петрович».

А вот от чиновников высокого уровня, имеющих отношение к правосудию, удалось мне услышать немало конфузного. С одним из них после разговора о воспитании в колониях коснулись Евангелия. И вот что заявляет мне высокопоставленное лицо: «Я внимательно изучил Евангелие... И ничего особенного там не нашел». Другой в подобной беседе сказал: «Надо еще проверить, как соответствует Евангелие законам РФ». Вот так. Ни больше, ни меньше.

Вся наша жизнь состоит, на первый взгляд, из необъяснимых порой случайностей, но при осмыслении понимаешь, что это совершенно последовательная жизненная цепочка событий. В этом меня еще раз убедил один заключенный, осужденный на долгий срок:

«Я думал, что все нечистое, творимое мною, останется вечной тайной. Даже фразу полюбил — «коммерческая тайна». Дурак. Это для нас наша деятельность — тайна, а на небесах это явная явь. Все закончилось тем, что мою «тайну» оценили в двенадцатилетнюю явь. Жена сказала, что когда мне зачитывали приговор, у меня так тряслись поджилки и так побелело лицо, что это заметил даже судья. Просто я боялся, что меня расстреляют».

И, кстати, о женах. О женах заключенных. Они нередко переносят такие духовные потрясения, которые мужчинам выдержать или крайне сложно или невозможно. Потрясающе прозвучали слова из уст одной уставшей от невзгод женщины, оглушенной приговором мужу о пожизненном заключении: «Он сидеть будет вечно, а я буду вечно его ждать. Любого. И вы, люди, не судите меня и примите такой».

Из писем заключенных:

«...В зале суда перед оглашением приговора я чувствовал лишь душевную пустоту, безысходность. Знал, что будет, но в голове это еще не укладывалось. Самое страшное для меня было то, что я ничем не могу помочь родителям и своей семье... Мой сын, которому сейчас уже 17 лет, на свиданиях выговаривает мне за совершенное мною преступление. Ему живется из-за меня нелегко: и в школе, и во дворе дома. Товарищи ему говорят, что он — сын преступника... Много обид и оскорблений приходится ему выносить. Вот так получается: преступники-то мы, а за сделанное нами страдают наши матери, жены,

дети. Лучше бы меня расстреляли, и я бы не испытывал таких ударов судьбы... Пришлите мне фотографию вашего храма, а если можно, и других. Я ведь к открыткам и фото красивым отношусь так же, как сорока к блестящему... Вот посмотришь, бывает, на купола, на цветы, на животных, и теплеет на душе. 12,5 лет вокруг лишь решетки да бетон, одна серость. А впереди еще столько же. У нас вот сейчас в окно виден ненадолго восход солнца. Представляешь, восходит новая жизнь. Вот где красота. Для меня эти минуты дороже всех богатств Центробанка...»

Все, о чем мы сейчас говорим, напрямую касается семьи. Семья — это микрогосударство, и её духовное здоровье, а вследствие этого и физическое, является делом государственной важности. Но прогрессирующий духовный терроризм, подпитывающийся из всех видов источников, всерьез изматывает ее, порой вплоть до уничтожения. Если из семьи уходит отец — это трагедия. Если мать — катастрофа.

Из письма заключенного:

«...До того, как меня доставили на чтение приговора, я думал, что я очень сильный и смелый человек, хотя чувствовал, что меня ждет «вышка». Но по тому, как шел судья, каким тоном он взялся читать приговор, я понял, что меня расстреляют... Больше всего я боялся не самого расстрела, а его ожидания. И придумал, что сразу, как об этом скажут, перегрызу себе вены. По мере того, как я слушал чтение, мне становилось плохо. При словах «...к смертной казни...» я потерял сознание. Врачи откачали меня прямо в зале суда. Потом, когда меня доставили в камеру, я долго не мог говорить, к тому же временно оглох и за месяц сильно облысел... Мне сидеть почти всю жизнь. Я убил человека в автобусе за то, что он на меня брезгливо смотрел. Тогда я ехал домой после

двух смен на заводе и от меня сильно пахло мазутом. Мне было очень плохо, так как нам семь месяцев не давали зарплату, и я не знал, что сказать жене... Я оказался очень слабый человек. Теперь я это понимаю. Моя мама умерла, когда мне было пятнадцать лет. Отец стал водить домой других женщин. Они были всегда пьяные, учили меня материться и рассказывать нехорошие анекдоты. Меня угнетало, что они спят на маминой кровати, берут ее вещи. Когда пятая или шестая женщина надела мамино пальто – я ушел из дома. Отец меня не искал... Жена обещала ждать меня, но после первого свидания, по тому, как она прощалась, я понял, что она никогда не придет. Из-за моей внешности мне дали нехорошую кличку. Меня это сильно мучило. На воле я смеялся над теми, кто ходил в церковь. Теперь в неволе постоянно хожу сам. Меня там никто не обижает, батюшка называет по имени. У каждого на земле есть свой «пяточок» для души. Для меня им стал тюремный храм. Тело в тюрьме, душа – в церкви. Простите, я каждое предложение пишу с перерывом. Стесняюсь сказать, что плачу. А зовут меня Максим».

Как-то жизнь свела меня с одним вором. Его судьба может послужить хорошим уроком для многих. Он, не скрывая своих преступных регалий, работал в одном из министерств. В наше время такое возможно. На государственные деньги построил себе огромный особняк, однако вскоре у него обнаружилось тяжелое заболевание крови. Сейчас он, оставшись без своих бывших дружков, продал почти все, что имел, за кровь для переливания, которую ему привозят из Европы. От бывшего богатства осталась только «завалинка». Поучительны слова этого осунувшегося, изнуренного болезнью человека: «Знаешь, что меня спасает? Я как-то вспомнил, что однажды от внезапной необъяснимой жалости, которая

была вообще мне не свойственна, подал приличную сумму матери солдата, тяжело раненного в Чечне. Это было глубокой осенью, вечером, когда я проезжал мимо одного госпиталя. Она стояла на остановке, уткнувшись в стекло лбом, и плакала. Что-то заставило меня остановиться и выйти из машины. Меня тогда обожгли ее обреченные глаза. Теперь, когда мне стало плохо, я постоянно прошу эту безымянную женщину о помощи, и мне становится легче...»

Каждому человеку при рождении дается талант. И когда приходит его «час икс», он за этот талант отчитывается. Кто-то говорит: «Боже, я возвращаю тебе этот талант крепкими здоровыми детьми и внуками...» Другой возвращает воинский талант званием Героя России за спасение людей и Отечества. Третий стал священником и покрестил сотни человек. Четвертый возвратил талант званием простого участкового милиционера, закрывшего собой своего подчиненного, сержанта милиции, в схватке с бандитами.

А вот пятый, став «вором в законе», открыл несколько казино, сбил с жизненного пути сотни людей. Но никто из представителей преступного мира не рискнет во время суда или своей предвыборной кампании сказать: «Главная задача моей жизни — уничтожение правоохранительных органов». Духа не хватит. Значит, это фальшивый талант. И у власти есть богатая практика, как эту фальшивую «купюру» изымать и обезвреживать.

Без ярких, самобытных талантов невозможно представить и такую область человеческой деятельности, как культура. Но то, что творится в ней сейчас, без преувеличения можно было бы назвать «скрещиванием» греха, его средоточием. От этого рождается духовная дрянь. В сегодняшней культуре, за редким исключением, «из одного металла льют медаль за бред, медаль за блуд». Фильмы о вреде греха показывают так, что грешить

хочется еще больше. После просмотра телепередач и чтения подобной литературы невольно появляется мысль, что в наше время быть воспитанным человеком просто неприлично.

Свобода слова и свобода мерзости — это не одно и то же.

По моей просьбе один юрист согласился дать правовую оценку некоторым телепередачам и программам. Результат получился ошеломляющий. Подавляющее большинство из них содержат нарушения, подпадающие под статьи уголовного кодекса. И не за абы какие-то «мелковатые» преступления, а буквально за следующее: незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни человека; пропаганда мошенничества; унижение национального достоинства и разжигание национальной розни; пропаганда кражи, контрабанды, незаконного предпринимательства; пропаганда национальной и религиозной вражды; пропаганда развратных действий и сводничества, вовлечение в проституцию. Самое поразительное, что все это транслируется по государственным телеканалам. А о печатной продукции и говорить не стоит.

По тому, какова культура, судят о здоровье нации. Слабость власти и заключается в том, что показ греха разрешен Законом, а затем граждан, особенно молодежь, увидевших это зло и повторивших его в реальности, этим же Законом и судят. Значит, нужно менять законы и судить не только совершившего преступление, но и того или тех, кто спровоцировал человека на преступное деяние.

Из письма заключенного:

«...Вообще-то зеки каются очень осторожно. Боятся. У многих встреча со священником происходит первый раз в жизни, и речь от этого скупая, выверенная. Мы тщательно подбираем слова. Но если начи-

наем доверять, то от всего сердца. Однажды мой друг в конце исповеди эмоционально и искренне выпалил: «Батюшка, я умру за тебя!» Мои грехи я называть при всех не решусь никогда. Опасно. Иначе те, кто услышат, возгордятся, какие они чистые. Но это шутка. Я знаю, что в свой последний час мусульмане падают на колени и совершают намаз. Русские мысленно просят: «Господи, помилуй...» Я знаю случай, когда однажды под видом переодетого священника пришел следователь, но заключенный-смертник это определил мгновенно и едва не забил лукавого... Интересно, почему по Закону Божьему люди учатся жить, а Уголовный Кодекс боятся и ненавидят? Может, потому, что УК написан такими же грешниками, как я?.. Из-за отсутствия священника мы часто каемся своим родителям, а у кого их нет — иконам. Просто суд наше покаяние никогда не учтет...

Наши зековские песни особенные. Это воеет наша истоптанная, грешная, проклятая всеми душа. Внешне мы бравуруем, но на деле тоска и пустота. Жаль, что молодые на воле этого не понимают. Нас в камере трое. У всех большие сроки. Видимо, это Божий промысел. Первые недели мы бесились, ненавидя друг друга. Потом смирились, сейчас живем очень мирно, даже ухаживаем друг за другом. На нас любил в глазок смотреть один надзиратель, как в кино. Но, слава Богу, администрация сочувствует нам, и его убрали. Стало легче. В миру я был качок — мастер спорта. Здесь понял, что не в то вложил свою жизнь...»

Братья и сестры, мы подошли непосредственно к самой сложной теме — теме смертной казни. Эта мера наказания всюду и во все времена никогда однозначно не воспринималась сторонами — ни потерпевшими, ни пострадавшими. Главная тяжесть смертной казни — в ее ожидании. Расстрел отличается от ада

тем, что он происходит, как физическая кара, один раз. В аду же казнят вечно.

К сожалению, как это ни трагично, сегодня многих людей интересует уже не столько сама справедливость наказания, сколько то, КАК это будет происходить. Считаю своим долгом предостеречь. Смертная казнь — это очень суровый акт. Человека лишают жизни. И за исполнение этого приговора несут серьезнейшую духовную и юридическую ответственность все: от следователя до Президента. Особенно велика ответственность Президента, взявшего на себя главное бремя — своей властью осознанно разрешить казнь человека. Архисложность принятия данного решения заключается в вынесении окончательного вердикта: СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ТАКОЕ НАКАЗАНИЕ СОВЕРШЕННОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ И ВСЕ ЛИ СДЕЛАЛО ОБЩЕСТВО, ЧТОБЫ СПАСТИ ЭТУ ПАДШУЮ ГРЕШНУЮ ДУШУ. Ошибка здесь непоравима, как у сапера на минном поле, ведь от наказания должна быть польза, а не зло. Но, увы, такое случилось. Так, перед тем как казнили маньяка А. Чикатило, был ошибочно казнен А. Кравченко. Государство оказалось к нему немилосердным, хотя он подавал прошение о помиловании.

Приговоры приводят в исполнение люди, внешне от нас ничем не отличающиеся. Если сказать образно — это «хирургическое вмешательство», которое исполняют люди особого рода, призванные Законом избавить общество от «злокачественной опухоли». Не следует давать уничижительные характеристики тем, кто имеет непосредственное отношение к исполнению смертных приговоров. Это самая секретная должность в государстве. Очень мудро, что она тщательно сокрыта от глаз нездорового любопытства. Эта служба своей тайны не раскрывает никогда. Давайте только представим: вдруг мы

узнаем, что наш отец, сосед или человек в нашем подъезде является исполнителем... Последствия могут быть ужасными — и для нас, и для него.

Зрелище самой казни настолько жестокое и отвратительное, что при всей нашей искусственной браваре («да я бы его!..») — сделать это сможет далеко не каждый человек. Не говоря уже о том, что такая бравара также может иметь тяжкие последствия. Как известно, в ряде государств (например, в Китае, некоторых мусульманских странах, в США) до сих пор сохраняется традиция публичной демонстрации казней — в назидаение и для устрашения. Однако это несоизмеримо с огромным, непоправимым ущербом, который тем самым наносится здоровью людей.

Вместе с тем не секрет, что у потомков людей, однажды увидевших процесс исполнения смертной казни, нередко наблюдались серьезные психические расстройства и генетические аномалии. Известный психолог Н.К. Михайловский приводил такие примеры о пагубном влиянии смертной казни на зрителей. «...Одна беременная женщина, присутствовавшая при смертной казни колесованием и чрезвычайно пораженная этим кровавым зрелищем, родила больного ребенка, члены тела которого были переломаны как раз в тех местах, где прошло колесо по телу казненного... Подобный же случай был таковым: преступнику отрубили сначала руку, а потом обезглавили. Присутствовавшая беременная женщина не выдержала зрелища до конца. После того, как топор палача опустился на руку преступника, она пришла в величайшее смущение. Через несколько дней она родила безрукого ребенка. Таким образом, школа показательных казней есть школа варварства и ожесточения нравов».

Похоже, и у нас в стране есть сторонники подобных «демонстраций». Иначе чем объяснить появление на телевизионных каналах под видом убедительных дока-

зательств документальных кадров о казни бандитами своих жертв? А поганые, дурманные передачи о преступности, где под предлогом «хочу все знать» учат души привыкать ко злу? Пора трезво осознать: никогда в семье, где есть безумные родители, не будет здорового потомства. Ростки кипятком не поливают.

Однажды одному актеру-католику из Европы предложили сыграть роль преступника, которого казнят. Он вначале попросил показать ему, как это выглядит на самом деле. Актер не смог досмотреть видеосъемку до конца и навсегда оставил свою профессию. Свое решение он объяснил так: смерть, как и рождение, человеку сыграть не дано, это вне нашего разума и сил. Все попытки изобразить смерть являются неуклюжими домыслами и плодом галлюцинаций, которые приводят к тяжелым родовым последствиям. Нужно признать, что это один из немногих актеров, сохранивший таким поступком духовный разум и здравие.

Из откровения бывшего смертника:

«...Когда-то я имел отношение к кинематографу... У меня есть мечта. Когда-нибудь снять документальный фильм из двух минут. Первая минута, где мы погрязаем в золоте и разврате и как ведем себя при этом. Вторая – как мы ведем себя в последние секунды перед расстрелом. Уверяю всех: от этих кадров вразумилась бы не одна падшая душа... Я стал умнеть в ожидании казни, которую ждал много месяцев... Конечно, в действительности этот фильм снять нельзя. Его смысл в том, что в этот миг надо показать глаза, а для этого придется открыть лицо. Не дадут. Может, и правильно. Не себя жалко. Мать. Она этого не переживет, а для моих близких наступят черные дни. Их изживут. Еще прошу вас: не плюйте на тюрьму. Здесь не все подонки. А лучше поставьте за нас безымянную свечу. В миру я Василий...»

В России к смертной казни на протяжении многих веков всегда было разное отношение — ее то применяли, то отменяли. Я не буду приводить эти примеры. Об этом много и достаточно толково написано. Просто скажу: покой общества зависит не от того, казнить или миловать, а от здоровой духовности. И ни от чего больше.

«...Этого парня с «разноцветной» фамилией доставили в камеру ожидания казни вскоре после суда, — рассказывал мне один следователь. — На вопрос судьи: «Зачем убивал?» — он ответил: «Я самосовершенствовался». Он показывал в камере язык, корчил рожи. Офицеры следственной группы, не сговариваясь, сказали: «Никогда еще не приходилось видеть такую мерзость». Осознать свой грех этому заключенному непросто. Он был сирота при живых родителях. Мать — алкоголичка с пятнадцати лет, а кто из ее семи официальных мужей был его отцом, неизвестно».

Из откровения прокурора, вынесшего смертный приговор:

«...Было неспокойно после суда... Сразу стали мучить раздумья. Это серьезно сказалось на моем душевном состоянии... Самоистязания закончились тем, что я впервые в зрелом возрасте пришел к батюшке и покаялся. Надо сказать, что для меня это был трудный шаг... После долгого разговора со священником мучения постепенно отпустили меня. Но впоследствии подобного вида деятельности я стал категорически избегать... Однажды при чтении Указа о помиловании осужденный находился в таком состоянии душевных мук, что, видимо, принял его за Указ о расстреле и умер от разрыва сердца. У моей знакомой, которая вела подобное дело, будучи беременной, все закончилось тем, что произошел выкидыш... Надо вообще беречь женщин от такого рода дел. Для кого-то первое слово было Бог... Для другого — мат, муки. И все одно в итоге — Бог...»

Для исполнителей приговора сама смертная казнь — это труднейшее испытание. В процессе подготовки и в момент приведения приговора у всех исполнителей наблюдаются неадекватные психические изменения: замкнутость, ухудшение зрения, сбои в дыхании, а после — нередко наступает тяжелейшая депрессия, которая порой приводит к самоубийству. У меня была однажды встреча с одним из таких людей. Он коротко и глуховато пояснил это так: «Некому было в то время излить горе с души... Сгорали сами в себе. Не знаю, как другие, но я за несколько минут до приведения приговора в исполнение будто не своим языком говорил: «Господи, помилуй...»

При вынесении любого судебного решения, даже самого простого, все имеющие к этому отношение люди должны осознавать, что они не меньшие грешники, чем подсудимые. Нельзя брать на себя роль непогрешимого судьи. Ибо только Суд Божий окончательный и обжалованию не подлежит. Хотелось бы, чтобы судьи были духом здоровее обвиняемых и обладали высокой нравственностью. Увы, это только мечта.

Вы спросите, а как быть с Басаевым и ему подобными? Скажу от себя. Они должны быть осуждены по законам военного времени и приговорены к смертной казни. Для такого рода преступлений нужна именно такая статья в Уголовном кодексе. Когда государство не карает за преступление в соответствии с его тяжестью, то люди, не удовлетворенные судебным решением, мстят сами.

Нелишним будет сказать здесь о правильности важнейшего пункта в УК, в котором говорится о порядке исполнения смертной казни. Вот как он звучит: «Администрация учреждения, в котором исполнена смертная казнь, обязана поставить в известность об исполнении наказания суд, вынесший приговор, а также одного из близких родственников осужденного. Тело для захоро-

нения не выдается и о месте захоронения не сообщается». Для такой практики есть более чем серьезные основания, так как горький опыт показывает, что к местам захоронения преступников нередко начинается нездоровое «паломничество». Или же совершается шумное политическое надругательство отдельными обиженными, что приводит к настоящей войне между кланами.

Следует напомнить, какая кара настигла предателей Родины, совершивших преступления во время Великой Отечественной войны. Подчеркну, что суд Военного трибунала по данным делам действовал исключительно грамотно, практически безупречно. Приговоры над изменниками Родины в количестве 11 человек были приведены в исполнение через повешение 18 июля 1943 года в 13 часов в городе Краснодаре в присутствии более 30 000 человек. А 19 декабря 1943 года подобная казнь была исполнена над несколькими немецкими оккупантами и предателем Булановым. Впервые на место казни были приглашены представители отечественной и зарубежной прессы. Казнь была воспринята народом со вздохом облегчения, ибо жестокость немецко-фашистских захватчиков на русской земле была столь чудовищной, что даже такая кара многим казалась недостаточной. Что касается Буланова, то трагичность его судьбы была в том, что он так и не осознал, насколько страшно осквернил свой род. Его близкие после его разоблачения не смогли остаться в этих местах и канули кто куда. Булановское древо сгнило и рассыпалось в прах.

В судьбе человека, осужденного по любой статье Уголовного кодекса, не может быть только его личной вины. Если проследить преступление от «корня» до справедливого возмездия, то есть от истока, «зачатия» греха до выстрела в камере исполнения, мы найдем на этой линии жизни огромное количество виновных прямо или косвенно. Поэтому не надо смотреть на узника со зло-

бой, ибо неведомо, кто по твоей линии будет сидеть в тюрьме за твои грехи. Земная тюрьма — это миллионное подобие ада, где вот так же томятся души наших поколений. Но у нас по сравнению с ними еще есть шанс — покаяние. Ни в коем случае нельзя лишать человека надежды на милосердие и прощение. Иначе это порождает еще более страшные действия. Милосердие поднимает на крыло и спасает душу, а если его нет — приводит к тяжелейшим последствиям целые поколения. Если нет надежды, то нарушается заповедь спасения через покаяние.

Почему перед казнью человек ведет себя, мягко говоря, неадекватно? Потому что мечется его нераскаянная душа. Мне рассказывал один осужденный, как он пережил смертный приговор: «Теперь я знаю, что такое душа в пятках... Это не вымысел... Это действительно так. Мои ноги вросли свинцом в пол. Но самое главное знаешь в чем? После приговора недели через две я ощутил, что у меня прошли три почти неизлечимых болезни...»

Особо следует сказать о тех, кто по долгу службы каждодневно имеет контакты с заключенными, обеспечивая охрану, порядок и весь уклад тюремной жизни. «Тюрьма — есть место окаянное, и работать тут должны люди твердые, добрые и веселые». Так без малого триста лет тому назад мудро рассудил царь Петр I. Сегодня условия тюремной службы таковы, что порой поражаешься, как эти люди, при такой суровой жизни и лишениях, умудряются добросовестно исполнять свои служебные обязанности.

Я как-то разговаривал с одним человеком этой профессии. Он поделился со мной весьма настораживающим наблюдением: «Сегодня законодательство приняло такую форму, что складывается ощущение, словно происходит целенаправленный, стремительный перегон максимального количества людей, особенно молодежи, че-

рез тюрьмы. Затем в нужный момент будет внезапно принят такой закон, после которого произойдет быстрое и крайне опасное накопление заключенных».

Братья и сестры! Приближаясь к завершению вступительной главы, вновь хочу сказать: тюремное заключение, при всей трагичности происходящего — это Божий Промысел. Прихожане тюремного храма и мирского заметно отличаются друг от друга. Уровень отчаяния, страдания и духовного потрясения мирян блекнет по сравнению с таким состоянием у заключенных. Поэтому священник тюремный несет тяжелейший крест. Он должен обладать уровнем сострадания и терпения, равным горю его непростых прихожан. Это, если хотите, воинский подвиг, битва за карабкающиеся из последних сил души. Некоторые исповеди выслушивать настолько тяжело, что с полным основанием можно сказать: «Тюремный священник — это высоконравственный и мужественный человек. Это лицо не только духовное, но и государственное». И если еще более объединятся тюремная администрация и Православная Церковь — это будет невероятное благо и для заключенных, и для слугителей закона, и для всех нас.

Тюрьма — это всенародное горе. И молитва за этих грешников тоже нужна всенародная. Недаром церковные ящики пожертвований в местах заключения — самые полные в России, забитые до отказа. Хочу привести изречение из Евангелия:

«...Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю...»

А завершить эту главу хочу словами одного молодого тюремного священника, который на вопрос заключенного «Батюшка, а что такое чудо?» ответил:

— Чудо? Чудо — это то, что ты принял сегодня Святое Крещение... И попросил прощения у отца с матерью.

Братия и сестры, я всем желаю созидательного чуда, терпения, оздоровления духа, Божией помощи в наше непростое время и прошу ваших молитв.

*С поклоном,
раб Божий Виктор Николаев*

Ввиду чрезвычайной серьезности темы каждый герой книги представляет отдельно взятое исправительное учреждение России. В то же время он является подлинным прихожанином своего тюремного храма. Изменены некоторые имена героев книги за исключением тех, кто лично просил о сугубой молитве. Упомянутые священники успешно выполняют свое нелегкое служение и просят молитв читателей по их подлинным именам.

ПОМОЗИ МИ...

Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице...

В тюремном Храме в раннее воскресное утро двое заключенных пели молитву ко Пресвятой Богородице. Тихо мерцали свечи, лился негромкий голос. Было еще довольно темно, за окном середина ноября. Молодые люди пели. Вернее, это было даже не пение. Заключенные умоляли Мать... Как дети просят мать о помощи в беде, при болях, при голоде, холоде. Их голоса, в которых слышались надрыв, скорбь, покаяние, надежда и что-то сокровенное, глубинное из сердца, способны были остановить любого, услышавшего такое.

...приятельнице сырых и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице! Зриши мою весть, зриши мою скорбь...

Они приходили сюда почти ежедневно. Пять, а то и десять человек. Иногда — один. Особенно любили собираться перед Воскресной литургией за час-полтора до ее начала. Приход был небольшим по сравнению с общим количеством заключенных, человек тридцать, но довольно дружным и крепким. Они любили эту молитву, при словах «помози ми» некоторые украдкой плакали.

...Помози ми яко немощну, окорми мя яко странна...

Сегодняшнюю Воскресную службу в Храме святителя Николая, находящегося на территории тюрьмы, будет вести его настоятель отец Игнатий. Нередко ему помогают в этом иеромонах отец Нектарий и прибывший с ним алтарник Дионисий. Священников ждали. Так ждут и так взывают о помощи только при непоправимой беде. Непоправимой своими силами. В месте долгого отлучения от воли. В храмах на воле такой зов услышишь нечасто.

...ОБИДУ МОЮ ВЕСИ, РАЗРЕШИ ТУ, ЯКО ВОЛНИШИ...

Один из певчих был сирота. Таким в зоне наиболее тяжело. К ним особое отношение, чаще всего жестокое. У каждого человека своя дорога к Богу. Этот сирота пришел к Нему от голода. Крайнего голода, который довел его почти до истощения еще в СИЗО. Он был доставлен в это учреждение в середине зимы в истоптанных дерматиновых тапочках, носках разного цвета с дырявыми пятками и изрядно поношенном спортивном костюме с отвисшими коленками. В вещмешке, сделанном из наволочки, была только затертая зубная щетка и заскорузлое солдатское полотенце. Первое время, увидев обеденный стол в этом учреждении, Толя (так звали паренька) едва не задохнулся от такого обилия еды и вкусного запаха. До этого он несколько месяцев жил впроголодь и теперь, чтобы задержаться после команды «Встать! На выход!», специально ронял ложку и, ползая под столом, собирал все упавшие на пол крошки. На столе их почти никогда не оставалось. Тюрьма учит беречь хлеб. Хлеб и привел Тольку в Храм святителя Николая.

Как-то одна добрая душа передала в тюрьму несколько коробок с пряниками. Отец Игнатий, доставивший их, попросил первого оказавшегося рядом заключенного помочь. Подвернулся Толька. Священник увидел то, чего в миру почти не бывает. Худющий долговязый мальчишка в дерматиновых тапочках, идя по стылому асфальту, съел все пряники. Три килограмма за двадцать минут. Тольку попытались было остановить другие помощники, но отец Игнатий резко осадил их взмахом руки: «Не мешать!»

...яко не имам нныя помощи разве Тебе, ни нныя предстательницы...

Из школы Толька выпустился отличником. Прикрепкой семье и дружных папке с мамкой. Еще был брат, калека на ноги от рождения, и бабушка. Беда в деревню пришла в начале осени, под утро. Прорвало плотину большого рыбного пруда, построенную залетными шабашниками. Когда они появились, местные мужики насурмились. «Опять грачи прилетели. Своих что ли мастеров не хватает? Тебя зачем избирали?» — тыкали они зло начальнику. После отъезда гастролеров построенное ими сооружение через месяц прорвало в двух местах, и огромная масса воды хлынула в деревню. За несколько минут было снесено пять домов, погибло девять человек. В их числе вся Толькина семья. Его спасло то, что, вернувшись поздно из клуба, он по привычке лег спать в бане, стоявшей на холме. Родственники особой настойчивости и желания приютить сироту не проявили.

Толька сразу замкнулся, стал молчалив, потемнел лицом. Днями ходил по смытому дому, будто искал кого. Из всех погибших нашли только четырех. Из Толькиных — лишь отца. Да отыскался еще бабкин сундучок, прибитый к мосту, почти сухой изнутри. В нем приготовленное нехитрое облачение на смерть, да как самое дорогое сбережение — перетянутая лентой коробочка с медалью «Ветеран труда».

Толька сорвался внезапно. Ни с того ни с сего изувечил друга. По дороге в больницу тот умер.

...В дни посещения заключенных родными Толька очень часто смотрел в щель тюремного ограждения. Особенно в те дни, когда к другим заключенным приезжали матери. Его не трогали часовые и администрация, считая этого паренька чудаковатым.

...ни благия утешительницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покрыеши во веки веков...

Толькин поющий друг, с обожженным лицом и руками со срубленными двумя пальцами на правой и четырьмя на левой, был чуть постарше. До суда — старший лейтенант Вооруженных Сил Российской Федерации, командир роты десантно-штурмовой бригады на бесконечной войне. Сюда он попал...

Впрочем, обо всем по порядку. О непростых прихожанах этого Божьего рубежа защиты и излечения души. Из тюрьмы, а по документам учреждения — №... ОЖ..., каких десятки на необъятной российской земле.

...К кому возопию, Владычице? К кому прибегну в горести моей, аще не к Тебе, Царнице Небесная? Кто плач мой и воздыхание мое примет, аще не Ты, Пренепорочная, надежда христиан и прибежище нам грешным?..

НИКТО ТЕБЯ НЕ ОБИДИТ

Тюремные прихожане собирались довольно быстро. Опаздывать было не то что не принято, а как раз напротив: всем хотелось прибыть пораньше, загодя. После чтения утренних молитв, к которым присоединялись все желающие, всегда образовывалась временная пауза. Минут двадцать-тридцать. В это время шло характерное для любого прихода приготовление к службе: кто-то что-то подносил, относил, переставлял, поправлял свечи... Но все это шевеление происходило размеренно, бесшумно и несуетливо, словно исполняющим послушания это доставляло необъяснимое удовольствие.

Никто не опоздал, никто никуда не спешил и берег данное время, как будто от этого сокращался срок тюремного заключения. Привычно образовались три-четыре рядка, и все же каждый старался занять место у любимой иконы. Тихо, поразительно тихо, едва не на цыпочках, поставили свечи дорогим образам за близких и родных, начальников уважаемых и не очень. За всех. Наступало главное событие — Божественная литургия. Главное потому, что в ее значение верили, желали верить, как в Воскресение. Отличие находящихся здесь людей от тех, которые были за стенами тюремной церкви, было в том, что здесь были Иван Савельевич, Анатолий, Леонид, Фрол Макарыч, майор Сергей Ольхов... и так далее. А в той среде, за стенами храма, как в иной жизни — в основном клички, номера, сроки. Эти люди приходили сюда оттуда, где спали на доставшемся месте, нередко унижительном, работали там, где не хватало чьих-то рук, ели порой то, что оставалось после других. И даже чтобы это иметь, надо было часто не попросить, а урвать. Но это там, где был мир тюремных

законов. Здесь было царство иного Закона — Божьего. Где вспоминалось, что они инженеры, мастера золотые руки, профессора, защитники Отечества, и что немало важно — отцы, сыновья, дедушки... Что они — люди Божьи.

Постепенно затих шум, прекратился шепот, даже после неловкого покашливания кто-то виновато оглядывался, будто извинялся. Последняя минута ожидания пролетела в полной тишине. В храме воцарилось торжественное напряжение.

— Благослови, владыко.

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.

Ясный и четкий голос священника объявил о начале Божественной литургии. Начальные, пока нестройные голоса певчих вторили:

— Аминь.

— Миром Господу помолимся.

— Господи, помилуй...

Певчих на клиросе было трое. Выполняющие столь почетное послушание Анатолий, Леонид и алтарник Дионисий последующие строки исполняли уже в лад, красиво, напевно.

Помимо Толи, вот уже год как бессменным певчим был Ленька Таранька, осужденный за воровство. Этих ребят соединила схожая жизненная беда. Ленька, как и Толик, был сирота. Ему, как и Тольке, дойти до церкви помогло не счастье, а несчастье. Ленька стал сиротой в 13 лет. Его отец Никифор был мельником, а мать Тамара помогала мужу в его непростой, важной и во все времена нужной профессии. Земля в этих местах была плодovitой, благодаря чему у сельского мужика кое-что еще имелось и в сусеках, и на столе. Тамара была статная, всегда задумчивая женщина. Ее рожде-

ние произошло не удивительным для голодного послевоенного времени способом. Мать Тамары сама у себя в предрассветное утро приняла роды. В это время все уже были в поле. Перекусила пуповину, омыла и запеленала дочь, дав ей от души горласто накричаться. Когда утром к ней зашли, дитя уже сладко спало в люльке.

Нужда в сельской мельнице появилась, когда Ленке было 10 лет. Никифора, как самого хваткого и трудолюбивого, общим решением назначили главным на строительстве, где он стал пропадать денно и ночью. К моменту его завершения обнаружилось, что не хватает самого малого количества кирпича. Его быстро, без раздумий взяли, разобрав часть полуразрушенной церкви. Старики на это погрозили пальцем. Молодежь посмеялась.

— Цыц! Молодым везде у нас дорога.

— Нехорошая твоя дорога, Никифор, — попытались было остановить его деда.

Но он лишь отмахнулся:

— Прошло ваше время.

Чье-то время прошло, а вот Никифора пришло. Однажды во время самых жарких рабочих дней, неведомо как упавший огромный каменный мельничный круг насмерть раздавил Ленкиного отца. От этого потрясения Тамара на глазах стала быстро меняться. Ленка часто заставлял мать в тяжелом душевном состоянии, даже не плачущую, а просто бессмысленно смотрящую в окно. Видя эти перемены, «упаси, Боже» вымолвил даже атеист Мироныч. Тамара запила. Сильно. Ко всему она стала беспорядочно и без разбору гулять, не глядя на возраст. Позже она умерла в бане. Говорят, угорела.

18-летний Ленка, кувыркаясь, пошел вразнос. Жизненное течение занесло его в тихий омут, в котором водился бывший зек Мотя, одаривший Тараньку кличкой Таран. На вид этому Моте можно было дать от 20 до 40 лет. Ленкин земляк, он освободился из мест

заклучения, где отсидел за кражу. За нередкими пьянками этот физически полуразвалившийся человек, бывало, подолгу плакал Леньке в плечо. Однажды такая попойка завершилась кровным братанием. По настоянию Моти они надрезали друг другу руки и смешали кровь. Братья навек. Присутствовавшие при этом подруги, заливаясь пьяным смехом, восторгались необычным поступком мужчин.

Ленька Таранька с кликухой Таран был человеком глубоко несчастным от того, что внезапно лишился отцовских рук и мамкиной жалости. А это очень важно для ребенка, для его сердчишка. После смерти матери из него будто кто-то взял и выдохнул и без того нервную душонку. Районная общественная организация пыталась приютить Леньку в одном из своих лагерей, но безотцовщина она и есть безотцовщина. А лагеря? Хоть и бывшие пионерские, а все одно лагеря. Ленька сбежал оттуда к своему деду Федору, мамкиному отцу. Ему с ним было спокойнее. Дед был конюхом и фронтовиком. С войны он вернулся при пяти наградах. Самая любимая была та, на которой было выбито, что он взял Берлин. У деда Федора не было обеих ног: одной совсем, другой — по колено. Он жил постоянно на конюшне, спал на кошме, а вместо подушки подкладывал седло. О войне вспоминал после ста фронтовых. Любил говорить, что он служил не на таком-то фронте, а у такого-то полководца под знаменем такого-то полка. Вставал всегда до восхода солнца. Дед был вроде будильника для баб, поднимая их на утреннюю дойку. Звонком являлся его зычный крик: «И-и-и раз!!» Рывок — и дед Федор сидел. По-другому безногому фронтовику встать не удавалось. Далее шел процесс пристегивания деревянных ног, которые он соорудил сам, нюханье табака, примерно десятиминутное чихание с таким звуком, что загодя приседал жеребец Гневный. К деду Федору нередко заглядывал его давнишний дру-

жок-подводник, семидесятилетний дед Савелий. Конюшня находилась в конце улицы. При встрече дедки поднимали «перископ», то есть выглядывали в окошко, тщательно просматривая «горизонт»: не надвигается ли шторм в лице его бабки Дуси? Дед Савелий был моряк. Убедившись, что «горизонт» чист, фронтовики доставали купленный на сэкономленные средства шкалик 0,25 л «Московской», выпивали для сугрева и выставляли квашеную капусту. О закуске говорили так: «Лучшая закуска — русская капустка. И поставить не стыдно, и сожрут — не жалко». После принятого старики, осмотрев стойло, заваливались отдохнуть. Здесь началось то, о чем не без смеха судачила вся округа. Едва закрыв глаза, деды начинали переливисто заходиться в редчайшем музыкальном храпе. Послушать этот дуэт, точно на концерт, с удовольствием собиралось пол-улицы. Но однажды дедов «перископ» не сработал.

— Что затихли?! Ишь, с о б р а л и с я... И-х-хде!?

На пороге стояла баба Дуся, ростом с Гневного.

— Так... ить... вот к другу.., — судорожно ища оправдание, бормотал дед Савелий, трагично глядя на опрометчиво не спрятанные стопки.

— Знаю вашу дружбу! И-хде, спрашиваю? Куда успели засунуть?

Баба Дуся приготовила основной дуплет в виде получасовой речи, однажды завершившейся для фронтовиков оглоблей. Нынче беда пришла, откуда не ждали. Гневный от бабьего гнева присел на задние копыта, всхрапнул, взмахнул хвостом и... остолбенелые старики вытаращились в пол. На нем лежал «смысл жизни» в виде разбитого шкалика. Он выпал из-под конского хвоста, доселе являвшегося тайником.

...Впервые Ленька попался на воровстве. Пытался тайком увести чужую корову. Так как дело было ночью, он вместе с ней попал в рукотворное болото из навоза, где его и застали пастухи. Корову вытащили.

Долго курили, размышляя, оставить Леньку в г... или пощадить. Когда жижка дошла Леньке до плеч, бросили трос от трактора-экскаватора «Беларусь». После чего парня, всего в вонючей жиже, связанного привезли в тракторном ковше к сельсовету и вывалили на крыльцо. Нате! В деревне за этот проступок поругали, пошумели, но простили, отвоевав Леньку у районной прокуратуры под честное слово, положив в основу убедительный факт его трагичной судьбы. Но увы! Буквально через неделю Таран ограбил сельский магазин.

Залез он, как сказал на суде, из-за «романтики», наслушавшись от Моти рассказов про сладкую жизнь уголовников. Конкретной цели воровства не было. Так, набрал конфет, какие-то ботинки фабрики «Скороход», про деньги даже забыл. Вылезая через подвальное окно, зацепился за ящик с вином. Таким его и застали, спящим во хмелю. Выше пояса — на улице, ниже пояса — в подвале. В милицию отвезли его те, которые совсем недавно уберegli от суда.

Тюрьма — суровое, а часто и жестокое испытание. В ней уже за короткий срок Ленька познал очень многое. Видел цену воровству у «своих», когда дружка, пойманного на этом, наказали «крысятником», то есть пинками прогнали под всеми кроватями. При этом бить его должны были все. Зрелище жутковатое. У затравленного, обезумевшего паренька густой слюной стекала кровь, руки были оттоптаны до синевы, он на ходу без причины поносил. На следующий день его доставили в тюремную больницу, больше он не появился. Видел Ленька и как воспитывали нерях. В камерах было много народу, и результатом малейшей неопрятности, вызывавшей кислый запах от нестиранной одежды и немытого тела, была специфическая духота и вонь. Если грязнуля не желал следить за собой сам, его сначала предупреждали, не понимал — заставляли наводить убор-

ку силой. Нажевавшись грязной одежды и вылизав грязную обувь, он быстро становился «мойдодыром».

Ленька нередко плакал по ночам, видя, как к другим приезжали родственники или присылались посылки. Он всем говорил, что у него есть родители, чтобы заключенные знали: за него есть кому заступиться. Ленькиным спасением стали обнаруженные у него весьма неплохие способности печь хлеб. В свое время это прекрасно делал его отец, а он очень любил ему помогать. Булки от Ленькиных рук были настолько хороши, что его выпечка пользовалась успехом и у работников тюремной администрации. Два сидящих «авторитета» однажды, взяв хлеб, назвали его «леонидом». Это был серьезный признак уважения. Уходя, один из них сказал: «Ты, вот что, давай не ври! Нет у тебя никого. Пеки хлеб. Никто тебя не обидит».

Из письма заключенного:

«Мир Вам и душе Вашей... Пишет Вам заключенный Геннадий. Кратко о себе. Родился и рос на Алтае до 18 лет. В 19 лет совершил это страшное преступление, покушался на жизнь четырех человек и слава Богу, что меня покарал суд Божий и суд человеческий... Мне дали расстрел, а потом заменили на пожизненное заключение. В Бога уверовал в 1994 году, под «вышкой». А до этого даже понятия никакого не имел, что такое Бог. Жил и рос в деревне, в глухомани, в многодетной бедной семье, без родителя и ни разу церковь наяву не видел, не говоря уже о том, чтобы бывать там... И священника только здесь первый раз увидел. В 1998 году принял крещение и слава Богу, что крещен в православной вере. Здесь заболел туберкулезом и некоторыми еще болезнями... Вам пишу оттого, что нуждаюсь з поддержке духовной больше, чем в материальной... К другим верующим, неправославным, не хочу обращаться, хотя и знаю, что они многим

помогают... Мне, тяжело болящему, одна женщина прислала письмо, где назвала сыночком. Я долго плакал, потому что не помню своего родителя, и от рождения меня так никто не называл... Мне было так тепло и хорошо, что я за одну ночь выздоровел. А однажды мне приснился папа. Будто я сижу у печки, в доме тихо-тихо, и он гладит меня по голове. Я даже запомнил его лицо. Оно было очень грустное, а ладошка теплая и шершавая. Мне кажется, что кто не знает отцовских глаз и рук — все сироты. Здоровья всем, кто хоть прочитал мое письмо...»

...Яко Твоя держава и Твое есть Царство; и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков...

Воскресная служба проходила чинно и ладно. После необходимых приготовлений к принятию исповеди приступил отец Нектарий. Он уже не раз бывал в этом храме. Знал многие тайные недуги паствы. У каждого грешника — свой духовный отец, и отец Игнатий был ничуть не в обиде на нескольких заключенных, которые, смущаясь и сознавая некоторую неловкость своей просьбы, попросили пригласить отца Нектария. Он даже не скрыл своего удовлетворения по этому поводу.

— Будет, — коротко и спокойно пообещал он прихожанам. — Готовьтесь.

Глава 2

БЕДА

Первым встал на колени перед священником щупленький и неказистый с виду Саня Беда. Несмотря на свою отнюдь не ординарную фамилию, он был больше известен, как Саня Наполеон. Такое необычное имя он получил по той причине, что был одного роста с французским императором Бонапартом — 152 сантиметра. У Сани не было правой руки. «Как думаешь, почему ее ампутировали?» — спросил он как-то одного прихожанина. И получил спокойный ответ: «Потому, что ты ей чаще грешил, чем крестился». Беда сидел третий раз.

Саня был хитроватый и ушлый мужичок. Несмотря на свое девятиклассное образование, он слыл в своем отряде способным человеком, особенно по вопросу, как наиболее толково написать заявление в свою пользу на кого-то из администрации. Он настолько верил в то, что придумывал, что даже на первом допросе у следователя, описывая свою жизнь, не преминул подчеркнуть, что он «безднестмен»..

Но вот в чем действительно раскрылся Беда, так это в поэзии и прозе. Возможно, на то повлияла его собачья жизнь, отчего он застрочил по нескольку писем в месяц. Адреса брал наугад из случайно попавшихся ему в руки газет с объявлениями о знакомствах. К чести Саньки, он никогда на вещах и продуктах не настаивал: «Что подарите — и на том спасибо». О себе он писал, как о заслуживающем внимания поэте, и представлялся неведомым подругам мужчиной с тяжелой жизненной судьбой. Порой стихи подозрительно смахивали то на Некрасова, то на Пушкина. В конце концов он дописался.

— Осужденный Беда, к вам приехали!

Первая реакция у ошарашенного известием Наполеона была:

— Меня нет!..

— Как нет? — не понял офицер администрации. — А где ты?

Несколько минут спустя Санька стоял перед судом, возможно, и более суровым, чем до сих пор. В комнате свиданий сидела женщина, растроганная в письмах его нелегкой судьбой. Вместо молодцеватого мужчины перед ней предстал пытающийся ершиться Беда. Ошалевшая баба молчала минут пять... Уезжая на трети сутки, она грустно сказала: «Приезжай, как выпустят, уж пусть будет как есть. Горемычный ты горемычный». Санька плакал, стоя руки по швам.

В церковь он попал с целью выгоды, прознав от дружка, будто там, как нигде, можно тихо отсидеться весь день, здорово выспаться и на трапезе неплохо поцифирить. Саня пришел с этой целью на ближайшую службу и... остался здесь навсегда. Само ведение литургии, отношение отца Игнатия, покой настолько покорили Бедовое сердце, что он по окончании службы, поборов несвойственную ему робость, чуть заикаясь, подошел к батюшке и, обратился к нему не иначе как:

— Гражданин священник!.. А... это... — и, имея в виду исповедь, спросил: — Про что это мужики с Вами шептались?

Услышав объяснение, округлил глаза, задрожал голоском:

— Они что, сами себя при всех закладывают?!..

Скупой на смех отец Игнатий развеселился. А затем, успокоившись, объяснил ее значение. Практичный Санька тут же уточнил:

— А для амнистии такое дело пригодится?

— Ну, в определенном смысле, да, — улыбнулся священник.

Плохой Саня или не очень, но первую ходку в тюрьму он сделал за свою сожительницу, взяв ее вину на себя. Вина была тяжелая — убийство. В один из дней женщина послала в магазин своего малолетнего сынишку, строго наказав, что купить, и дала на все три рубля. До перестройки это были большие деньги. Мальчишка пришел домой через час весь белехонький мордашкой от страха: потерял деньги. Взорвавшаяся мать шибанула его тем, что попало под руку. Под рукой оказалась скалка. Мальчишка упал без звука. Обезумевшая женщина кинулась спасать сына и... нашла эти три рубля в штанине. Карман оказался дырявым. Баба, осознав, что произошло, осела и зашла в падучей. Трудно сказать, что побудило Беду взять на себя эту беду. Любовь ли к подруге или еще что, но срок за убийство неродного мальчишки получил он. Возвратившись через несколько лет, Санька увидел, что он для всех здесь постылый. Покувыркавшись вокруг винных магазинов с полгода, он снова ушел в зону — по нарушению «сухого закона» с отягчающими обстоятельствами. К тому же в зоне для него все уже было своим.

В 1985 году законопослушный гражданин СССР Александр Семенович Беда, как и миллионы других, на себе испытал последствия государственного преступления -- Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Последствия оказались стремительными и ужасающими. В мгновение создавшихся очередях за водкой и вином тысячи людей калечили и убивали друг друга, давили лежащего под оторванными дверями того первого, кому посчастливилось получить свой литр раньше всех. Из-за немедленно образовавшегося дефицита пили одеколон десятками пузырьков, лаки, варили спирт из гуталина. Чтобы не попасть в тюрьму, на безалкогольных свадьбах сливали водку в чайники и подкрашивали заваркой. Это был мизер того, что происходило на самом деле.

Санька даже не мог вспомнить, он ли оторвал одному уху, а другому вспорол живот в жестокой драке за «Московскую»... Попался потому, что не смог убежать: была сломана нога и почти оторвана рука, которую вскоре ампутировали.

В его же деревне напившийся денатурата мужик забылся в тяжелейшем сне со страшными галлюцинациями на долгие часы. Находящаяся в хате свинья, загнанная туда из хлева от сильных морозов, от голода взломала дверь и вырвавшись, рыская в поисках корма, съела младенца, лежащего в колыбели, на глазах у малолетнего брата. Мальчишка стал дурачком. В тот «сухой закон» из «наполеоновской» деревни сели в тюрьму восемь мужиков и две бабы. В деревне не было столько зеков с сорок пятого года.

В столице покончил жизнь самоубийством видный ученый, всю жизнь посвятивший разведению виноградной лозы. По России слышался стон, вой, плач от людей всех рангов и степеней в сторону столицы. Но Москва слезам не верила. На этой волне в одно время забыли даже о войне в Афганистане. «И летело по Руси только «Господи, спаси».

При этом закрывались или перепрофилировались уникальные ликеро-водочные заводы, приносившие огромные прибыли государству. Взамен из Европы завозилась спиртовая отравка под видом эталонной водки. Вырубались виноградники, являющиеся гордостью и смыслом жизни кавказцев, крымчан, молдаван. С Санькой сидел молодой грузин. У него при вырубке родового виноградника от разрыва сердца умер отец. Сын Ваню пытался спасти старика, но увидев, что поздно, лопатой зарубил инициатора виноградного террора.

Э-эх, «Отец солдата»! Как тебя не хватало на том преступном заседании в Кремле. Некому было врезать по сухой душе главного коммуниста и сказать твоими словами:

— Ты его сажал?! Она же лоза живая... Это фашисты так делали. Ты что — фашист?!

Беда встал с колен от отца Нектария с несколькими разрешившимися вопросами. Батюшка еще о чем-то переспросил его, Санька с удовольствием покивал головой и склонил ее под епитрахиль.

— Господи, прости ему прегрешения вольные и невольные...

Воскресенье календарное и духовное сравнялось. За стенами храма осталось зло, холод, крики. Здесь же глас священника, запах ладана, миротворный распев хора, покой на лицах братии.

...Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род. И ныне и присно и во веки веков...

Глава 3

ЗА ЖИЗНЬ

Пред отцом Нектарием предстал самый пожилой прихожанин этого храма — Фрол. Фрол Михеич Виноградов. Привычно склонившись, неспешно опустился на колени. Все движения этого человека были лишены суеты, соразмерены. Так обычно держат себя люди, много повидавшие на своем веку.

Свою справку о последнем освобождении Фрол получил, когда ему было уже за шестьдесят. Вышел за гулко закрывшиеся двери тюрьмы, и от широкого горизонта, не тронутого вышками, закружилась голова. Присел, покурил прямо на обочине дороги. Долго смотрел на тюрьму. Только в кино люди бегут от ее ворот. Кто сидел с особыми скорбями, так не поступал. Вот и Фрол. При всех тягостях, какие были за колючкой, эти вышки теперь навечно с ним. Тюрьма до этой минуты была его домом. А как примет другой?

Еще в самой тюрьме после получения необходимых документов Фрол не сразу вышел за ворота. Его провожал давний дружок Федор. Больше одного не разрешили. Он со всеми попрощался. На дорогу, на первые трудности ему дали денег, кое-какие вещички, несколько адресов. Все с ним обнялись: «Бывай...»

Помимо него, освободились еще трое. За одним из них приехали на дорогой машине. Молодой парень, судя по всему, сидел первый раз. Приехавшие за ним так торопились отметить его выход, что даже не соизволили отъехать подальше от КПП. Пили, пели, орали метрах в пятидесяти. Заходились в лае караульные собаки. Один из этой компании, распоясавшись, несколько раз плеснул из стакана водкой в сторону вышки с часовым. Фрол смотрел на них, покуривая. Он знал

цену этим людям. Такие, как правило, быстро возвращаются. Нередко сюда же. Их запоминает администрация, и жизнь таких людей становится ах, как тяжела. Да и среди братвы они не в почете.

В окне здания тюремного штаба колыхнулась штора. Видимо, кто-то смотрел на шумную компанию. Возможно, начальник тюрьмы. Это довольно молодой, но достаточно опытный в делах службы человек. Однажды к нему приехали цыгане на «джипе». Один назвался бароном.

— Мы хотим на неделю забрать своего. Заплатим, — небрежно растягивал он слова.

Начальник молчал, будто не слышал «барона». Цыган повторил просьбу, уже явно нервничая. Его люди следили за ходом разговора. И тут полковник повернулся и, усмехнувшись, спокойно сказал:

— Послушай, сколько мне надо, у тебя нет. А сколько бы ты мне ни дал, для зоны мало.

Джип, подняв клубы пыли, умчался.

На первом грузовике Фрол с двумя мужиками добрался до станции. Он не был дома пятнадцать лет. Но 102-летняя мать узнала его по шагам еще в сенях. Долго сидели они рядышком, почти ни о чем не говорили. Бывает, что душа душе сама все расскажет...

Молчаливого, бородатого и кряжистого Фрола в деревне приняли не то чтобы особенно хорошо, но и без опасений. Род Виноградовых здесь знали, и во Фролово отсутствие плохого за ними не водилось. О нем самом толком никто ничего не знал. Сам он был скуп на слова. Сидел — ну и сидел. Отучены мужики в зоне болтать. А на селе у каждого своего горя хватало.

Увиденное в родных местах повергло Фрола в гнетущее состояние. По словам понурых местных, деревня в начале девяностых годов начала стремительно хиреть. Непонятная приватизация за одиннадцать месяцев превратила еще недавно мощный свиносодхоз почти в раз-

рушенное хозяйство. Все пятьдесят тысяч свиней были уничтожены за восемь месяцев. 10-13-летние девочки познали с заезжими проходимцами все виды сожительства, о которых ранее на селе даже не слышали. В школе из трехсот учеников осталось шестьдесят. Многие учителя поразъехались, спасаясь от нищеты. Зоологию, по совместительству, вел пастух Егорыч. Он же в свободное от выпасов время учил школьников физической культуре. Видя хмурое лицо сына, мать мудро высказала: «Нам, Фролушка, лучше не надо, вот кабы хуже не было».

Да, равняли, равняли город с деревней... В итоге деревню снесли.

Фрол вспомнил события почти сорокалетней давности, когда в село из тюрьмы по амнистии вернулся их дальний родственник. С неделю ходил, как оглушенный от увиденного и услышанного: оказалось, что война была и Сталина уже нету. Чем-то они с Фролом были похожи.

Фрол был тертый мужик. Мастером он оказался на все руки: строил, катал валенки, шил, клал печи. Зона многому научила. Его никто не видел неопрятно одетым, а раздетым разве что только в бане. Глядя там на него в первый раз, мужики оторопели: картинная галерея! Начиная от наколки времен культа личности до... крестика изящного вида, выколотого на груди.

— А чтоб не содрали, — коротко объяснил он. В парилке Фрол обычно сидел в шапке, рукавицах и с папиросой, набитой махоркой. Веником шуровал до лютого жара. Мужики орали:

— Фрол! Вылезай! Уже все бесы сдохли...

Была у него слабость. Взбодриться после баньки ста граммами. Однажды зимой домой пришел босиком: пропил сапоги, подаренные ему матерью. Та помолчала-помолчала, купила едва не на последние деньги новые и приказала тут же надеть. В тот же вечер Фрол

выкупил подарочную обувь своей работой обратно и долго просил у матери прощения, сконфуженно переминаясь у дверей.

По вечерам за чаем он до смерти любил поговорить «за жизнь». А жизнь у Фрола была лихая. Тем чаем, что заваривал он, можно было бы смело пытаться противника на допросе. Порой Фрола в душевном порыве несло на стихи. Сразу становилось ясно, что танкист из Фрола больше, чем поэт. В сорок пятом юный Фрол Михеич дошел до Берлина. Тогда многие бойцы заговорили о Божьем промысле: подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии пришлось на день Георгия Победоносца, и Фрол всерьез задумался о Боге. Потом, уже в тюрьме, в День Победы необъяснимо молодец, становился эмоциональным и разудалым. Всегда тишком находилась чарочка, которую он с фронтовиками-осужденными пил молча и со слезами.

Под Берлином познал Фрол и такую потерю. Для его друга старшины Трофима шальная любовь на германской границе стала, как шальная пуля. Наверное, устал мужик от войны. Прокатив на своем танке тысячу четыреста дней и ночей. Но уж больно завлекательно махала ему косынкой чешка на пыльной европейской дороге. Спрыгнул старшина с танка на минутку. Получилось на двое суток. Его исчезновение приравняли к дезертирству. Трибунал заседал несколько минут. Приговор: расстрел.

Полк был построен в полном составе. Трофима, кавалера четырех орденов, знали все. О его боевых делах ходили слухи, перерастающие в легенды. Трудно сказать, чья недрогнувшая рука одним росчерком пера подписала этот приказ. Поздно судить.

У траншейного блиндажа стоял старшина танкового полка с белым лицом, без ремня. Единственное, о чем попросил солдат глухим голосом: «Наградите дисбатом... Кровью отмою...» Майор-гэпэушник с тяжелой

нижней челюстью кованым прибалтийским голосом сухо протянул: «Не ус-пе-э-те... Вой-на ко-нец...» Полк звеняще молчал. Европа затихла, будто умерла. А Трофим... Трофим вдруг, как из другой жизни, снял с наград на груди кожаный чехол...:

— Покажи, майор, где Москва... Дай лицом к России помереть...

Последние слова Трофима при вздутых толщиной в палец венах:

— Нну-у-у... (*страшный хрип*)... Не тяни...

У земляков майора не дрогнула рука.

— Ппли-и!

Врач из команды майора с высоким лбом при круглых очках пощупал пульс. Минуту спустя «воронки» исчез. С Трофимом.

Полк перекрестился так, как ни разу в жизни.

Первую судимость Фрол получил за то, что, находясь после ранения в госпитале, будучи в сержантском звании набил морду интенданту-полковнику за тяжкую обиду, которую тот нанес молоденькой медсестре. Дело было уже шло на мировую, но тут полковник неожиданно «закусил удила». В итоге — тюрьма. Вышел — нигде не берут. Пристроился с трудом в одном совхозе. Не хватало мужиков. От того, что жилья у него своего не было, в самое стылое время года спасался в хлеву, засыпая между теплыми коровами. К весне перевели сторожем на зерносклад. Работал добросовестно, но однажды престранно сказалось ранение: ночью потерял сознание. Его случайно нашла проходившая мимо женщина. Фрола успели доставить в больницу. Обмороженную ногу до конца не восстановили. Так и волоклась она за ним всю оставшуюся жизнь. Но в той больнице он невольно заставил выдавших виды врачей с уважением поклониться этому в общем-то без определенного места жительства человеку. Когда в палату при выписке принесли его вещи в виде единственного фа-

нерного чемоданчика. На лежавшем сверху фронтовом кителе был Орден Красного Знамени, две «Красных Звезды» и медаль «За отвагу». Вот и все богатство.

После выписки из больницы он какое-то время работал на пилораме, где встретился со своим бывшим однополчанином. Тот, несмотря ни на что, очень верил Фролу, звал к себе. Но Фрол рассудил так: «Я боюсь за тебя. С моей биографией тебе и детям твоим жизнь поломана будет. Я лучше сам. Даст Бог — выживу». Друг долго курил, глядя ему вслед.

Фрол был уже, как он говорил, конченным бобылем. Однажды ему приглянулась одна хорошая женщина-вдова. Аккуратная, хозяйственная. Все складывалось так, что быть у него семье. Вечером должно было произойти это важное для Фрола свидание. Он собрался и... не пошел. Чего-то застыдился. А она ждала. Выскоблила все в своем пятистеночке, надела единственное нарядное платье, тщательно уложила волосы. И не дождалась.

Второй раз сел за продсклад. Было очень голодное время. В порыве сострадания Фрол самовольно вскрыл зернохранилище и отдал зерно в детский дом. Но мало того, что совершил преступление — зерно стараниями ушлых людей так и не попало к детям. Суд, восемь лет с конфискацией единственной коровы. В последнюю встречу со следователем сказал: «Меня за одного прибитого фашиста Бог не обидит, а я их столько порешил...»

Однажды урки попытались вечером позлобиться над Фролом, но их пресекли старые зеки: «Не трогайте мужика, щенки! Он Гитлеру харю бил, а вам, если что, мы расхлещем».

По Фроловой судьбе прокатились сотни людей. Всех рангов и мастей. Но до вздрагивания доводило одно особенное воспоминание. Однажды жаркой летней ночью Фрол проснулся от холода. На нарах по пра-

вую руку сидел в полном оцепенении дружок. Его лицо было серым, губы отвисли. Фрол покрылся мурашками, не в силах ни заорать, ни просипеть. Постепенно сосед потеплел и, заикаясь, прошептал:

— Он опять ппприходил...

— Ккто? — его голосом спросил обмеревший Фрол.

— Ттот...

Час спустя в курилке друг поведал тайну. Несколько лет назад он убил человека и вину переложил на сослуживца. Теперь убитый стал приходить к нему по ночам и с мрачным укором качать головой. Через неделю друг признался в содеянном, написав официальное письмо.

...За год до третьего освобождения уже изрядно потрепанного, износившегося Фрола попутал бес.

Рядом с зоной находились золотые прииски, на которых работали заключенные. Намытое золото после каждой работы сдавалось на вес по граммам при строжайшем досмотровом контроле. Эти сокровища и ослепили фронтовика. Возникла мысль о побеге. Напарник нашелся быстро. Золото выносили в течение нескольких недель, засовывая его пальцами глубоко в прямую кишку. Общий вес натасканного получился около полутора килограммов. Сокровище схоронили в заветном месте. Дальше встал вопрос, как бежать. Вернее, куда. До ближайшего жилья и железной дороги — около двухсот километров. Для этих мест это считалось чуть ли не за забором. Но единственной дорогой был разбитый шлях, который весной и осенью раскисал полностью, поэтому в этот период охрана зоны побегов не особенно-то и боялась. Бежать зимой тоже редко кто осмелится — морозы до минус шестидесяти. Остается только лето. Случаи уже были.

Заговорщики исчезли днем. Дерзко, почти в открытую. Первые несколько часов передвигались бегом. Не замечая, что лица покрылись волдырями от укусов

гноса и мошки и в кровь исхлестаны еловыми ветками. Даже не перекусили на ходу ни разу, хотя запаса сухарей было суток на пять. Наступила ночь. Костер зажечь остереглись. Золото на всякий случай поделили поровну. Мало ли что, пусть хоть у одного останется. Едва засерел рассвет — пошли дальше. Вдруг подельник, идущий впереди, резко осел и быстро погрузился по пояс. Болото! Чего так боялись — даже не смогли заметить. Сплошь заросшее травой, оно на самом деле было практически невидимым и очень коварным.

— Золото... Золото брось..., — хрипел Фрол.

Парень, продолжая погружаться, будто не слышал. И тут что-то произошло. Необъяснимое по сей час. Фрол, закурив остаток «бычка», сидя на корточках, почти у лица гибнущего, не спуская с него отрешенных глаз, следил, как он уходил в трясину.

— Спаси... Фрол...

Жижа доходила уже до шеи тонущего. Малейшее шевеление только ухудшало его положение.

— Фро-ол... с-спаси-и..., — тихо, как сквозь сон, сипел дружок.

Фрол, онемев, впился в него взглядом. Глаза в глаза. И вдруг...

— Ф-фр-рол-л-л, я... я признаюсь... у меня есть... еще полкило золота... я утаил... спаси, все твое...

Фрол словно очнулся. Минут через двадцать оба, тяжело дыша лежали друг напротив друга на суше, с ног до головы перемазанные вонючей болотной жижей. А рядом, метрах в пяти, глядя на них пустыми глазницами, сидел на огромном муравейнике прикрученный к стволу ели полуистлевшими веревками большой человеческий скелет. Его полурассыпавшаяся одежда прикрывала кости в редких местах. Черное место для черного признания. Сутки спустя два неузнаваемых, провонявших болотным гноем человека рухнули у ворот своей тюрьмы. Фролу за тот побег доба-

вили четыре года, а два года спустя освободили на День Победы. С тем дружкой он расстался навсегда.

...Фрол ушел из дома на сороковой день после смерти матери. Женщина, прожившая более века, надорвалась при рубке дров, слегла и больше не встала. Седеющего сына дома больше ничего не удерживало. Богатства не нажил, ума не приобрел. Попрощался с соседями, заколотил хату и ушел по заветному адресочку. В тюрьму.

Добрался до нее скоро. Упросил начальника тюрьмы принять его. Полковник Николай Дмитриевич секундным взглядом оценил старика, пригласил присесть. Фролу больно понравилось обилие икон.

Рассказал о себе. Закончил так:

— Возьми к себе. Чтоб закон более не нарушать. Могу все. Жилье у тебя сам присмотрю.

К вечеру Фрол уже обживал новое место. На ладном овощном и животноводческом хозяйстве при тюрьме. Через некоторое время тут зажила кошка с котятками и жеребенок Будулай. С их появлением вынужден был смириться ветеран зоны — пышнохвостый петух Буре. Это был единственный тюремный будильник, который не ломался никогда. Кошку Фрол подобрал уже с котятами. Его покорила материнская кошачья забота. Как-то проходя после дождя мимо лужи, он увидел, как кошка поила котят. Бережок лужицы был высокий, отчего котята никак не могли добраться до края воды. Тогда мать, чтобы дети не свалились, стала их поить, поочередно удерживая зубками за хвостик. Однажды, в знак признательности, кошка принесла мышку и положила спящему начхозу под нос. Жеребенок же с лихвой отработал свое имя. Попрошайка и врун от рождения, он проявил себя тонким психологом. Будулай так умело изображал свое мнимое нищенское, голодное состояние, что доводил до слезливой жалости любого скупердяя. Для этого он клал тоскливую морду на колени

или сумку хозяина и отключивал нижнюю губу, что подчеркивало его полную нищету. Уже через минуту он вкусно чавкал угощением.

Живя при тюрьме, Фрол не освоил только две специальности — космонавта и подводника. В связи с отсутствием данной техники на ее территории.

Год назад, во время первой в жизни исповеди, в его душе всколыхнулась масса чувств. У Фрола взмок лоб, и он без конца вытирал руки о штаны. Подойдя к отцу Игнатию, открыл рот и... оробел:

— Я... забыл... про это... ну, какие у меня грехи, — едва смог выговорить пожилой фронтовик.

Видя такое человеческое отчаяние Фрола Михейча, батюшка подбодрил его. Через полчаса он легко поднялся с колен.

Позже Фрол скажет:

— Если буду жить снова, то только возле храма. ...Вот те и «за жизнь».

Из письма заключенного:

«...Самые страшные дни в моей жизни, когда я был в бегах. На моем личном деле написано: склонен к побегу. Но от тоски не убежишь. Еще говорят: деньги не пахнут. Пахнут! Все воровские деньги имеют запах тюремной параши. Мои пахнут уже пять лет. И еще их запах я буду нюхать лет пятнадцать. После зачитанного на суде «расстрельного» приговора, я их нюхал полтора года в камере смертников.

А про мой побег... Уже потом, когда вспоминаешь подготовку, его исполнение, как я бесстрашно полз на карачках по открытому месту, наверное, самого охраняемого СИЗО, сознаешь, что такие действия четкому анализу не подлежат... Теперь послушайте... Страшным был не момент побега, а что началось за воротами тюрьмы. Уже часа через три я стал бояться каждого встречного. Состояние безум-

ной эйфории внезапно прошло. Я стал вдруг каким-то жалким и беспомощным. Теперь могу, как непосредственный участник этого дела, сказать: такое происходит со всеми. Хладнокровным никто не бывает, и я не верю никому, кто рисуетя и бравирует.

...Я боялся каждого встречного, будто все знали обо мне все. Я проклял тот час, когда решился бежать. Еще было такое: в самый отчаянный момент точно кто-то в моем сознании силой навязал мысль о самоубийстве... Это было необъяснимое состояние возбуждения и немедленного желания исполнить это... Я будто окреп, меня лихорадило, трясло. Чувствовал, что кто-то мягко толкает меня в спину, и в этот момент я потерял сознание.

...Ночью постучался к родителям. Мы были, в общем-то дружные, и я верил в их помощь. Когда они увидели меня — онемели. С этой минуты они возненавидели меня. Хотя они и не часто писали, но письма были хорошие. Они поддерживали меня, всякий раз успокаивали, говорили, что все простили, ждут и любят... Теперь я стал презирать их, пугать, что если выдадут, то сядут тоже... Были минуты, когда я превращался в зверя и был готов убить мать и отца... В конце концов мы чуть не забили друг друга. Дня через три ночью я ушел. Утром меня, полностью ослабленного, взяли. Меня вновь осудили и еще добавили срок. Слава Богу, что я в тюрьме. Когда мать приехала в первый раз, то очень боялась меня, но я долго просил прощения. От моего побега у отца отнялись ноги. Он простой рабочий, почти тридцать лет честно отработавший на шахте, где не погнал ни под один завал. А получилось, что «завалил» его я.

Теперь, когда все вспоминаю, у меня такое чувство, что это был не я. Здесь есть храм, и каждый раз приходя, каюсь до слез. Сегодня после пережито-

го мне ясно: никогда и никому не будет нужен тайно бежавший. Двери откроют только пришедшему из тюрьмы по закону.

Еще вот что хочу сказать: в тюрьме я стал многое понимать. До «зоны» я, кроме блатного жаргона и кличек, нормального языка почти не знал. Грязные слова к другим вернулись ко мне грязными кличками. Свою жену я всегда обзывал «зачуханная». Здесь меня стали звать «чухлан» и... у меня недавно нашли чухотку. Мой друг, который со мной ходит в храм, однажды сказал: «Лучше, чем мы сами себя убьем, никто не убьет». Когда-то он сам себе объявил такую войну и от этого потерял все: семью, друзей, левую ногу, глаз. Другой мой знакомый второй раз берет на себя чужое дело, чтобы прокормить и хоть как-то одеть свою большую семью и престарелых родителей, доучить детей... Как невыносимо тяжело, когда болит душа. От поноса еще никто не повесился — только от безысходности в душе. Говорят, время лечит. Нет. Я сейчас понимаю: лечит не время. Это Бог со временем лечит нас. Если Вам доведется побывать у «Утоли моя печали», найдите минутку постоять за грешного Виталия».

Выполняющий две должности (певчего и алтарника) Дионисий готовил большие свечи. Несмотря на свой возраст, этот юноша оказывался везде к месту и вовремя, отчего отец Игнатий не испытывал никаких затруднений. Шло время третьего антифона.

...Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы, аз же ради Мене ради...

Глава 4

СЫН ЗА ОТЦА

Пред отцом Нектарием на колени опустился Дмитрий. Его небольшой рост, крупное телосложение, огромные очки как-то не соответствовали почти мальчишескому выражению лица. Неудобная, постоянно сползающая оправа была явно не его размера, что заставляло Димку беспрестанно водворять ее на законное место. Но ей, судя по всему, доставляло удовольствие почти тут же лихо съезжать к кончику носа. Смирившийся с таким неудобством хозяин обреченно впихивал ее на положенное место. Зрение у Димки было минус десять.

В храм он пришел, прозрев в одну из зимних ночей. Прозрев сердцем, душой, и, как он отчетливо помнил, физически, когда у него зрение на минуту вдруг стало стопроцентным. Полтора года назад, до суда, он был абсолютно здоровым парнем, легко исполняющим непростые житейские обязанности. Особенно по дому, где Димка был главной материнской опорой. Совсем недавно была здорова и мама. Мягкая, улыбчивая учительница русского языка. Когда она улыбалась над безвинными детскими шалостями во время урока, вечно вихрастый двоечник Санька громко на весь класс шептал: «Гля... гля... Лидия Михайловна опять краснеет». После чего учительница и в самом деле начинала смущаться. Ребятишки ее очень любили. Даже двойки она ставила не ручкой, а глазами. Посмотрит с таким укором, что лучше бы и впрямь двойку поставила.

Лидия была из крепкой семьи. Когда-то ее отец Михаил еще юным казачком признался в любви ее матери под буйно цветущей черемухой. Она легко поверила ему и так же легко прожила с ним пятьдесят два года, оценив его верность четырьмя крепкими маль-

чишками и дочерью Лидией. После ее смерти отец порой по нескольку раз в день ходил на могилку и долго стоял у нее, все бормоча: «Лучше бы я раньше помер. А теперь что я буду делать без тебя?» Дедушка недолго был один. Через три недели, прислонившись к могильной оградке, тихо отошел к своей бабушке.

Занимая довольно высокий пост в горсовете, Димкин отец целыми днями пропадал на работе. Жизнь семьи круто изменилась в предновогоднюю ночь.

Учительские праздничные хлопоты задержали классную руководительницу намного дольше обычного. Все бы ничего, но Лидия была беременна на седьмом месяце. Домой возвращалась по плохо освещенному переулку, осторожно ступая по скользкой после оттепели дороге. Муж был на каком-то районном мероприятии и встретить ее не мог, а Димку ей было жалко беспокоить. Да и идти-то было всего ничего. Вот и подъезд, как всегда темный, скрипучая дверь. Нащупав порог, она шагнула через него.

— А-а-а... С в о л а-а ч ь... Эта-а-а я... Че-о страшна-а-а?..

Раздался сильный хохот, сменившийся долгим хриплым рыком и кашлем.

Через онемевшую, беззвучно падающую женщину кто-то перепрыгнул, рывкнув еще более жутким голосом, и выскочил на улицу. Шутником оказался вечно пьяный, нигде не работающий сосед. Какое-то время он еще гаркал на детской площадке. А Лидия... Ее через несколько минут с трудом затащила в свою квартиру пожилая соседка с первого этажа и срочно вызвала скорую, мужа и сына. Уже с первых минут был виден результат тяжелейшего нервного потрясения. У Лидии отнялись ноги, левая рука, и она, лишенная способности говорить, только судорожно и часто открывала сильно перекошенный рот. В больнице она родила мертвого ребенка.

Семья такой удар перенесла, внешне довольно мужественно. Вечно занятый муж помогал, как мог. Но большая часть непосредственных забот о матери легла на Димку. Лидия наблюдала, каким вдруг необъяснимо взросленьким стал сын. Будто степенным мужичком. Иногда она ловила себя на мысли о том, что в самые тяжкие минуты, куда ни глянет — везде сын. Первое время, оставаясь одна, молодая женщина неудержимо плакала. Бывало такое, что появлялось жгучее желание покончить со всем этим и не быть никому обузой. Но приходил сын, и все менялось. Димка бережно пеленал мать, по утрам осторожно омывал лицо, глаза, руки после еды. Хвалил за умение держать ложку. От такой сыновней заботы у Лидии постепенно стало выравниваться лицо, обретая прежние миловидные очертания. А через год она вновь покраснела. Это случилось в тот момент, когда к ней пришли поздравлять с Днем учителя ее ученики. Тот же вихрастый Санька, не зная, как сделать ей приятное, взял и чмокнул ее в руку.

Лидию в городке не забыли. К ней часто наведывались коллеги, соседи. А старенькая баба Женя стала по своей инициативе хозяйкой на кухне. После ее ухода Лида знала обо всем, что произошло в округе и нередко о том, что будет через полгода. От такой заботы она ощутимо крепла. Однажды, неосторожно задев стакан с чаем, она вдруг успела удержать его не двигающейся до сих пор левой рукой. Долго плакала от нечаянной радости.

Время не шло, а летело. Димка готовился в армию. Но военком, по просьбе директора школы, серьезно отнесся к этой семье. Димка получил отсрочку от службы, стал готовиться в институт.

Сегодня в доме была радость — у мамы день рождения. Пока отец находился на работе, Димка побежал купить личный подарок на сэкономленные за полгода деньги. Зашел в один магазин, второй — ничего подо-

дящего. Хотелось чего-то особенного. Проходя мимо стеклянного кафе, каких появилось немало в городке, сын увидел отца в неожиданно недвусмысленной роли. Отец старательно ухаживал за незнакомой женщиной. Их голоса, движения рук, улыбки не соответствовали понятию рабочая встреча. К тому же такие взаимоотношения не происходят у людей, которые видятся впервые. Димка был для своего возраста еще настолько чист душой, что увиденное смутило его с первого дыхания. Он не мог подойти к отцу из-за неожиданной картины — не двигались ноги. Не смел и уйти — побоялся оказаться замеченным. Так и стоял столбиком. Отец с той женщиной вскоре ушли, а в Димкиной голове произошло то, что называется «переворотом сознания».

Вечером семья собралась за праздничным столом, что в последнее время случалось нечасто. Муж был необычайно внимателен к жене и даже пытался ухаживать. Весело рассказывал о неожиданной сегодняшней встрече с хорошим другом, с которым не виделся много лет. Отец врал. Возбужденно, игриво, сам того не понимая, как он нехорошо выглядит. Димка бегающими глазами смотрел то в стакан, то на мать, то на отца. При всей внешней добропорядочности разговора Лидия ощущала невидимые глазу происходящие изменения в поведении мужа.

День за днем это стало проявляться все более явно. У мужа незримо и странно стал меняться характер. В доме покосилось все. До мелочей. Изменения были видны повсюду: в сломанном утюге, текущем водопроводном кране, в наполовину оторванной шторе. В душе, как в закромах, стала селиться скорбь, смута. На фоне семейного положения муж стал быстро приобретать вид «цветущего болота».

Порой, пытаясь наладить отношения, отец, никогда раньше не заигрывавший с сыном, становился к Димке чересчур внимательным, делая подарки не ко времени и не к месту. Сына это несколько не радовало, только

конфузило. Доселе спокойный и ровный в разговоре, он становился все чаще взрывным и обидчивым. Порой, таясь, втихомолку плакал. Димка стал избегать любой возможности находиться дома. Прежде домашний, он начал томиться семейной атмосферой: перед глазами неизгладимо стояла та сцена в кафе. Да и отец был уже вне семьи, вне дома. Однажды, случайно разбив тарелку из чайного сервиза, он со вздохом произнес: «На счастье».

Интересно, что это за счастье — бить годами нажитое добро?

Вечером в клубе Димка избил одноклассницу. Девочка, которая ему давно нравилась, даже не пыталась сопротивляться, настолько для нее всё было внезапно. Ее настезь распахнутые глаза, сжатые губы и побелевшее лицо выглядели не по-девичьи. В них застыла какая-то пронзительная, взрослая скорбь. Выскочив на улицу, Димка уже не владел собой. Бежал куда глаза глядят. Глаза вынесли к дому. Заскакивая в свой темный подъезд, он столкнулся с каким-то человеком. Тут мальчишку прорвало. Попавшего под руку мужчину он бил долго и жестоко, до тех пор, пока сам не обмяк, не угас. Изувеченный им парень оказался тем соседом, который когда-то напугал мать.

...Дверь следственного изолятора захлопнулась за Димкой очень скоро. В СИЗО, в этом тюремном мире, была своя жизнь. Спать ему было позволено только сутки спустя. - Всем заправляли два молодых человека, которые без конца грызлись и что-то делили. Камера, вместимостью на двадцать человек, как могла, приняла семьдесят. На одни нары получалось около четырех человек. Димке было сразу приказано во всем подчиняться и везде убирать за одним из самых хамоватых. Убирать туалет, на столе, на нарах, стирать трусы, в самую жару работать вентилятором. «Я не хочу», — попытался было протестовать он. И ему заменили одну пищу на другую:

стали с хохотом плевать в рот. Он давился, его рвало, и когда Димка ударил обидчика, его хладнокровно избили, вывихнули челюсть, в кровь разбили глаз. Загнанный пинками под нары, истоптанный, грязный Димка, крупно вздрагивая, выл:

— Мам-ка... как м-не... пло-хо... Я не мо-гу больше, не мо-гу...

...Лидия встала с постели на рассвете. Она была не в состоянии объяснить последовательность и причину своего воскресения. Довольно долго сидела на кровати, дрожали руки, ноги. Было такое ощущение, что каждая часть тела жила сама по себе. Пришедшая рано утром баба Женя, увидев Лидию, чуть не померла со страху. Первыми словами в едва узнаваемой речи женщины были: «Как сын?»

В тот день никто не мог протиснуться в дом к пролежавшей несколько лет учительнице. Стояли за спинами других в очереди посмотреть и молчали: Если мельком и пролетала фраза, то шепотом. Когда первые, насмотревшись, уходили, очередь продвигалась вперед. «Господи, ну впору храм с мощами», — глядя на нее, подвели итог старушки. А от Лидии одни мощи-то и остались. Только чудом в идеале сохранилось лицо. Первое время она почти не ходила. Ножки были то-о-ненькие, дрябленькие и сильно дрожали. Приезжали врачи из области. Побыли день, потоптались, пожали плечами и уехали. Так ничего и не объяснив. Даже один экстрасенс заскочил. Но он только запутал дело и до смерти насмешил мужиков. После лекции потомственный ясновидящий, войдя у пивного магазина в полный астрал, потерял все документы и последние рубли. Жалкого, потухшего ученого застали ехавшие утром на работу мужики. Покрякав и покурив, они собрали ему необходимую сумму на билет до дому. «Вот тебе и чакра с кармой, — посмеиваясь, хлопали они его по плечу. — Закусывать надо!»

...В зону Димка попал в тяжелом душевном и физическом состоянии. Зрение упало до минус восьми и продолжало ухудшаться. В один из поздних зимних вечеров он, осторожно передвигаясь, едва не на ощупь, шел из санчасти в свой отряд. Поскользнувшись, успел в падении зацепиться за стену кирпичного здания. Очки упали. Это было довольно темное место, хотя территория зоны хорошо освещалась. Ощупывая стену, едва не плача, Димка пытался определить, где очки. Вдруг почувствовал на мерзлой стене ладошками горячее место. Он грелся, стоял и плакал. И в этот предельный для мальчишки час кто-то спросил: «Отогрелся?..» Димка невольно отдернул руки и ясным, стопроцентным зрением увидел смотрящего на него с сочувственной любовью человека с бородкой. У Димки перехватило дыхание.

— Вот и ходи сюда, — ласково сказал старичок.

Утром Димка был в тюремном храме. Сбивчиво рассказал отцу Игнатию о необычной вчерашней встрече.

— Пошли, посмотрим, — сказал священник.

На кирпичной стене церкви, припорошенной снегом и покрытой тонким слоем льда, сияла чистая и-сухая икона святителя Николая. Под ней, во льду, глубоко впечатались Димкины ладошки. Внизу на снегу лежали потерянные очки.

Через два месяца парню сообщили, что к нему приехали. В комнате свиданий, держась за краешек стола, с заплаканными глазами стояла мать.

Из письма осужденного:

«... В жизни за все надо платить... Только в камере смертников после многих месяцев ожиданий расстрела до меня дошел смысл этих слов. Карточный долг — пыль. А вот греховный долг перед Богом за мной такой, что до смерти не рассчитаться.»

При воспоминании, за что убил я, сейчас даже ноют зубы. Я очень хотел быть богатым человеком.

Теперь у меня пятизвездочный «отель». Бесплатный. Я хотел все иметь даром – мечта сбылась, даром и дают. Очень жалко мать. Сюда я ей приезжать запретил. Боюсь, что у нее разорвется сердце. Когда-то я учился в военном училище, но ушел со второго курса, не выдержав дисциплинарных требований. Теперь жалею, ибо потерял главное: собранность, хороших друзей, умение терпеть невзгоды.

Читая православные книги, я нашел такие слова, что расплата за грехи идет до четвертого колена. Здесь осознал значение этих слов: видимо, мы тут и есть все те – четвертые. И расплачиваемся за родовой грех.

... За время ожидания казни я многое заново пересмотрел. Научился по шагам определять, за мной идут или нет. Те шаги я даже знаю, как будут раздаваться. В первые дни, боясь, что в пищу добавят психотропное, чтобы сделать меня перед расстрелом вялым, я нюхал еду, как собака, потом мочил палец и облизывал, пытаюсь определить, потом постепенно отупел. Сейчас понимаю, что любой «лом» против государства – алюминий... Те ребята, что брали нашу группировку, варятся из стали марки «Закон»...

Сижу, перебираю всю жизнь. Когда мне было пять лет, отец искалечил мать ванной. Сильно ушибленная, она еле заползла за сарай и закрыла меня, чтобы отец, если будет нас убивать, то сначала ее. Через несколько дней после этого я внезапно озлобился и повесил любимую кошку, отчего получил злорадное удовольствие. Самое страшное, что спустя почти сорок лет я в точности повторил действия отца, таким же способом убил человека.

После суда в одну из ночей я дошел до полного безумия. Стал зубами рвать подушку и каким-то тройным голосом орать: «Вот и все...» И вдруг что-то со

мной случилось, будто я стал вразумляться, замолк, начал удобнее усаживаться, даже вроде заправил одежду и... стал читать пятидесятый псалом. Наизусть, слово в слово. Когда осознал, что произошло, вспомнил: бабушка когда-то читала его мне перед сном еще маленькому. Господи, сколько лет прошло, а он хранился во мне, будто для главного часа. После этого была первая ночь, когда я спал полностью. А вот откуда взялось «вот и все...» Когда одного нашего дружка, дрянного парня, надо сказать, убили, мы ему сделали богатую гранитную могилу, а надпись на ней была единственная: «Вот и все...» Теперь понятно, что лучшее место на кладбище рая не гарантирует.

Со мной сидят еще трое. Один из них мусульманин. Я терплю его намаз, он терпит мою молитву. Так и живем: с терпением друг к другу. У нас нет особенного уважения, но наша терпимость, наверное, чем-то поважнее этого чувства. К нам иногда попадают газеты. Их используем, как туалетную бумагу. Но однажды Махмуд ее не тронул, там был снимок церкви... Однажды мы чуть не подрались. Он стал совершать намаз в тот момент, когда я обычно молился. Как специально. Но что-то в последнюю секунду остановило нас. Мы поняли, что если подеремся — беда будет обоим. Либо изувечим, отчего только добавят срок, либо вообще убьем. Стояли друг напротив друга, шумно дышали, раздували губы, фыркали, потом постепенно стали успокаиваться. Поняли; что надо терпеть и смиряться. Это осмысление объяснить невозможно, какая-то тайна тайн. Здесь у нас вроде Иерусалима в отдельно взятой камере. Даже пошутили: «Не хватает только еврея». Теперь стараемся жить в мире. Он не посягает на Евангелие, я — на Коран. В общем, «хорошо сидим»...

Своей жене я сказал: «Есть Бог, есть ты, прощившая меня, есть сын. Выстою».

Плохо, что у нас редко бывает батюшка. Он приезжает, но до меня очередь пока не дошла. Если у кого будет минутка, откройте пятидесятый псалом за узника Георгия. А я помолюсь за вас».

Божие служение шло степенно и дисциплинированно. Тюремная церковь в данную минуту являла собой отдельно взятое подразделение погранзаставы души, где командиром был отец Игнатий. Она обрела все необходимые для данной крепости очертания. За ее неприступными бастионами прояснялись лица, правилась души находящихся в ней людей, чтобы по окончании службы они вышли за порог храма более подготовленными, восстановленными для пребывания в нелегком мире. Они все пришли сюда по-плохому, чтобы уйти по-хорошему.

Наступила наиболее ответственная минута службы: вход с Евангелием. Алтарник Дионисий шел с большой свечой. За ним с Евангелием отец Игнатий.

— ...Премудрость, прости, услышим святого Евангелиа
Мир всем.

— И дүхови твоєму.

— От Иоанна святого Евангелиа чтение.

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

— Вонмем.

Исповедь прекратилась. Народ склонил головы. Многие встали на колени. Каждый с прошением об облегчении своей участи. Их никто этому не учил, никто не подсказывал, что именно так необходимо делать в данную минуту. Так уж устроена человеческая душа, что при ощущении торжественности, тепла и ласки хочется именно таким многовековым способом удержать в себе эти целебные мгновения.

СУДЬБЫ

Мерцали свечи. Некоторые украдкой вытирали глаза. Не стесняясь плакал осужденный Никита. Он совсем недавно вернулся из краткосрочного отпуска. Сорокалетний, изрядно потрепанный жизнью человек ездил хоронить свою жену. На такое решилась администрация тюрьмы, благо, закон это стал позволять.

...До заключения Никита, часто находясь в состоянии сильного опьянения, орал жене:

— Никогда ни перед кем не встану на колени! Особенно перед тобой.

На кладбище он плакал навзрыд, стоя на коленях у гроба жены. Эта щупленькая, внешне всегда жизнерадостная женщина умерла в больнице от запущенной онкологической болезни. Все деньги, которые она могла потратить на лекарство, тратила на содержание детей, а на оставшиеся отправляла мужу скромные посылочки. В каждой из них лежали письма от ребятишек, которые она им диктовала сама. В конце добавляла своей рукой: «Ты не один. Нас четверо». После смерти жены остались девятилетняя дочь и семилетний сын. В момент опускания гроба Никита окончательно сдал. Стоявшие рядом дети кротко просили: «Папка... не надо... Мыждемся тебя. Только ты приезжай к нам...»

До пола склонил голову всеюремный юморист Генка. Ему было легче. Его ждали все. Он сел по дури, но оказалось, что он в общем-то недурной парень. Генкины шуточные способности проявились в стенгазете отряда, которая выходила по его инициативе по различным праздникам. Иногда придуманным им самим. Одному дружку в ней он дал справку:

«Справка дана гражданину А... в том, что у него нет стыда. Действительна до первой исповеди».

Генку, мастера спорта по боксу, за подобное творчество никто не решался приструнить. К тому же он был автором лозунга, который по достоинству оценил весь приход: «За скорую Божию амнистию».

Рядом с ним замер в прошлом «глухонемой» дружок Юрка. Таким он представлялся на воле. За счет чего и наживался, пользуясь людской отзывчивостью. Юрка так освоил свою роль, порой даже сам забывал, что он здоровый человек. Попался Юрка под Ростовом. В купе ехали пожилые кабардинцы: муж и жена. В момент «разговора» с ними руками эта женщина рассерженно сказала: «А ведь здоровый... Врешь, шайтан...» Точку во внезапно сбившихся действиях молодого авантюриста поставил их попутчик по купе — офицер. Он увидел в поведении «глухонемого» то, что сокрыто от простого гражданского глаза. В момент отхода Юрки офицер, как бы случайно, вполголоса сказал в спину «гастролеру»: «Деньги выпали...» «Глухонемой» тут же обернулся назад. Минуту спустя его увела охрана поезда.

Слушавший Евангелие Вовка осторожно поправил наклонившуюся свечу. Прийдя впервые на службу, он, походив по храму и постояв у икон, сказал со вздохом: «Че раньше мешало?» Раньше Вовке мешала лично им придуманная тайная болезнь. Она, в общем-то, была не особенно тайной, просто им пока не применялась. Не желая однажды больше работать, он пошел по старой зековской дороге: проглотил порубленную на части алюминиевую ложку. Это вызвало серьезное расстройство желудка и кишечника. Как он и рассчитывал, его положили в спецбольницу, где произошел ужасный конфуз. Опытный врач раскрыл Вовкину хитрость. Но куда большим потрясением для Вовки стало то, что вскоре на него пришел указ об амнистии. За хитрость вместо освобождения он получил еще несколько лет.

Стоявший у иконы Царя Артем выглядел самым скромным и воспитанным из всего прихода. В свое время он был студентом одного экономического вуза. Его интеллигентная внешность никак не увязывалась со статьей о нанесении тяжких телесных повреждений, по которой он тут проходил. В церковь он пришел через личные увечья. Примерно такие же, какие нанес в пьяной драке в студенческом общежитии, придя туда перевозбужденным после дискотеки. Уже в зоне ему попала в руки книжка о житии святых. Прочитав ее, попросил еще. Ему из церковной библиотеки предложили Евангелие. Днем работал — ночью читал. Благо, свет от уличного освещения ярким лучиком падал на его подушку. Удовольствие продолжалось недолго. Оказалось, что в отряде среди заключенных были сатанисты. В ближайшую ночь Артем почувствовал трудно объяснимые неудобства. Не то стало труднее читать, не то что-то стало трудно со здоровьем. «Простудиться я не мог, — стараюсь вспомнить сегодняшней морозный день, подумал он. — Ладно, дочитаю страницу и — спать».

...Черная месса у сатанистов явно не шла. Вызываемая ими нечистая сила, обычно являющаяся без задержки, на сей раз брыкалась, капризничала, не желая отвечать на зов. Несмотря на усиление магических действий, что-то всерьез мешало.

И тут Артем, затаившись под одеялом, будто увидел этих людей. Не заметил, не почувствовал, а именно увидел. Он приподнялся и посмотрел в ту сторону, где шло колдовство. Стало душно и жарко, возникло естественное состояние страха, как у каждого человека, увидевшего недоброе. Наконец, бесноватые сдались, обессиленно бросив черное дело, они расползлись по своим местам.

Во вторую ночь Артем был более собран. О сне не было и речи. Об увиденном передумал за день тысячу раз. Ближе к полуночи началась невидимая жестокая

схватка. Артем, затаившись на кровати, начал святое чтение одновременно с началом черной мессы. Читать было трудно, терялась строка, слова часто смешивались. Но мальчишка продолжал и продолжал это делать, осознавая, что происходит.

— Что читаешь? — голос был тихим, протяжным и страшным. Глаза пришедших были как у отсутствующих в этой жизни людей.

— Не прячь... Вынымаай...

Пришедшие сразу полезли на Артема, зашарили под одеялом и подушкой. Притворяющиеся спящими заключенные со страхом следили за действиями четверки. Некоторых заметно трясло. Артема волоком притащили в сушилку и начали жестоко избивать. С остервенением разбросали порванное на мелкие кусочки Евангелие. От смерти парня спас внезапно появившийся контролер. На следующий день Артема в целях безопасности перевели в другой отряд. Сатанисты понесли более чем тяжкое наказание.

Из письма заключенного:

«...В камере, где меня содержат, нас семеро, но верующие только трое. Моих друзей зовут Александр и Валерий. Другие только говорят, что верят, но больше богохульствуют. Сейчас, правда, после обнаруженного туберкулеза у двоих, они стали прислушиваться к моим рассказам, стихли. Носить нательный крест — это не значит быть истинным христианином, как и не каждый носящий брюки — мужчина.

Однажды мне пришло письмо от восьмилетней девочки, где она написала: «Дядя, я хочу тебе писать, и, можно, я тебя буду учить жить?..» Теперь это письмо у меня висит, как икона. Наверное, каждому в жизни дается такой участок воли, который он в состоянии обработать. Все, что мы хватаем сами, выше наших сил. В итоге наше поле порастает бурьяном,

сорняком. Мой брат по вере, Александр, незрячий. Нет обоих глаз. Потерял зрение частично в Афгане, а окончательно в тюрьме. К тому же нет одной руки. Их много здесь таких «афганцев» и «чеченцев». Странно его видеть, но он, по-моему, духом сильнее всех нас. Он как-то пошутил: «Слепые тоже говорят с глазу на глаз». Я с ним чем-то схож. Родился зрячим, «косоглазие» у меня обнаружилось с двенадцати лет – смотрел в сторону от отца и матери. А в шестнадцать лет совсем «ослеп» – перестал их замечать. Так и сидим: он молится, а я читаю вслух Евангелие. Бесы уже дважды сбрасывали нашу любимую икону Владимирской Божией Матери со стены на пол. Видно, я это заслужил, потому что ничего в жизни доброго не сделал. Но стараюсь не унывать. Русский безродным не бывает. Мы все при Отце. На воле десятки людей зависели от меня, от моих денег. Они клялись, что преданы мне. Теперь понимаю – все врали. Ни один из них не прислал ни одного письма за много лет.

Если желаете нам помочь, то поставьте за нас в храме маленькую свечу и вкусите за нас просфору со святой водицей».

Чтение Евангелия закончилось. Приход зашевелился, постепенно возвращаясь в земной мир.

...Слава Тебе, Господи, слава Тебе...

ДОКТОР ЗОНЫ

Отец Нектарий продолжал исповедь. Вдруг народ повернул головы в сторону дверей. Некоторые заулыбались, закивали, здороваясь с пришедшей врачом-терапевтом Надеждой Васильевной. При всей своей служебной занятости она всегда находила время хотя бы ненадолго зайти в Храм. Эту миловидную, в возрасте женщину в зоне знали все. Доктор с большим стажем работы в подобных учреждениях, Надежда Васильевна пользовалась непререкаемым авторитетом у заключенных и администрации. К ней часто обращались за необходимой помощью и в городке, и из находящихся рядом деревень. Она начала свою деятельность еще молодой выпускницей мединститута, выйдя замуж за лейтенанта внутренних войск. Поколесив по России, сменив несколько гарнизонов при тюрьмах, они осели в этих местах. Их сын, также закончив военное училище погранвойск, служил на одной из отдаленных погранзастав.

Врачебная практика началась с серьезной проверки и профессиональных навыков, и звания жены офицера. Почти в первую ночь в тюрьме один из заключенных попытался совершить побег на искусно изготовленных им коньках по проводам электропередач. По ним парню удалось отъехать от тюрьмы метров триста. Порыв ветра сбросил его, и он умер от удара о землю. Прошло совсем немного времени, и еще двое задумали бежать в машине, вывозившей мусор с территории тюрьмы. Они зарылись на самое дно, накрылись припасенным брезентом. Машина, подъехав к месту контроля, встала на досмотр. Во время обязательного частого протыкания мусора ломом один умер мгновенно от нескольких смертельных ранений, другой, получив шесть

тяжелых пробоин острую сталью, терпел, не издавая ни звука, до самой свалки. Там его и обнаружили. Он умер на руках у молоденького врача, беззвучно раскрывая рот и судорожно подергивая пальцами, будто глядя ее по руке. Тогда Надежда Васильевна поняла, что в своей должности служить только по узкому медицинскому направлению здесь не получится. Это не просто учреждение. Это нечто большее, чем тюрьма.

У каждого обращавшегося к ней пациента была непростая судьба. На приеме ей жаловались, каялись или рассказывали о своей жизни люди, которым просто не к кому было больше пойти. Порой Надежда Васильевна узнавала такое, что кровь буквально стыла в жилах. А то впору было зареветь, особенно если это касалось семьи. Она разумно объясняла, что с глаз долой не всегда означает — из сердца вон. Бывает так: чем дальше с глаз, тем ближе к сердцу. Иногда рассказанное с первых слов казалось сомнительным, или ей откровенно врали отвергнутые миром люди.

Не одному заключенному Надежда Васильевна спасла жизнь, вернула трудоспособность, помогла поверить в себя. Суровая гарнизонная жизнь, отсутствие самого необходимого однажды ее саму довело до отчаяния. Скромные медицинские запасы, какими располагала тюремная больница, с лихвой компенсировались теплотой ее женской души. Укреплением для нее было письмо от заключенного-сироты: «Мама Надя, я все равно приеду к тебе. Кто еще так поплачет обо мне?» Трудно сказать, что парень имел в виду под словом «приеду».

Встречались симулянты и негодяи. Их она определяла сразу. Как-то за полчаса до окончания работы в кабинет небрежной походкой зашел заключенный, судя по всему, расконвоированный. На его руке был большой перстень, который он, скорее всего, надел перед дверью для пущей значимости. Надежда Васильевна, прекратив писать, спокойно смотрела на него. В списке

на прием он не значился. Пришедший, с минуту пораскачиваясь на прямых ногах, бухнулся на стул. Закурил дорогие сигареты, протянул ей. Она сидела не шелохнувшись, лицо было более чем спокойное.

— Мне скоро на волю, — пустив кольцо дыма, сообщил пришедший. — Приедешь ко мне. Это мелкий подарок.

Перстень упал на стол. Далее шел типичный набор ожидавших ее «невероятных благ». Надежда Васильевна продолжала хранить спокойствие. Наконец, прибывший иссяк. Заерзал. На его посулы не было никакой реакции. Гость сглотнул. Что-то в нем сломалось.

— Ты, это...

И вдруг он произнес давно забытое им слово:

— Вы... Вы, Надежда Васильевна., — и... сник. — Простите.

Она понимающе кивнула. В ее глазах было прощение. Гость попятился и исчез. Больше она его не видела.

Дивная душа, умница, психолог. Она умудрялась перевоспитывать нерях, которые на следующий прием приходили смущенные, неловко показывая, что все учли и исправились.

Как-то зашел молодой заключенный. Постоял, попереминался с ноги на ногу.

— Зачем пришел, Алеша?

Надежда Васильевна попросила его присесть.

— Тут письмо такое, не знаю с чего начать...

— А начни с первого, что в голове.

— Вот, жена сообщает, ну, в общем, я когда-то заставил ее сделать аборт..., а недавно, пишет, ей не то приснилось, не то привиделось, будто дитя приходит по ночам и кротко стоит у дверей.

Врач, казалось, была обескуражена подобным откровением, не зная, что сказать. И тут Алеша добавил главное:

— Надежда Васильевна, дитя и ко мне несколько раз приходило и так же стояло возле кровати.

— К батюшке, — выдохнула врач. — Только к батюшке.

Через какое-то время парень сказал, что все разрешилось.

Особенно она переживала за женщин. Их она понимала, как никто. Горько ей было видеть, что в комнатах свиданий находились в основном одни матери. Реже — жены. И почти никогда не бывало отцов. Однажды слышала, как один осужденный, налегая на свою трагичную долю, долго рассказывал жене о своих тюремных тягостях. Она же его только утешала, ни слова не сказав о своей непростой жизни с тремя детьми.

Как-то на прием пришли несколько человек. Почти все честно сказали, что не болит ничего. «Просто выслушайте меня», — тихо просил каждый. И она слушала.

— Я только из штрафного изолятора, — говорил сутулый молодой человек. — В нем было очень холодно. Я каждую ночь бегал, прыгал, чтобы не замерзнуть. И, знаете, первый раз в жизни стал думать только о семье. Даже неожиданно расплакался от того, что явно почувствовал, как им плохо. Хуже, чем мне. Знаете, Надежда Васильевна, от этой жалости я согрелся. Впервые. Со мной сидел еще один. Он все время издевался надо мной. Но мои от этого стали мне еще ближе.

После него зашел его дружок. Долго расстегивал куртку, а потом показал на плече свежезатянутое довольно большое порезанное место.

— Что это? — изумилась она.

Парень рассказал. У него была внушительная похабная наколка, которая стала его вначале смущать, а потом мучить физически. Он решился на самостоятельные действия. После покаяния и причастия нашел укромное место, попробовал оттереть татуировку бензи-

ном — не получается. Тогда он взял лезвие бритвы, перекрестился. От волнения и напряжения повлажнели ладони. Обтер их о штаны и сделал первый надрез. А потом, собравшись духом, резкими короткими движениями срезал всю наколку.

— Главная сложность, — сказал он, — было решиться сделать это. Оказалось, что почти не больно, что-то вроде удивленного: «Ну-у... А я-то думал...»

Место пореза быстро затянулось.

Часто заходил пожилой заключенный, который страшно любил писать стихи и прозу. Во время своих визитов он долго и мучительно читал свои сочинения вслух, найдя во враче единственного терпеливого слушателя. Этот несостоявшийся в своих жизненных планах литератор сумел убедить Надежду Васильевну взять на рецензию свою новую работу под названием «Судьба мужчины». Начиналась она так: «...Полыхала алая заря. Спиной к окну сидел обвиняемый с признаками мужества на лице...»

С годами, по мере приобретения опыта, она стала замечать, что среди осужденных нередко встречались люди, у которых тюремный срок либо значительно превышал их вину, либо был едва ли не условным по сравнению с совершенными ими преступлениями. Они от этого отличались и поведением. Первые чаще были тихие, угрюмые, озлобленные. Вторые — бесцеремонные, нахрапистые, наглые.

Но были суды иного рода. Такой Надежда Васильевна видела, когда работала врачом в одной из тюрем в Средней Азии.

Под новогодние поздравления последнего Генерального секретаря ЦК КПСС жгли лекаря-колдуна. Вместе с семьей. Этот человек, занимавшийся редким по тем временам способом лечения (прижиганием и колдовством), развернул обширную в этих местах практику. Больной человек очень доверчив, а тут заезжий мудрец

стал гарантировать полное выздоровление. Народ поверил. Всем пациентам он говорил: «Сначала будет очень плохо, потом очень хорошо». Практически всем после очень плохого становилось еще хуже. Люди зароптали. После того как от нетрадиционной медицины умерла жена высокого начальника, колдуна подожгли.

Из облитого соляркой большого дома, пока горел фундамент и стены, доносились страшные вопли о помощи и пощаде. Выпрыгнуть у людей не было возможности, так как всех прочно привязали к вбитым скобам внутри дома. Окружившая жилище большая толпа с нескрываемым злорадством смотрела на происходящее, без конца подбрасывая в огонь все больше и больше дров. Когда крики стали совсем душераздирающими, мужчины, взявшись за руки, начали стихийную пляску вокруг полыхавшего дома. Через несколько секунд вопли обреченных прекратились. Танец же, напротив, принял еще более массовый характер. Лица у приплясывающих на фоне огромного пламени выглядели дикими. Они то и дело плевали в сторону дома, кидали камни. Дети ничуть не уступали старшим. Они с восторгом носились вокруг горящих развалин. Потом придумали игру в «чародея», избрали на эту роль самого маленького мальчишку... и едва не сожгли его.

Надежда Васильевна жила недалеко. Она все видела, ей было страшно. Еще в начале развития событий зашедший к ним сотрудник тюрьмы, местный житель, категорично сказал:

— Не смейте вмешиваться. Сожгут и вас, и дом.

На следующий день сгоревшее место бульдозером сравняли с землей. От горисполкома и местного МВД на данное событие не было ни малейшей реакции.

Многое познала врач, многое осмыслила. Но ближе всего ей были военные. Один паренек, Володя, все ей пел песни. Другого способа отблагодарить Надежду Васильевну у него не было. «...Я мир оберегаю во всем

мире, а также рынки, стройки и ларьки... И пусть сегодня денег не имею, зато пока имею честь...» Он все уверял, что русская женщина даже в противогазе самая красивая. Говорил, что за четырнадцать лет службы в армии свою дочь нянчил только на фото. Все воевал.

Его посадили за нанесение тяжких телесных повреждений. Приехав на короткий отпуск домой из командировки, решил зайти к другу по военному училищу. Передохнул у дверей, настроился, достал торт с цветами и позвонил. Встретила четырехлетняя девочка, застенчиво сказала: «А у нас папу убило... Уже давно...Его вчера к нам привезли. Вот, пойдём — покажу». Она вела туго соображавшего Володю, как хозяйюшка дома. «Вот он» — девочка подставила стул, вскарабкалась к фото, перетянутому черной лентой, и стала с любопытством наблюдать за Володей. «А мама?» — с трудом спросил Владимир. «Там», — девочка показала на соседнюю комнату. Оттуда вышла бабушка, пожилая заплаканная женщина.

— Маму ночью увезли в больницу.

Судьба этих людей была проста и ужасна. Завтра парня хоронят (надо было еще найти место на кладбище и деньги для этого, чем и занимались друзья-офицеры), а через три дня их выселяют, так как платить за жильё нечем.

Володя нашел инициатора этой идеи.

— Ты так решил? — спокойно спросил он грузного представителя местной администрации.

— Я.

Через секунду руководящее лицо лежало под столом с пробитой массивной пепельницей головой.

Другого ее пациента посадила подруга. После окончания военного училища молоденький лейтенант попрощался с ней и уехал в часть. Жениться решили через год. Но хитрой не по годам девчонке пришла идея (а может, научил кто?) ускорить этот процесс. Она засу-

нула под платье подушку, изобразив беременность, и отправила такое фото командиру части: «Ваш подчиненный такой-то сделал то-то и уваливает от своего отцовского долга». Парень, подготовленный вести бой в любых условиях, не пережил бой с ложью. Он был так потрясен, что на одном из учебных выездов на БМП опрокинул его. Один солдат погиб.

Случалось, что Надежда Васильевна была единственным врачом на всю округу. На прошлой неделе ее срочно вызвали принимать роды у женщины, муж которой был осужден, и ему грозила смертная казнь. Когда Надежду Васильевну привезли к роженице, во дворе дома она услышала громкие детские крики. Подростки, обступив одного мальчишку, будто под каким-то нехорошим воздействием, взахлеб кричали:

— Твоего отца скоро убьют!.. Убьют!..

Их, видимо, кто-то этому научил. Гоготавшие от недетской шалости ребяташки показывали, как будет падать его убитый отец. В ответ, заходясь в судорожной истерике, ребенок с недетским криком: «Не убьют! Не убьют!» — залетел в дом и кинулся к матери. Это было, вероятно, последней каплей в ее и без того тяжелых душевных переживаниях. У молодой мамы начались преждевременные роды, закончившиеся трагически. «...Ибо младенец дошел до отверстия утробы матери, а силы нет родить...» Именно так и произошло.

Сколько тайн знал этот кабинет, сколько судеб приняли эти стены. Долг службы обязывал Надежду Васильевну посещать места более чем трагичные. Присутствие на свиданиях с людьми, приговоренными к смертной казни, надолго оставляло в ней тяжелые душевные муки.

...Восьмилетний сынишка разговаривал с отцом, на которого пришел указ о помиловании:

— Папка, а... Ты шибко боялся, что тебя убьют?

Ширококопые мальчонкины глаза округлились до фонариков. Сын не дышал:

— А дядя Яша говорил, что в тебя (я подслушивал) возле стенки стрелять будут...

Все плакали.

Помимо основной служебной деятельности, Надежда Васильевна исполняла еще один долг, возможно, более серьезный, являясь врачом при детском доме. Побывав там однажды, она попросила священника благословить ее на столь нелегкое служение.

Среди всей ребятни ближе всех ей был Юрка. У этого юного мужичка не было мамки и папки. Круглый сирота. Мать у него умерла от тяжелой болезни. Отец женился во второй раз, но жизнь не заладилась. Женщина была вынуждена уйти. Знающие люди говорили, что муж так и не смог пережить смерть жены. Он затосковал, осунулся. А однажды среди бела дня лег на рельсы под проходивший поезд.

Десятилетний Юрка какое-то время сам содержал дом и хозяйствовал один. Однажды в родительский день пришел на кладбище и раздал находящимся там бабушкам по носовому платочку и карамельке: «Помяните». Чуть позже над ним наплакалась и насмеялась вся округа. Юрка влетел на почту, чтобы послать телеграмму своей единственной престарелой родственнице на Дальний Восток: «Срочно высылайте сто рублей. Женюсь».

Из письма заключенного:

«...В тишине о многом думается. Здесь, как ни странно, вообще хорошо думается, будто вокруг какая-то вечность. Причины разные. Нет пустых раздражителей, нет времени, дня, ночи, утра. Хорошо, что у нас нет часов. До меня сидел человек, у которого они были. Он без конца смотрел на них, через каждую минуту. Ты не представляешь, как это мучительно ждать поминутно окончания своего двадцатилет-

него срока. Я порой думаю, что происходит с теми, кто остался здесь навсегда? Так вот о том человеке, у которого были часы. Он моих сокамерников довел до какого-то безумия. Они в конце концов не выдержали, сорвали их у него с руки и разбили о стену... Вообще, время я научился определять сам, с точностью до нескольких минут.

Самые тяжелые – первые полгода-год. В тебе еще остатки того мира, пустые хлопоты об изменении меры наказания... Как только это осознал, вот тут человек или сразу ломается, или что-то происходит в нем в его укрепление, но это, видимо, только после того, как ты осознал смысл наказания. Непросто устоять от массового шепота на ухо всяких «доброжелателей». Также нелегко оценить всякие «рекомендации» сокамерников и администрации. Ты в таком положении, когда и учесть плохо, и не учесть – плохо. Первое время меня доводили до состояния тяжелойшей душевной депрессии требования о четком исполнении всех команд. Хочу сказать, что надо во всем, что тебе посылается, искать положительное. И эти команды меня дисциплинировали, благодаря чему я стал легче переносить все трудности.

У меня до суда, за несколько дней до вынесения приговора, от того, что я лишился всякой надежды на справедливое решение суда, пошла черная моча и глаза сами по себе вывалились наполовину... Это было состояние конца. Я даже вроде пытался их вставлять обратно, напрямую давил на глаза, но боли не чувствовал. Все шло к смерти. В тот момент, когда я осознал, что сотворил на воле, у меня вначале начались судороги в каждой части тела. Я стал метаться по камере, ища необъяснимое спасение, и вдруг что-то со мной случилось... Я ровным спокойным шагом подошел к решетке и стал креститься на нее, четко определив на ней крест. Теперь скажу, что в таком

страхе есть очень большая польза. Именно в страхе за свою вину. Эта польза еще заключается в том, что от этого у меня прошла тайная страсть, которая и довела меня до тюрьмы. Трудно все это заново передать, но я после этого первый раз спал, как спят люди при полном покое.

Через год мне изменили меру наказания, и я впервые оказался в церкви. Однажды я ждал очередь на исповедь. Один заключенный исповедовался больше двух часов, стоя на коленях, а мы все терпеливо стояли и ждали, словно сговорившись, стараясь не мешать этому счастливому человеку. Мне такого пока не дано, как тому заключенному. Я стоял в мучениях над собой, хотел тоже все рассказать священнику, но не смог. Но мне уже было легче от того, что уже знал, о чем мне сказать. Я понял, что если я не покаюсь и не отступлю от своего греха, то так и останусь у него в заключении. Даже когда выйду из тюрьмы, все равно буду «зек» своего греха, возможно, еще больший, чем был. От этих мыслей сначала мне было дурно, но, как ни странно, на душе становилось легче, будто из меня выходила какая-то зараза, пусть пока через осознание... Когда я впервые об этом рассказывал священнику, меня так колотило, я даже, по моему, плохо видел, забывал многие слова, сколько говорил не помню, а когда все рассказал, сполз на колени и пришел в себя от того, что ощутил, как меня очень крепко удерживает священник. На его лице было что-то такое, будто ему не по себе. Наверное, я был просто страшен. Сейчас мне становится даже нехорошо от того, что если бы я не покался, то, наверное, передал бы этот грех внукам и правнукам. А я очень хочу, чтобы у меня были внуки...

Тюрьма мне просто пришлась ко времени. Слава Богу за нее. Я однажды слышал на свидании, как одна мать говорила вслед уходящему сыну: «Не дай Бог,

его выпустят раньше времени». Еще мне очень стыдно перед своей женой. Она очень хороший человек, а я часто просто издевался над ее преданностью.

Очень прошу вас – помолитесь за нашего врача. Это очень хорошая женщина. Имя назвать не решаюсь. А почему за врача – я скажу: у меня однажды отсох язык. Началось с того, что сначала заболело горло, потом губы. Стало тяжело глотать. Я постоянно смачивал их водой, но не проходило. Обратился к нашему тюремному врачу. Она посмотрела как-то необычно и сказала: «Сходи в нашу тюремную церковь». Я усмехнулся. Только когда стало совсем худо, я признался еще в одной тайне. На суде я наврал на друга, чтобы получить меньший срок. Сейчас понимаю, что ничего не выиграл. Только муки приобрел.

Здесь на самом деле о многом думается. Часто вспоминая свою семью, я однажды, как наяву, увидел свою дочь. Я видел, как мой ребенок, за судьбу которого я несу самую большую ответственность, теперь мыкается сам, чтобы заработать в большом городе на кусок хлеба... Я сделал все, чтобы семье было плохо. Несколько дней метался от своего бессилия. Чем я могу им помочь? Стал писать им письма. На первое не было ответа. Наконец, пришло письмо с несколькими строчками. Постепенно строки потеплели. Теперь я только и живу тем, что жду следующее письмо и запоминаю наизусть предыдущее. Мой сокамерник мне сказал: «Дурак, что у тебя есть семья...» Нет. Если бы не было семьи, дочери, я бы погиб. Меня спасает то, что мне есть перед кем стыдиться и раскаиваться.

Моим двум сокамерникам уже почти десять лет никто не пишет и не приезжает. Они разваливаются духом и физически на глазах. Один сказал: «Я уже несколько раз подавал прошение о том, чтобы меня расстреляли». Он выглядит, как столетний. А ведь ему

всего сорок. Говорит очень тихо, почти неразборчиво. «У меня, — говорит, — нет сил даже повеситься». Потом помолчал и говорит: «Я знаю, что за меня никто молиться не будет. Таких, как я, не поминают. Просто проклинаяют».

А я все же попрошу за всех. Помяните нас по возможности хотя бы одним словом у «Всех скорбящих радость»... А лучше всю зону. И, если можно, отблагодарите Бога за зам. начальника тюрьмы, просто он очень хороший человек. А наши имена... Думаю, что Бог сам знает всех нас...»

...Еще молимся о Богохранимей стране нашей, властях и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте...

И шла молитва о великих и простых, о забытых, брошенных, о стране нашей, о власти и воинстве, о семейном покое...

СТАРОСТА ОЛЬХОВ

Отец Игнатий зачитывал имена, поданные ему в алтарь. Написанные правильно и с ошибками, красиво и коряво. За матерей, отцов, жен и детей, живущих в духовных и сердечных муках, за стоявших в тюремном храме людей.

...За раскаявшегося цыгана Михайлу, жившего только тем, что он перекупал в деревнях у спившихся родителей их маленьких детей, а потом назначенные табором женщины под видом беженок таскали этих ребятшек с собой и клянчили деньги. Табор Михайлы жил гаданием и магией, тайну которых они передавали из рода в род. Расплата наступила в одночасье. Однажды ночью Михайло проснулся с серым лицом. Отекшие глаза блестели жутковатым мерцающим светом. Днем к нему все боялись подойти. Через несколько дней его род внезапно снялся и ушел из табора, раз и навсегда прекратив свои прежние занятия. Тайну той ночи Михайло страшится рассказывать до сих пор. Его арестовали на цыганской свадьбе. Приехавшая милиция терпеливо ждала, пока закончится драка. Старая цыганка им так и сказала:

— Вы пока угощайтесь, отдохните, сейчас подерутся с удовольствием и сами придут.

Косвенно Михайлову тайну приоткрыла его мать, когда привезла в тюрьму старинную икону Спасителя.

— Вот, заберите, прошу Вас, — сказала она, — пусть будет висеть в вашем храме. Только нас уберегите. Нам страшно смотреть Ему в глаза.

Отдав, вздохнула с таким облегчением, словно первый раз за несколько лет.

Теперь Михайло — один из главных послушников и главный колокольный звонарь.

...Еще молимся о упокоении душ усопших рабов Божинх...

Также степенно назывались имена родных, друзей и врагов.

Аккуратно менял свечи, подаваемые за упокой, Александр, больше известный, как Шура-философ. В тюрьме он слыл неглупым и молчаливым человеком. Причину своего третьего заточения объяснил так: «Каждый человек должен отдавать десятую часть от посланного ему. Я ни разу эту часть не отдавал. Теперь отдаю его тюрьмой. Вот сижу и размышляю, что дешевле: отдавать сразу деньгами или потом годами тюрьмы». Узнав, что в его паспорте нет национальности, посетовал: «У собаки и то есть родословная, а тут человека даже национальности лишили».

Старостой прихода был Сергей Ольхов, в миру майор мотострелкового полка, кавалер двух Орденов Красной Звезды и медали «За отвагу». В курсантские годы, знакомясь с девушками, он говорил: «Есть сережка ольховая, а есть Серега Ольхов». Он прошел четыре войны по защите Отечества и несколько войн с законодательством.

Прибыв в Афган, под Кандагар, заместителем командира мотострелковой роты, Ольхов к утру стал заместителем командира полка. Занимавшие эти должности офицеры погибли за одну ночь. В совершенстве владеющий БМП и БТРом, Серега был к тому же очень душевным парнем. Авторитет у подчиненных он завоевал с первого раза тем, что боевой машиной «подковал» блоху: носом БТРа аккуратно вбивал гвозди в дощатую стену казармы. Увидевшие такой трюк солдаты насмерть прикипели к командиру.

Эту неприхотливую и надежную машину с бортовым номером 033 Серега любил больше всего. На ней предыдущий командир оставил надпись, как молитву всем женам: «...Только очень жди...»

За год войны Ольхов окреп и заматерел. Спасал сам и его спасали. Бил воров — продовольственников и вещевигов и рос в авторитете у подчиненных. Его солдаты были сыты и одеты настолько, насколько это было возможно на войне. К нему прикрепилась воинская слава, а верхи отобрали звание Героя. На вопрос кабульскому штабисту: «Почему Героем стал кадровик, не умеющий стрелять?» ему с ухмылкой ответили: «Старлей, бесплатный сыр только в мышеловке». На что загорелый до черноты Ольхов, набравшись сил, спокойно сказал: «Нет, капитан, в мышеловке сыр — самый дорогой. За него крыса платит жизнью». Штабист подавился сигаретой.

Потом была странная жестокая война летом 89 года в Коканде, что в Ферганской долине, чем-то схожая по организационному почерку с Сумгаитом, Карабахом. Там во время жестокого родового столкновения, в котором явно просматривался этнический след, обезумевшие от резни люди в последнем порыве отчаяния заталкивали в Серегин БТР своих орущих детей и на русском языке сипели: «Спасы, дэтка, маиго дэтку... спасы». Штурмующие два санитарных вертолета люди, не сумевшие влезть сами, забрасывали детей, как дрова. Трех малолетних девочек буквально вбили в кабину пилотов через блистеры.

По арыкам Коканда текла кровь. Без конца слышались выстрелы. На воротах некоторых домов торчали отрезанные головы турок-месхетинцев. Самые жестокие схватки происходили в районе хлопкозавода. Старший лейтенант Ольхов, пробившись к нему со своим отрядом, оказался в самом центре боя. Под брюхо его БТРа моментально забились семья турок-месхетинцев,

отбиваясь от узбеков ногами. В них летели бутылки, стальные заточки, гвозди. Пожилая турчанка накрепко прижимала к груди убитую внучку. Окружившие БТР молодые разъяренные узбеки орали:

— Русский! Адай ихь нам... адай, а то тибя изрежимь. Ви ни знаити, ани вирезали узбецкий децкий сад...

Дико выли под машиной турки, еще страшнее орали узбеки. Почти против четырехсот человек за жизнь турецкой семьи противостояли шесть человек во главе со старшим лейтенантом Ольховым.

...Сергей увидел летевшую пулю. Она шла по идеальной траектории, вращаясь, оставляя за собой небольшой инверсионный след. Ольхов даже слышал ее специфический шелест с тонким свистом. Пуля сближалась с левым виском водителя БТРа, голова которого, как назло, была неподвижной, словно ожидала ее. Сергей медленно, как во сне, удобно зацепился за броню, протянул правую руку и в нескольких сантиметрах от головы подчиненного защелкнул в ладонь смертельный заряд. Между пальцев засочилась кровь. Пойманная пуля наполовину вошла между пальцами в кисть и застряла. Позже старший лейтенант так и не смог объяснить эту диковинную тайну своих действий.

В Чечне майор Ольхов начал войну с декабря 94 года. Перед дорогой заскочил домой на минутку, чтобы вовремя прибыть на главную в Грозном Минутку. В скромной однокомнатной «хрущевке» его ждала только мать. Жена ушла, найдя себе лучший жизненный вариант. Мать молчала, теребила платок. Ольхов походил из угла в угол, подошел к ней, взял с комода фото давно умершего отца и сказал: «Но вы-то со мной все равно остались. Руки есть, ноги есть — проживем».

Левую руку Сереге перебило месяц спустя на главной площади Грозного. В Чечне все было, как в Афгане. Тот же бой, те же взрывы, та же смерть, та же честь и то же бесчестие. Зачистки, обстрелы, подрывы.

...В тот дом на окраине села они заходить не собирались. В нем жили знакомые, внешне благочестивые люди. Тут был довольно пустынный двор, в котором никогда не слышался шум, лишь редкие голоса женщин. Подозрение стало вызывать то, что в течение последнего месяца всякий раз при приближении спецназа у ворот вдруг начинали играть подростки. Увидев солдат, они шмыгали в дом, словно предупреждая об опасности.

К вошедшим за ограду военным кинулись две женщины. На их лицах было нескрываемое беспокойство, мгновенно перешедшее в злобу. В окне мелькнула чья-то фигура и отпрянула. Ольхов с тремя солдатами рванули в дом. Настигнутый хозяин лет пятидесяти пытался выглядеть спокойным, что вызвало еще большее подозрение. При обыске нашли кассету. Включили. На экране телевизора шел фильм... Какой-то чеченец, окруженный группой горластых соплеменников, держал в руках головы русских солдат. Съемка была не любительская — профессиональная. Камера упорно показывала именно глаза казненных, последние секунды их бытия...

В подполе кто-то зашуршал. Спустились. Увиденное потрясло бойцов. Помимо спрятавшихся трех взрослых бородачей, в углу сидел человек глуповатого вида, непонятной национальности. Им оказался русский рабочий, попавший в плен в 1990 (!) году, когда работал в Чечне по найму. С тех пор его перепродавали пять раз. Чаще всего он жил в сарае со скотом в клетке. Его пытались заставить принять ислам, он отказался. Тогда ему отрубили три пальца на правой руке, чтобы он не мог креститься, и скормили их кавказским овчаркам: «Пуст мой сабак помнит твой запах и вкус, убижиш — сажрут». Хозяином был бывший учитель русского языка и литературы. На спине пленного он сделал большую наколку: «Рап».

За его «творчеством» внимательно наблюдали три сына. За время рабства русский забыл свое имя и откуда он родом. Его звали в основном «баран», «свинья». Иногда забавлялись, говорили: «Сегодня ты Рыпкин... Завтра будишь Кавалеф... После завтра станешь Эльцыным...» При дальнейшем осмотре нашли фото — двое боевиков расстреливают в Грозном православный Храм и с хохотом позируют: кормят насыпанными на землю крошками русскую бабушку. Она стоит на коленях, как собачка, и собирает их языком. Внизу подпись: «русская голупь...»

...Последний Серегин бой был при золотом восходе солнца. Находящегося без сознания раненого Ольхова до своих дотащил прапорщик. Он шел по переулку под градом пуль без обеих ног... на голых костях. Доперев майора до подъезда, где находились солдаты, сказал: «Вот, мужики... успел...» И умер.

Сергея с двумя сослуживцами из полка доставили прапорщика домой в Сибирь. Как ни странно, пьющее, неработающее, ругавшееся безо всяких причин село эта беда сплотила. Матери погибшего прапорщика помогли последним. До сих пор на нее не обращали никакого внимания, будто забыли. Это была уже немолодая женщина, инвалид. Она жила с сыном, таким же инвалидом, в полуразвалившейся землянке. К тому же у нее отнялись обе руки. Воду она пила, вставая у стола на колени и беря стакан зубами.

В миг последнего свидания с сыном она сказала: «То маленьким его представляла, то взрослым. Только вот мертвым не могла. Теперь, после его гибели, не могу ни жить, ни умереть...»

Прапорщика хоронили чуть ли не всем районом. Из администрации никого не было. Потом произошли еще три события, о которых долго говорили. Собака погибшего по-человечески выла у гроба, а немного спустя ее нашли околевшей на могиле хозяина. Второе — перед

войной прапорщик посадил три дерева: матери, брату и себе. После смерти его дерево засохло. Третье — жене похоронка пришла в день родов. Родила двойняшек: мальчика и девочку. Обоих назвала Женей. По мужу.

...Ранения майора Ольхова не прошли бесследно. Левая рука начала неметь от плеча, правая, без двух пальцев, ныла, почти не переставая. После месячной госпитализации Ольхов был комиссован по ранению и инвалидности.

Человек в момент невеселых жизненных испытаний всегда старается чем-то сгладить навалившуюся на него беду. У всех это происходит по-разному. Серега завел попугая. Он по-детски радовался такому везению. Птица умела говорить несколько слов и все к месту. Попугай, получив кличку Бриз по позывному хозяина, вначале ненадолго затих. Его крыло и хвост, безжизненно обвиснув, штилевали. Он размышлял. Очевидно, прикидывал на себя достоинства нового имени. Сутки спустя на Серегин вопрос: «Ну, как? Подходит?» Бриз, махнув крылом, проскрипел «Ша!» Что, видимо, означало «годится». Помимо прочего, в его словесном арсенале был следующий набор. При телефонном звонке он орал: «Хватай!» На звонок в дверь — «К бою!» Если хозяин забывал его вовремя выпустить, следовало громкое: «Геноцид!» На попытку отругать за кучу разлетевшихся по квартире перьев звучало угрожающее: «Только плюнь!» Когда Серега, разговаривая с ним, что-то готовил, Бриз требовал: «Смотри в глаза!» Откуда он нахватался этих слов, неведомо.

Для каждого военного человека уход из профессиональной деятельности влечет за собой серьезные душевные переживания, а нередко и финансовые трудности. Это тягостное событие в судьбе майора Ольхова совпало с еще одним, возможно, более значимым, чем физическое ранение. Пришел приказ министра обороны о расформировании полка.

10.00. Построен весь гарнизон. Предстоял акт государственного преступления — ликвидация боевого Знамени полка, что соответствовало снятию поста номер один и ликвидации гарнизона. Из бывших однополчан было два ветерана, помнивших еще формирование этого полка под Москвой в сорок первом. О них, приглашенных, забыли. Старики скромно стояли в стороне от трибуны при медалях и костылях. Сержант Михей Поляков и старшина Федор Демидов.

— Равняйся! Смирно! Под знамя! На одного линейного дистанции...

Старики плакали. Помрачнела эпоха. Напряглись невидимые ветераны легендарного полка. Солнце закрылось тучей, не вынеся позора и прослезилось дождем.

...Вдруг гарнизон замолчал. В момент прощания со Знаменем полка по плацу при сотнях глаз при полной выправке, почти не хромя, четким строевым шагом шли два участника Великой Отечественной войны. Подойдя к Знамени, воины взяли «под козырек». Стояли ровно минуту, отдавая честь и прощаясь. Потом опустились на колени и поцеловали символ воинской доблести, чести и славы.

Через час сержант Михей Поляков умер от инфаркта. Ликвидация боевого Знамени — для него это было нечто большее, чем фашизм.

Да-а... Помолчал, покурил и промолвил солдат: «Что ж вы сделали с Родиной, братцы?!...»

В гарнизоне за короткое время начали происходить нехорошие изменения. Последствия ликвидации Знамени полка стали проявляться во всем. В семейных отношениях у военных, да и гражданских. Явные перекосы обозначились в административных делах. Словно было нанесено тяжкое ранение в спину, в сердце. Много потеряло смысл. Даже здания стали заметно ветшать и осыпаться.

...После госпиталя майор Ольхов нашел свою боевую машину. Она под номером 033 была брошена на свалку — в разобранном виде, без колес. Присевший возле нее майор долго курил, безрезультатно пытался не плакать. Снова курил, пил и опять старался не плакать. ...Вот здесь сидел Вовка, там Леха, тут на переднем сиденье осталась Витькина нога. Витька тогда орал: «Держись, Серега!» И почему-то пел «Подмосковные вечера». Он вывел машину в безопасное место, и из него хлынула кровь. Э-эх! «...Их нет давно, они всегда воюют...» Военные тоже плачут.

— Теперь я один, мужики. Помяну косточки ваши. Все, что осталось у нас от этой войны, — это не предавший нас ни разу 033-й БТР.

Ольхов уходил не оглядываясь. Ему вслед смотрел свежеевыкрашенный и ухоженный фронтовой друг. С именами друзей на броне и надписью: «...Только очень жди...»

Уволенный майор безнадежно мыкался в поисках работы. Вечером от всего, что на него навалилось, Серега Ольхов на все имеющиеся деньги напился в местном ресторане. Было шумно, громко играл оркестр. Ольхов много пил, пел, куда-то ушли заглушенные мучительные переживания.

Находясь в туалете, он почувствовал, что за спиной кто-то есть. Медленно привел себя в порядок и повернулся. В метре от него стояли трое. Один не спеша курил, двое поигрывали ключами. Все молчали.

— Что-то хотели спросить? — майор придал голосу шутливый тон. Стоявшие не шелохнулись.

— Простите; дама ждет, — Серега сделал попытку шагнуть и задохнулся от несильного, но ощутимого удара в грудь.

— Снимай костюм. Твоя рожа к нему не идет...

Говорившего подвел тон, каким он это сказал: голос неуловимо дрожал, а на последнем слове прервался

при сглатывании. Это решило судьбу всех троих. От внезапного напряжения майор почувствовал себя абсолютно здоровым.

— В таких-то туфлях на мой костюм засмотрелся? — тихо проговорил Ольхов.

Стоящие машинально посмотрели на свою обувь. От негромкого специфического хлопка ладонями по ушам с хриловатым вздохом осел первый. После молниеносного удара двумя пальцами в глаза волчком завертелся второй. Третий стоял в гипнотической стойке кролика. Не мигая глазами, не шевелясь, не дыша. Серега ощупал ему кадык, шейные позвонки, и стоявший, словно засыпая, мягко осел к друзьям.

Ольхова арестовали здесь же, в туалете, где он нервно курил.

СИЗО, в которое он попал, было как все СИЗО. Находящиеся в нем об Ольхове знали все необходимое. Над ним не издевались, не унижали. У майора невыносимо болели руки, настолько сильно, что он до крови искусал губу. Ему нестерпимо хотелось в туалет, а сил выполнить все необходимое не было. Тогда к нему подошли двое пожилых в наколках, осторожно сняли с него штаны и бережно помогли сделать все, что ему требовалось. Потом надели штаны и проводили к освободившимся нарам. Утром они же помогли ему умыться и сделать все что нужно, как прежде.

Тяжелее всех потерю Сереги пережил его друг Бриз. После суда он несколько дней сидел нахохлившись. Почти не пил, ничего не ел. Под вечер встрепенулся, посмотрел в глаза Серегиной матери, последний раз негромко хрипнул: «Ша...» — и кувыркнулся лапами кверху.

Ольхов впервые пришел в храм от тоски. Подходя к священнику, он очень нервничал. Отвлечшийся от исповеди батюшка ласково сказал ему: «Ты подожди, я

подойду к тебе. Ты ведь не на минутку зашел...» Серега зашел не на минутку. Он пришел навсегда.

Из письма заключенного:

«...Я военнослужащий. Военные бывшими не бывают. Преступление совершил от отчаяния. Оказалось, что надо готовиться ко всякой войне. С врагом внешним мы подготовились, а врага духовного не усмотрели. Отчаяние оказалось сильным противником. Однажды, в момент полного безденежья, оно породило во мне слепую ярость, закончившуюся преступлением. В тот момент в аналогичном состоянии были многие, но не удержался я один.

Вспоминаю суд, как мне было стыдно, невыносимо плохо. Было жалко мать и отца. Они выглядели совсем старыми и затравленными. Обо мне плохо говорили все, а они униженно терпели. Жена в это время лежала в больнице. У нее, всегда здоровой женщины, был инфаркт.

Как быстро и нехорошо при грехопадении меняются интересы человека. Когда я стал слабеть духом, то те люди, которых я вчера сторонился из-за их непристойного поведения, вдруг стали мне самыми близкими друзьями. Женщины с неприличным поведением стали очень уважаемы, а то и более того... Это говорит о том, насколько я все-таки слабый человек. Перевоплощение произошло не за годы и месяцы, а за несколько дней. Мой ребенок, по которому у меня болела душа, вдруг стал мне безразличен. Я, не боявшийся вероятного противника в бою, стал капризным, мнительным, брюзгливым по любым мелочам... Мои однополчане, с которыми я прослужил много лет, пытались спасти меня, но я стал только сторониться их. Как уязвим человек, как непрочны наши устои, если они безбожные...

Самым близким другом мне стал человек, который бросил свою немощную жену и забрал с собой сына. Она была неплохая женщина, но стоило ей оступиться (начала выпивать), как он тут же стал брезговать ею. А ведь в свое время, когда он принес ей еще больший вред, она не отвернулась от него, и сына убедил, что отец просто ошибся, и это пройдет.

Тюрьма – попущение Божие и при всех трудностях очень полезная вещь. Бог бесполезных страданий нам не пошлет. От своей душевной контузии я стал излечиваться в тюремном храме. Я знаю одного человека, который пошел в церковь после того, как ему при строительстве дома на голову упал кирпич. Теперь он самый прилежный прихожанин.

После моего душевного восстановления я понял, что тот приговор спас меня, а следовательно, еще кого-то. Человек в своей злобе сам остановиться не в состоянии. У меня даже было устойчивое тайное желание – покончить жизнь самоубийством.

Сегодня жизнь человека становится очень дорогой вещью. Наверное, скоро мы будем платить, чтобы жить, как за свет и газ. Не заплатил – жизнь отключат. У нас в тюрьме такое положение, что нам завидуют люди из близлежащих деревень. Тут есть стабильные жильё и еда.

Мой ребенок мне написал: «Папа, мне мама часто рассказывает, как ты был на войне. Я люблю надевать твою военную форму. Там много разных наград. Мама сказала, что сейчас ты как будто нашалил и стоишь в углу, но мы все равно тебя любим. Мама сказала, что в тюрьму ты бы не попал, если бы ее всегда слушал. Давай ее вместе слушать. Мне сегодня исполнилось восемь лет. Мама сказала, что ты защищал меня и Родину. Потом где-то споткнулся и очень ушибся. Пока тебя нет, теперь моя очередь защищать маму. А еще я хочу сестренку».

Я часто анализирую свою жизнь. Здесь, в заключении, это приобретает невероятно полезный смысл. Многие воспоминания будто хранились для этого часа. Однажды мы приезжали с гуманитарной помощью в приют для умалишенных детей. Когда я впервые их увидел, меня поразили их глаза. Они были умнее всех нас... Всех. Особенно одна девочка. У нее был грудной взрослый голос, а нижней челюсти не было от рождения. Но ее глаза покроют все недостатки. К этой девочке все время льнул один человек. Личико осунувшееся, губки черненькие и тоненькие, ушки сухие, бровей и ресниц нет, а волосы на голове густые и белые. Я думал, что это старичок, но мне сказали, что ему двенадцать лет. Старенькая воспитательница, которая там работала, так и сказала: «Тут все такие. Вы в страстях сольетесь, а родите – трясетесь».

Мой дружок однажды рассказал, как после крещения они это событие решили отметить в ресторане. Бросили крест в стакан с водкой и пустили по кругу. Вроде обмыть. Когда водку выпили, креста в стакане не оказалось. Думали выпал, долго искали, но так и не нашли. А через три дня этого парня арестовали.

На тюремную администрацию я не в обиде. Они такие же военные, как и я. Только мучает, что теперь вроде и от меня надо мой же народ спасать. Военному человеку такое наказание переносить еще сложнее, чем гражданскому. Тот нарушил только УК, а я и УК и, главное, Присягу. Так что с меня спросится вдвойне... А Президента я бы хотел увидеть в военной форме, как Верховного Главнокомандующего. Форма многое проясняет в человеке. В ней меняется лицо, форма этому обязывает.

Мое вразумление и поворот в сторону Бога в большей степени произошел от страха. К нам попа-

дала иногда сектантская литература. Я по своей дремучести стал ее читать. Понравилось. Вот, думаю, как за меня пекутся. Однажды взял и в порыве чувств поцеловал их книжку. К утру губы опаршивели. К вечеру появился жар. Мой друг говорит: «Сходи в нашу церковь, помажь елеем, все черти разбегутся». Знаете, прошло.

Обычно в конце письма просят молитв. Поклонитесь великомученице Варваре за мою жену. Она достойна этого. Меня в тяжкий час бросили почти все. Она все перенесла, укрепила меня и ребенка.

Если кому-то будут полезны советы кающегося грешника, буду рад. Сегодня Прощеное воскресенье. Простите меня, если кого-то невольно обидел своими мыслями».

Глава 8

КАРА

За окном храма грустила от невнимания осенняя рябина. По небу плыли дородные облака, позволяя солнцу изредка заглядывать в окна храма, где перед отцом Нектарием опустился на колени Петр. Его новая жизнь начиналась как бы из той, иной жизни, поведать о которой пришло время.

...В камеру с недостижимой для человеческого роста высоты падал тусклый электрический свет. Эта круглосуточно горящая под стеклянным колпаком сереющего цвета лампа, видимо, никогда не мылась. Такого же серого унылого цвета были шелушащиеся стены. Их многослойная краска, будто кольца дерева, показывала приблизительный возраст этой комнаты — места последнего пристанища грешной души. В дизайне и эстетике данное место особой нужды не испытывало из-за своего сурового предназначения. Комната была небольшая, размером 2,5x4 метра. Весь ее вид для любого случайно зашедшего в нее человека навевал мысль о какой-то необъяснимой вечности. Вечности, которая никогда никому просто так не открывалась, только по заслугам. Любой находившийся в ней был своего рода временным хозяином этой комнаты. Справа в углу — туалет. Он был младше этого помещения и выглядел довольно неестественно. Просто стены были одного века, а туалет другого, более позднего. Бывало, что он не выполнял свои функции, так как иногда отключалась вода. Тогда задача туалета возлагалась на добротный сколоченный ящик с песком и ведро без ручки, наполовину заполненное водой. Этот нужник выносился из камеры раз в сутки в строго определенное время, по строго определенному маршруту.

Слева находилось другое «удобство» — узкая кровать из сварного каркаса, проложенная стянутыми досками и наглухо привинченная к стене. На ней нехитрые спальные принадлежности: солдатский матрац, две застиранные старенькие простыни, такая же наволочка, крепкое солдатское одеяло, обшитое шинельным сукном по периметру, чтобы не затиралось и служило подольше простым постояльцам. В изголовье висело чуть смятое вафельное полотенце. Ближе к кровати находилась тумбочка такой же незамысловатой конструкции, лишенная свободы перемещения. Здесь вообще все говорило о несвободе движений тела, глаз, мыслей. Присутствовало упрямое ощущение того, что своеволие и пустомыслие тут явно неуместны. Вся обстановка способствовала осмыслению причины нахождения в этой комнате.

На тумбочке — самый необходимый бесхитростный набор вещей: чашка, ложка, кружка. Пластмассовые. Чтобы использовались строго по их назначению.

Здесь не принято бесцельно разговаривать, и об истинной причине покидания этой камеры не знал никто. В этом помещении очень ценится тишина. Гробовая тишина. В течение всей жизни человек не особенно нуждается в ней, стараясь чаще всего прогнать ее отвратительным шумом. Сюда же, в ее владения, люди приходили только в свой последний жизненный час. Сколько знала эта тишина — не знали все звуки мира. У нее даже был свой устав, свои минимальные требования, соблюдать которые обязаны были все. Редко кто осмеливался дерзнуть против ее воли. Приходившие к ней непростые гости познали ее бесценную ценность. Идущее здесь переосмысление жизни происходит то с космической скоростью, то одна мысль порой застревает на сутки, на месяцы. Но ровного, спокойного раздумья не бывает никогда. Здесь секунды нередко идут за век.

В этом помещении было немало людей, которые, возможно, впервые задумывались: «З а ч е м я ж и л д о с и х п о р?..»

Петр сидел на краешке кровати, положив ладони на колени. Он давно не спал. В тюрьмах, как и в госпиталях, вообще не спят, в них забываются. На чуть-чуть. От физической и душевной усталости.

Голова Петра была острижена «под ноль» по требованиям законодательным и медицинским. Типичная для этого места арестантская полосатая одежда. Из обуви — казенные тапочки. Петр — не первый здесь, и неведомо, последний ли. Если бы он вот так сидел где-нибудь на лавочке в городском парке, то проходящие мимо гуляющие люди странно посматривали бы на него. Здесь, в этой комнате последнего ожидания, сидят только так.

В мире все рационально, и у каждого мгновения свое предназначение. Предназначение временного содержания этого человека заключалось в ожидании «приведения приговора в виде смертной казни в исполнение».

Петр застонал. Сильно ныла душа. Эта боль была постоянной, но периодически она становилась особенно мучительной. На ее мучения отзывалось все тело: сердце, желудок, кишечник. Глядя в камеру, как в пустоту, встал, прошел туда и обратно, развел руки, согнулся, разогнулся. Все это выполнялось как бы подсознательно, как маловажное, третьестепенное. Просто так надо. Петр прислонился к стене, долго и бессмысленно смотрел в пол. Язык был почему-то постоянно сухой и кислый, с онемевшим кончиком.

Первое время после суда он был в неадекватном, как принято говорить, состоянии. Почти всю неделю Петр не спал вообще, без конца пил и через каждые 20-30 минут ходил в туалет. И все пил, пил и пил. Он

довольно сносно питался перед судом, потому что была надежда на спасение от страшного приговора. Она была и сейчас. Но уже больше было отчаяния.

Некоторые после суда сдавали в силе сразу и порой переставали есть вообще. Тогда их кормили насильно. Другие ели по свински, неопрятно, с чавканьем, шумно и торопливо, будто боялись, что еду у них отберут, и клянчили еще и еще.

По прошествии нескольких недель душевное состояние Петра относительно стабилизировалось, хотя нередко возникало агрессивное поведение. Однажды им внезапно овладела необузданная бесноватая сила: он захрипел, изо рта пошла липкая слюна, зрачки запали до белков, тело выгнулось в дугу. Его было опасно трогать в эту минуту. После того как он, страшно дыша, стал затихать, подергиваясь и что-то сипя, в камеру вошли трое (по одному строго запрещено) — два офицера и врач. Охрана постоянно находилась за порогом в первой готовности на любой случай. Петра силой уложили, заставили принять необходимое лекарство, убедились, что оно проглочено, и ушли, тщательно осмотрев камеру.

Ночь. Самое тяжелое время суток. Особенно предутренние часы. В это время в камере стоит звенящая тишина, отдающая оглушающим звоном в голову. Сегодня сила напряжения была такова, что изменился слух, ухудшилось зрение, отчего лампочка постоянно «мигала». Порой полностью терялась возможность иметь представление не только о времени года, но и суток. Петр пытался прислушиваться к шагам в коридоре, сердце билось настолько мощно и часто, что казалось, будто с его стуком вздрагивает все стоящее на столе. При каждом приближении шагов охраны ему становилось худо до предобморочного состояния. Кто-то где-то глубоко и тяжело вздыхал. Иногда слышалось бормотание и даже скрежет зубов. Однажды под утро через стенку страш-

но заорал и забился человек. Мгновенная парализация охватила все камеры, и чуть спустя жутко орали все заключенные.

С наступлением тусклого рассвета, случалось, наступало полное нервное истощение. Организм не справлялся с привычными, естественными функциями, так что Петр несколько раз ходил под себя, лишенный всякой возможности контролировать свои действия. Кал и моча самопроизвольно и вяло выходили из тела в штаны, стекая и сползая на пол. Способность мыслить была настолько минимальной, что не было сил запросить о помощи. Пальцы рук едва шевелились, побелевшие губы были как склеенные. Петра приводили в относительный порядок те, в чьи обязанности это входило. Эти люди юридически отвечали за него, и такие действия не являлись для них чем-то из ряда вон выходящим.

В тюрьме шел завтрак. По распорядку. Петр принимал его безразлично. В течение всего времени нахождения в камере у него наблюдались перепады — от редкого желания поесть до долгого отвращения к еде. В прошедшую ночь ему опять ежечасно стреляли в затылок. Так ему мерещилось. Это место было будто обожженным и нестерпимо болело. Такое мрачное творчество мыслей стало возникать почти сразу, как на суде зачитали приговор.

После еды он порой машинально собирал крошки хлеба, упавшие на колени. Рассеянно осматривал камеру, будто видел ее впервые. Внешне он выглядел довольно спокойным. Даже очень спокойным. Но это, видимо, от того, что вся энергия была потрачена на ночные переживания.

На улице, похоже, окончательно рассвело. Было очень морозно, а камера плохо отапливалась. Петру до сих пор не приходило в голову подумать на эту тему. Он временами ежился, прячась в одежду. В такие моменты у него был вид человека, у которого невозможно

определить ни возраст, ни социальное происхождение, ни национальность. Э-эх, горемычная опаршивевшая душа, грязная заскорузлая плоть! Показать бы тебя, сегодняшнюю, той, которая еще год назад орала: «За год удовольствий плачу вечностью в аду...» Плати. Но учти — «в аду нет утех».

Наступило время выхода на прогулку. По команде Петр подбежал к двери, повернулся спиной, просунул в окошко руки, раздался сухой щелчок холодной стали наручников. Далее обратно к стене, встав по команде «смирно, ноги врозь», уперевшись руками в стену ладонями наружу. Дверь открылась. Он перешагнул порог, повернулся направо и замер лицом к стене в такой же позе. Эти обязательные действия он выполнял больше автоматически. В такой обстановке прогулка, как таковая, с прогулкой в миру имеет условную схожесть. На воле ты волен, здесь ты «имеешь право». Демонстрация личной значимости тут более чем неуместна. Тюрьма, наверное, — единственное место в государстве, где еще тщательно исполняются закон и дисциплина.

Вдох! На такой прогулке он делается каждый раз, точно в первое мгновение при рождении на свет. Вдох чистого морозного воздуха после пропахшего нечистыми запахами изолятора всегда пронзителен и вкусен. Даже решетчатое небо не могло умалить ценность этих первых секунд.

Время прогулки не то ползло, не то летело. Мысли хаотично путались. Мозг давно не работал организованно, упорядоченно. Но сейчас он думал. Сегодня придет мама. Первый месяц после суда он отказывался от свидания. Душа то буйствовала, то паниковала от того, что он боялся этой встречи. Шагая по привычной невидимой дорожке туда-обратно, он пытался представить, как это произойдет.

Прогулка подходила к концу.

— Твое время истекло, — как с того света прозвучал голос инспектора.

Петр будто грубо приземлился на грешную землю. Дверь в камеру захлопнулась. Кто знает истинный смысл этих слов — «твое время истекло»...

— Встать! Суд идет!

В зале суда было два фронта. Двое, находящиеся по одну линию, до тряски рук, глядя на судей, взывали о помиловании, взамен на любой срок заключения. Десятки остальных требовали одного — убить. Здесь же, у всех на глазах. Звенящая тишина окончательно вышвырнула из голов все ненужные мысли. Равнодушных, беспристрастных не было. Человеческая душа все-таки не способна сохранить хладнокровие в такой ситуации. Позади, будто в прошлом, остались изнурительные судебные действия, когда дух и плоть медленно свыкались с неизбежным ожиданием чего-то страшного. Этот душераздирающий процесс прошли обе стороны.

...Судья долго, очень долго зачитывала материалы дела. Задавались вопросы. Следовали ответы. Наконец прозвучало извечное для данного процесса:

— Ваше последнее слово...

Зал был мертв. Многие видели то, что возможно увидеть только раз в жизни. Человеку разрешали произнести последнее слово. Глаза матери и сына встретились. Так они смотрели друг на друга впервые за многие годы, будто очнувшись, приходя в себя, как после тяжелой болезни. Петр, не раскрывая рта, оглушительно колотящимся сердцем произнес безмолвное: «Спаси...»

— Ваше последнее слово, — как будто возвращая Петра в земное состояние, повторила главный судья.

То, что пытался сказать Петр, было невразумительно. Он долго соображал, вымучивая полностью искореженную речь. Лишь в конце невнятно подтвердил, что виновен.

И вот финал: «Именем Российской Федерации...»

Голос судьи был ровным и четким. Напряжение достигло своего предела. Зал затих, словно вымер. Слышались только редкое покашливание и неуловимый шорох. Мать Петра стояла на глиняных ногах. Отца не было. Он тяжело болел после перенесенного инфаркта. Родители и родственники пострадавших жаждали возмездия. Петр совсем перестал осознавать происходящее. Шло стремительное разрушение духа. Силы не было нигде. Ни в чем. Ни в одной клетке.

Странно спокойно звучало чтение приговора.

— Суд установил... признать виновным в совершении преступления... назначить наказание в виде...

Зал осел...

— ...в виде смертной казни...

Все. Дальнейшие слова о том, что меру пресечения оставить без изменения, и остальные «пустяки» уже не воспринимались ничьим сознанием. Ни одной из сторон. Приговор вступил в силу. Мать повисла на чьих-то руках. Петр молчал с белым лицом.

Потом его куда-то вели. Он четко, даже несвойственно прилежно подчинялся малейшей незначительной команде, без конца при этом облизываясь. Голова здраво не работала, психика была парализована. Сверхсильное эмоциональное состояние привело его в полное оцепенение. Юридически он был еще жив, но его на законном основании можно было какое-то время спустя казнить. Вот так все и произошло на этом этапе жизни.

Перед свиданием у матери был странный сон. Сына ведут куда-то по какому-то двору много-много человек. Он все время вертит головой назад и пытается смотреть

на нее почему-то детскими глазами, как перед наказанием за шалость... Мать проснулась мокрая и холодная, хотя в доме было тепло.

...Петр внешне был очень плох. При всем его желании видеть мать, он казался ей все-таки не родным. Нет, Мария чувствовала, что сидит с сыном, но было такое ощущение, будто видится с другим человеком. Она старалась мыслями и словами приткнуться к нему и так и эдак, но все получалось неуклюже, по-чужому.

Мария, пытаясь взять себя в руки, смотрела на сына. У нее тряслись губы, слипались от пота ладони. В конце концов она расплакалась навзрыд. Петр внезапно как-то сник, и появилась первая человеческая фраза: «Мам...»

Мать и сын забыли, о чем хотели говорить. Мать сына, приговоренного к смертной казни, смотрит на мир иными глазами.

— Ответа от Президента нет?

Пока от комиссии по помилованию ничего хорошего не поступало. Но и плохого тоже. Петр вновь замкнулся, сковался. Если бы ее, матери, не было, он, похоже, сразу бы перестал жить. Мария задавала сыну какие-то вопросы. Пустяшные, но смысл был в том, что она просто обязана была быть ободряющей, спокойной. Пусть час спустя она сама развалится, но эти минуты ей предоставлялись для укрепления сына. Больше его крепить было некому.

Как сын был сейчас похож на отца! Это становится особенно заметно именно тогда, когда в жизни случается что-то очень хорошее или очень плохое.

Свидание закончилось. Сына уводили. Мария, впившись ему в спину глазами, пыталась удержать сердцем. И вдруг... Петр оглянулся точно так же, как в том сне.

Уходя с такой встречи, при всей ее трагичности, мать неуловимо крепчала духом, восстанавливаясь для

новых испытаний. Предвещавшие беду молнии и гром в той, будто не существовавшей до суда жизни, тогда так и не были услышаны. Вразумлением стал смертный приговор, и... Мария, впервые сложив три пальца на правой руке, перекрестилась так, будто делала это с рождения.

В 22.00 во всех камерах был произведен отбой. Опять пришло время мучительной ночи. Было приказано спать по распорядку. Здесь вообще все виды деятельности заключенные обязаны выполнять беспрекословно и в срок. «Стоять!» — и выполнялся мгновенный разворот к стене, ноги врозь, тело в наклон, руки на стену ладонями наружу. «Ко мне!» Петр немедленно подбегал к указанному месту, и следовал четкий, внятный доклад: «Я такой-то... статья такая-то... срок такой-то...» И бегом вновь к стене, чтобы занять прежнее положение. Если бы десятую часть такого смирения и дисциплины человек имел в миру, то тюрьмы опустели бы сами собой, а администрация не пожалела бы о том, что потеряла работу.

Петр дожид до ночи, которая была не то пятидесятая, не то пятисотая. Иногда он был в состоянии вспомнить что-то из прошлого и старался сохранить эти случаи на ночь. А то, бывает, днем передумает их, а потом приходится что-то вновь или вспоминать заново или придумывать. Петр часто стал ловить себя на том, что у него начали создаваться не существующие, иллюзорные факты, желанные для данной минуты мучительного состояния души. Получалось даже неплохо, только после этого было еще хуже. Он становился более угрюмым или истерично опасным. Нередко то, что вспоминалось, вызывало у него слезливость, несвойственное умиление, больше походившее на хихиканье умалишенного.

Порой Петр будто начинал с кем-то беседовать, ерзая при этом на кровати, пытаясь поудобней усесться. Или вдруг внезапно вставал, начинал быстро хо-

дить каким-то только ему ведомым причудливым маршрутом. Прислонялся к стене, замирал, а потом внезапно сползал на пол, надолго уходил в себя, обхватив колени и уткнувшись в них лбом. Или начинал выполнять необъяснимые движения руками, остановившись на полпути, приподняв палец, будто просил кого-то помолчать, чтобы сформулировать главную, важнейшую мысль. Внешне это было похоже на поведение человека из иного мирознания, в котором будто происходила последняя неведомая зачистка души.

В одну из ночей произошло необъяснимое: его мозг в странных острых подробностях восстановил все то, что происходило с ним после того, как родители откупили его от армии, придумав нехорошую болезнь. Это решение, казавшееся на тот момент удачным, сейчас чем-то стало беспокоить его, будто душа и сердце осознали нечто такое, от чего впоследствии произошли генеральные изменения в жизни. Придуманная однажды болезнь теперь воспроизвелась в действительности.

Петр плакал. Это был странный плач. Не было слез, не тряслись плечи. Было очень жарко в груди. Ныло сердце. Он всхлипывал с сухими глазами, сидя на нарах, раскачиваясь, добела сжав пальцы в замок. Глухой вой начал перерастать в тяжелое буйство. У Петра провисли губы, оползли щеки, отталкивающие сузились глаза. Провалившийся в горло язык начал душить, он жутко захрипел. Прибывшая через несколько минут спецгруппа с врачом выполнила необходимые действия. Обмякший, вялый Петр безэмоционально лежал на кровати. Очнувшись час спустя, Петр ощутил, что у него онемела нижняя губа и ко всему серьезно ухудшилось зрение. Ему на сей час было настолько плохо, насколько было хорошо в час тот. Час последнего пира во время чумы.

...Петр ехал на очередное «ночное мероприятие». В действительности это была в соответствии с бандитским сленгом ресторанная «сходка», которую собирал один из авторитетов.

Стоя под светофором, он зацепился взглядом за троих ребят, ветеранов войны, поющих под гитару. Их было хорошо видно и слышно. Обступивший их народ мысленно ушел в свою и их жизнь. Парни докладывали о своей судьбе. Они ничего не просили, просто пели. О том, что «...от солнца стал седым их камуфляж...», как однажды имели счастье дать с полной горсти умирающему от жажды...» Славил друзей. «Виват, Моздок и Шали, Кандагар и Газни. Виват всем вам, дорогие мои шурави...»

Тихо плакала пожилая вредная продавщица семечек и сигарет. Затихли кавказцы, зыряка на солдат и слушателей с почтительного далека. Милиционеры, облокотившись на капот своего «уазика», приказали продавцу аудиолотка выключить дурацкие песни, от которых даже «ногу свело». Слушал невольно и Петр. Слушали все водители, стараясь не сигналить, чтобы не заглушить свою молодость. Солдаты, казалось, глядели на Петра. От этого ему стало чуть не по себе. «...Но ты поймешь, мой друг, и сможешь мне поверить, мы просто честно выполнили долг».

И вдруг... вдруг он замер. На тротуаре в ожидании зеленого светофорного «добро» на переход улицы стоял молодой монах. Он разительно отличался от общей массы людей, даже не внешностью, а тем, как он смиренно ждал этого разрешения. Вокруг толкались, пытались успеть проскочить между машинами, а он стоял и ждал. Ждал, когда это будет позволено сделать. Он был совсем рядом, и его поразительно свежее лицо,

молоденькая бородка и терпение вносили в общую толкотню и сумятицу неведомо откуда навеянный покой.

Петр вздрогнул. По машине стучал раскрасневшийся от злости водитель КамАЗа. Нестерпимо сигналили стоящие сзади него машины.

— Ты че... Че стоишь? Уже второй зеленый... Умер что ли?

Очнувшийся Петр миновал перекресток.

...Гости прибывали с опозданием. Здесь всех встречали по одежке. Каждый мужчина подчеркивал солидную усталость, женщины изо всех сил — максимальную красоту. Облаком духов проплыла известная актриса. При ней был молодой человек с мокрыми губами. Он планировался на одну из главных ролей в будущем боевике о братве. Жеманно прошелестела пара манерных, влюбленных друг в друга мужчин. У присутствующих они вызвали незаметную усмешку выщипанными бровями, брючками-лосинами и у-образным строением ног. Их терпели, как людей высокой культуры. В виде государственного лица прошел депутат. Братва, давно знавшая друг друга, демонстративно подчеркивала независимость и свое высокое положение. Тихо протопал карлик. Он был малоизвестной личностью, но по тому, как ему помогала личная охрана выйти из огромного «линкольна», никто не рискнул усмехнуться. Большой человек. Нередко слышалось: «Ва-а! В натуре! Шалом!»

«Еще кое-где говорили по-русски...» Наконец, прибыли главные лица. Так как подавляющее количество гостей были в ссоре с законом, то были введены устраивающие всех слова «бизнесмен», «олигарх». Этого требовало время. Новый порядок.

Столы, поставленные буквой «П», подавляли изобилием и роскошью. Тамадой назначили уважаемого человека с двойным гражданством. Свою трость, весом в

один килограмм двести граммов, из чистого золота и ручкой из слоновой кости в виде волчьей головы, он небрежно сунул охраннику ресторана:

— Ткни куда-нибудь. После отдашь.

Гости сидели в соответствии со своим рангом. Лучшее место было у камина, где и поставили главные стулья. Петру определили место недалеко от верхов. Он это воспринял, как добрый знак.

Все сразу перешло с места в карьер. Тамада был опытен в застольных делах, знал, кому и что говорить. Были названы причина встречи и виновник торжества. Между длинными тостами-отчетами слышалась громкая музыка. В связи с тем, что все разбирались в искусстве, арфа, скрипка и рояль трижды как гимн исполнили «Гоп-стоп». Уже через полчаса после начала градус общего поведения лихо рванул вверх. Забеспокоились официанты. Подвзвинтилась охрана. Такого уровня внезапно расцветающего хамства на душу населения здесь доселе не наблюдалось. Дважды прошагал по периметру зала директор. Он явно нервничал. Напряглась женщина-администратор. Ей с самого начала многое не нравилось и стало вызывать беспокойство. После каждого очередного тоста в обращении все чаще стали звучать привычные имена в виде кличек. Тамада швыдко нес околесицу.

Под ай-нэ-нэ и пышно мотающиеся юбки в зал ворвались «исторически» желанные артисты. В пляске под гитары пели легендарные расхитители социалистической и частной собственности. Последним их серьезным делом было то, что они «украли вместе с высоким забором девчонку...» Присутствие представителей МВД их ничуть не напугало. Они им сказали «опачки» и не спеша ушли. Их сменил «мальчик-бродяга», который, вихляясь, пел про забытую Богом страну. Его можно было простить — мальчишка не понимал, что забытых

Богом стран не бывает. Просто есть места, где люди сами забыли о Боге. Двое охранников пронесли известного представителя культуры. Пытались национализировать мат. «От нашего стола вашему столу» передали угощение в тысячу минимальных зарплат.

Скоро все перешло в галоп. Уже мало кто вникал в смысл звучащей песни: «...душу выгнали из дома, натурально под забор...» Она пыталась вернуться, сиюсь проскочить в щель под дверь, но не сделала этого, потому что была очень гордая. Судя по словарному запасу, большинство присутствующих были выпускниками школы Элочки Щукиной. Лишенную статуса неприкосновенности совесть грубо вышвырнули из зала. Чем чаще и недвусмысленнее звучали тосты, тем откровеннее становились отношения между полами. Были и те, кто оценив, куда попали, поблагодарив за приглашение, быстро ушли, сославшись на занятость.

Зал внезапно зашумел под содружество «Зойки» и «Сэмэна». Блатной жаргон окончательно выдавил нормальную человеческую речь. Практически уже каждая женщина была «ах, какая!»

В зале одним махом разбили сто десять хрустальных бокалов. Похоже, был очень важный тост во здравие кого-то. Бригада братвы на волне ностальгии тоскливо раскисла на музыкальном лесоповале, вспомнив про «...душевную раздербанку после свиданки и долгую разлуку, а ведь нет еще и тридцати...» На лицах замаячил естественный человеческий страх «от тюрьмы и сумы». Становилось, действительно, не по себе, услышав, что «...бесы схавают и пасть не оботрут...» Просили «помолиться за тех, кому тюрьма — дом...» Честно признались, что «получили то, что заслужили на кривой жизненной дорожке». Ждали, когда найдется такая, которая скажет «стоп», готовы были на ней немедленно жениться и «со всем, что было, завязать». Странно, но романтика не ощущалась этими людьми. «Пока

я вру, ты врешь, мы врем себе и всем, и Богу». Кто-то плакал навзрыд. Кто-то сжимал и разжимал кулаки. Петру нестерпимо захотелось пройти дорогой друзей.

Возле бара раздался шум, крики и через секунду — пьяный хохот. Виновником был депутат, который спутал мужскую комнату с дамской. Ко всему, при сидении в ней, отключилась канализация и погас свет. Он рычал в приоткрытую дверь и просил воды. Вылез с естественным запахом. Стал требовать фонарик. Оказывается, в унитаз упало удостоверение, свидетельствующее о его депутатском иммунитете. Удостоверение нашлось, но восстановлению не подлежало. На что депутат стал орать:

— ЯсБрис... БрисНик... кала... ичем нна ты... хшм... хшмтсюда пзвню!...

В звонке нужды не было. Ему верили. Через полчаса он уснул в кресле у камина. Его скучающая молодая подруга капризничала одна. Пытаясь прикурить у соседа, жеманно оперлась руками в салат. Десять минут спустя она влюбилась в Петра. Петр пылко ответил взаимностью.

В углу страшно икала актриса. В начале вечера она была избрана принцессой. Ей несколько раз пытались помочь, но после двадцатого или сорокового дикого звука стали угрожать, если не замолчит. От обиды она долго редела в парик, потом начала оглушительно чихать. Кто-то изо всей силы ударил ее по спине. Главный повар предупредил официантку с перегруженным подносом — «Осторожно. Люди».

На этот час праздника резерв вежливости и воспитанности был исчерпан всеми гостями. Повсеместно уже не матерились, а разговаривали матом, отчего у собеседников наливались кровью глаза. Официанты и повара без конца вызывали охрану. Гости почему-то решили, что ресторан ими не заказан, а куплен навсегда. Стали появляться люди, ходившие по столам. Порвали

несколько струн на арфе, пытаюсь сыграть на ней блатную песню. На резкое требование администратора прекратить безобразие и ее попытку засвидетельствовать порчу «гитарист» стал хрипло орать: «Сколько?!» Названную им же самим сумму он засунул женщине под платье. Еле сдерживая себя, она потребовала извиниться. Гость замахнулся на нее. Несколько секунд спустя ребята из охраны, оглушив, забросили его за мусорный контейнер.

В коридоре у большого зеркала упорно смотревший в него солидный бизнесмен знакомился со стоящим перед ним человеком. Его злило, что тот, в зеркале, не отвечал ни на один вопрос: «Я... ты ззна-ишш кто я?» А в ответ тишина. «Ты — блатной, да?» Стоявший в зеркале не подтвердил, но и не опроверг. «...Я те в хххарю плюну!...» Плевков попал молчавшему в глаз. Зеркало успели убереечь незаметным ударом бизнесмену в подбрюшье.

Его другу понравились старинные настенные часы. Он стал самостоятельно выставлять на них то время, где недавно сидел. В Магадане было раннее утро. Благополучно завершилась пятая по счету помощь дипломату, единственному мирному и самому воспитанному лицу. Он научился самостоятельно застегивать брюки при выходе из туалета. Это вызвало у деликатного администратора оптимизм. Представительный мужчина в малиновом пиджаке, разбирающийся в живописи, решил дорисовать висевшую картину. Кисти с собой не оказалось. Мастер намеревался использовать окурок. Попытка вразумить его не увенчалась успехом. Пришлось тихо врезать в ухо.

Ряд наблюдений за происходящим привели к интересному открытию. Оказывается, что когда пьяный, то дурак не только Иван. Еще Франц, Джордж, Ю, Абдулла, Абрам, Ли и представители еще десяти присутствовавших в зале национальностей. Также подтвердилось, что у негодяев есть свои «классики».

Петр был замечен везде. Он познакомился с нужными и полезными людьми, научившими его, как надо правильно жить.

Наступила кульминация. Действия паханов, депутатов, артистов, юристов были уже вне всякого закона.

— Гони общак!

Два голых представителя шоу-бизнеса несли на подносе голую танцовщицу. Было заметно, что эту девчонку на такое «дно» еще не опускали. От этого у нее был сильнейший психический шок. Она страшно, истерично хохотала, вцепившись в волосы тем, кто ее нес. Несущим было больно, но на волне всеобщего безумия они терпели и тоже хохотали. Зал ревел. Очумевшая толпа трясущимися руками совала деньги в женщину. Куда хотела. Самым шустрым оказался карлик.

За всем этим мрачно наблюдали сотрудники ресторана. Начальник охраны, играя желваками, внятно произнес:

— Мужики... какую мерзость мы защищаем...

Спустя час при выходе Петр убил хозяина золотой трости. Она заметно торчала из живота владельца. С ее кончика равнодушно поглядывал волк. При попытке гостей заступиться за друга были изувечены еще пять человек. Двое скончались на месте.

Причина случившегося до конца так и не была выяснена. Кто-то что-то или не так сказал, или не так сделал...

...В камеру с недостижимой для человеческого роста высоты падал тусклый электрический свет. Петр спал с открытыми глазами. Все подчеркивало, что это было то место и то время, когда человек присел передохнуть на последнем перекрестке жизни. Рядом сидела угрюмая безысходная душа. Ей некуда было деться от этого не по годам изношенного тела. Она была одета в гряз-

ную, липкую, висевшую лохмотьями одежду, которая называлась «вина». Эта грязь за много лет ни разу не счищалась.

Когда-то душа видела это тело чистым и ухоженным, барственным и получающим все по своим прихотям. Тогда она не обращала внимания на начавшее портиться зрение, наступающую глухоту. Она не задумывалась над причинами происходящего и просто купила темные очки. Сделалась непроницаемо глуха к пытавшимся достучаться до нее другим душам. Такое состояние устраивало ее, а на попытки близких подсказать ей диагноз (со стороны всегда виднее) она дерзила и отвечала хамством. Ежившемуся сердцу было высокомерно приказано: «Заткнись!»

Но однажды душа чуть не умерла от страха. Все произошло в тот момент, когда ей зачитали смертный приговор. Душа представила, как ее тело будут убивать. В реальной действительности. Как это тело специально готовят и грубо, перед рассветом, рывком поднимают, сгибают и очень быстро волоком прут в специальную камеру. Там ей что-то говорят, после чего хладнокровно, профессионально выполняют необходимые действия. Она пытается кричать, но тело только беззвучно открывает рот, не в состоянии сделать ни малейшего движения. Голову упирают в пол, вываливаются безумные глаза. Молния. Мрак.

Этими представлениями она терзает себя каждую ночь, день и час. Особенно в два специальных дня под утро. Уже много месяцев. Душа устала. Изнемогла. Она была никчемная и никому не нужная. Те другие, кому она раньше верила, плюнули на нее и исчезли. Рядом остались только кровные. Ее надуманное богатство, которым она так гордилась, осыпалось, как сухая листва, и окружающие увидели, насколько она, доселе пышная, оказалась заскорузлой и опаршивевшей.

Сейчас тело спало с полуоткрытыми глазами. Душа в это время смотрела в глухое окно, пытаясь разглядеть, что ее ждет. А может, просто силилась увидеть свет. Белый. Нам неведомо.

Петр всхрипнул, проснулся. Долго глядел в одну точку. С трудом сел. Несмотря на то, что уборка в камере им производилась регулярно, все равно ощущался устойчивый прелый запах духоты. Ноги отекали. Во рту была горечь. Плюнул в сторону нужника, получилось шипение. Слюна медленно стекала по подбородку, но Петр не чувствовал этого. Было полное безразличие ко всему. Он не помнил, какой день, час. Часто не мог вспомнить, как его зовут, какое время года. «В аду нет исследования о времени жизни».

Последнее время Петр стал очень исполнительным при уборке за собой. Тщательно, до исступления зати-рал отхожее место. Порой его от этого останавливали командой. Тут еще завелась какая-то муха. Он поначалу отмахивался от нее, а потом привык. Даже подолгу рассматривал, как она ползала по руке, ногам, столу. Странное сожительство. Петру от этого нередко становилось легче, он даже играл с ней.

Все чаще стал сильно ныть живот. Опухла нижняя часть, отчего он подолгу и безрезультатно пытался сходить по малому, кусая губы и плача от боли. Здесь было так со многими остановившимися у порога в вечность. У многих состояние было такое, что туда, в вечность, уже хотелось немедленно. Но для этого надо было принять то, что являлось во веки веков самым таинственным и страшным — кару. Смертную казнь.

...После дождя в полнеба, как жизнь, является солнце и встает радуга. Но перед этим сходит стеной ливень, а молнии и гром своей неразгаданной силой заставляют любую дерзновенную душу приседать, замирать и вспоминать о Боге.

Вследствие тяжелейшего душевного состояния у Петра наступила психическая дезориентация — раздвоение личности. Внешне это выглядело диковинно и жутковато. Частые галлюцинирующие в воспаленном сознании образы вызывали у него такие мимические и физиологические действия, которые у впервые увидевшего это могли вызвать серьезное нервное потрясение.

Было ощущение полного конца. Он в любую секунду ждал, что за ним придут. Каждая часть тела жила сама по себе и не подчинялась мыслям. А мыслей уже не было никаких. Указа о помиловании все нет...

Петр чувствовал, будто стал сам себя пожирать. В какую-то минуту ему показалось, что он сошел с ума. Петр машинально протер глаза и... вперился в пальцы. У него выросли ногти. Они были пугающе неестественной длины, скрюченные, даже надтреснутые у краешков. Стало совсем страшно. Он вдруг отчетливо вспомнил, что они еще час назад такими не были. Душа и тело перестали сопротивляться страху.

Все, что с ним произошло дальше, он объяснить был не в состоянии.

Не зная от чего, Петр вдруг начал хрипеть: «Госпо-ди, по-ми-луй...» Он никогда в жизни этого не говорил. Потом упал на колени, завыл и пополз в угол, чтобы на стене пальцем нацарапать крест. И вот, когда он только протянул руку, чтобы сделать это, оцепенел: **КРЕСТ ТАМ УЖЕ БЫЛ...**

Что было дальше, Петр толком не мог вспомнить. Вроде он рыдал, катался под крестом, но точно помнил, что ему стало легче. Будто вскрыли гнойник. Если бы не тот крест, Петр бы издох от одного звука дверной задвижки.

Указ о помиловании на Петра пришел не то на следующий день, не то через день. Его ему читали не-

сколько раз, так как он вначале не понимал, о чем идет речь. До камеры он дошел уже сам, хотя его еще долго трясло и гнуло.

Перед этапированием на новое место Петр, стесняясь, непривычно тихим голосом попросил о встрече со священником. При этом он заметно конфузился и нервничал. Его просьба администрацией тюрьмы была удовлетворена.

...Петра доставили в комнату свиданий. Батюшка, увидев его, встал. ...Это был тот монах, что стоял у светофора.

...Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия...

В тюремном храме святителя Николая духовным гимном звучал Символ Веры. Веры в Бога, в Свет, Истину. Душа и организм стремительно крепчали. Воодушевленные люди яснили взглядом.

...Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием...

Тридцать человек веровали и молились за тех, кто не верил. Они противостояли тысяче, находящейся за стенами храма, как тьме, прося и им исцеления и прощения, как заблудшим. Это было то время по часовому поясу земли, когда «Верую...», звучавшее от этой горстки, вливалось в хор миллионов, стоящих в эту минуту на церковных литургиях по России...

...Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь.

«...Я СНАЧАЛА ХРИСТИАНИН, А ПОТОМ – НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ»

А жизнь продолжалась. Земля совершала свой вечный временной путь. Солнце из века в век всходило и заходило в строго отведенное время. Луна беспрекословно подчинялась требованию быть то идеальным кругом, то полумесяцем. Зима наступала зимой. Лето – летом. Пасхальный огонь сходил в миг Христова Воскресения... Жизнь продолжалась.

Под хоровое пение скромно крестился рядовой прихожанин, глава нерядового учреждения Николай Дмитриевич.

У каждого своя дорога к Богу. Как у рядового до полковника – свой путь. У каждого заместителя и командира свой угол зрения на полк. С разных должностных высот. Но высоту взять несложно. Сложно закрепиться, сделать ее господствующей, что позволит удержаться на ней находящемуся личному составу, а тылу чувствовать себя прикрытым. Закрепиться на высоте можно только с надежными подчиненными, которые верят в командира. Полковник это понимал с лейтенантских погон.

Начальник тюрьмы сидел в кресле, где на спинке был Герб России. На стене вместо бывшего портрета Ленина находилась икона святителя Николая. Николаю Дмитриевичу думалось о многом. Командир обязан думать о многом. Вернее, о многих. Обо всех находящихся у него в служебном и юридическом подчинении.

За двадцать пять лет службы он многое повидал. Было все: и ошибки, и правильные действия. Перед ним прошли разные судьбы. Видел, как вешались от тоски и отчаяния. Как рассчитывались молодыми заключенны-

ми, как «девочками» за карточные долги. Нередко в каждой подушке находили заточки — «на всякий случай». Еще в пору лейтенантской молодости бессильно смотрел на смерть молодого паренька, которому главари одной из тюремных группировок сделали «ведьму»: вбили в задний проход ручку метлы, а затем ее выдавленный конец вылез изо рта несчастного. Мальчишка, еще какое-то время оставаясь при жизни и в сознании, не то стыдливо улыбался, не то конфузился, словно ему было неловко за себя. Мимика его лица не соответствовала уровню физической боли. У заключенного медленно стекленели глаза при сохраняющейся мучительной улыбке. Больше всего молодого офицера поразило то, как у организаторов этого «удовольствия» менялась психика. Сотворенное ими называлось «часом гада». Главный виновник этого «торжества» был большой поклонник темной философии. Умерший был виновен в том, что отказал в требуемых поганых услугах нескольким заключенным, которые отмечали день рождения одного из них. Застигнутая на месте преступления группировка впечатляла тем, как она за секунды изменилась в поведении: все человеческое будто разом вышло из них. Остались только животные признаки, часто слышалось придурковатое хихиканье. Когда схваченного на месте преступления именинника пытались связать, он извиваясь, как гад, быстро-быстро подполз к ногам одного офицера и стал заискивающе лизать его сапоги.

Николай Дмитриевич за долгий срок службы ознакомился со всем набором положительной и отрицательной тюремной деятельности людей из самых разных уголовных сословий. Он старался тщательно изучить путь заключенного от карантина (самого тяжелого времени) до дня освобождения, который был не менее сложным, чем первые дни в тюрьме. Эти раздумья еще более обострились после его назначения начальником колонии. Кресло зама и начальника отличаются по уровню ответ-

ственности. Теперь он отвечал за все. Те трудности, которые ранее казались пустяковыми, часто становились главными. Выяснилось, что самое сложное — это выполнять самую простую работу. Мирить и сплачивать подчиненных, быть дипломатом в спорах, изживать злобу и зависть среди заключенных, пресекать заискивание и своевременно определять коварство. Это далеко не полный набор обязанностей, ставших для него повседневными. Почти ежедневно происходили нештатные ситуации. Из-за мизерной зарплаты у одного офицера, пока он был с женой на работе, от холода замерз оставшийся дома шестилетний сынишка. Оказалось, что за неуплату было отключено отопление всего дома. Мальчишка медленно уснул от холода и не проснулся. От финансовой нищеты бывали случаи подкупа некоторых офицеров со стороны заключенных. И все же не это было самым трудным. Положение самих заключенных, которых насчитывалось более полутора тысяч, было еще более трудным.

Полковник думал. Если существующая система исправления человека на законном основании не дает желаемого успеха, значит, здесь что-то не так. Он вспоминал все, чему учили ранее, изучал опыт коллег. Наиболее привлекательной и мудрой была школа царских времен.

...В 5.36 от ветхости рухнул тридцатиметровый участок тюремного ограждения с колючей проволокой и вышка с часовым. Охранная сигнализация, почти вся отключенная за долги государству, угрюмо промолчала. Караул с начальником тюрьмы, разведя руки по всей бреши, с нехорошими словами сквозь зубы по соответствующему адресу как мог латал всероссийскую казначейскую дыру. Час спустя залатали. Качество — глаза бы не глядели. Надолго ли?

Очередное дежурство Николая Дмитриевича по графику было через неделю. Во время ночного обхода

начальник тюрьмы увидел то, что бывает только в кино. По территории зоны шныряли бесы. Некоторые просто прогуливались, чувствовался устойчивый запах тлена и мерзости запустения. Заметив человека, нечистая сила нехотя скрылась.

Вскоре, находясь в командировке в столице, проходя мимо храма святителя Николая, Николай Дмитриевич задержался возле странной женщины, стоявшей рядом с входными воротами. Бывая здесь, он всегда заходил в этот храм, но прежде ее не видел. Она была одета в скромное длинное черное пальто, аккуратно повязанная шаль закрывала руки. Николай Дмитриевич достал деньги, но почему-то придержал их.

— Хочешь мне помочь?.. Или так, без мысли, — тихо спросила она, смиренно оставаясь без движения.

Николай Дмитриевич молчал, глядя на нее.

— Коли в раздумьях, подай тогда на тот храм, — сказала она и указала глазами на металлический ящичек пожертвований, привинченный к воротам, словно она говорила о некоем ином храме.

Он положил в ящик деньги и, отойдя на несколько шагов, обернулся. Женщина будто ждала, что он задержится.

— А кто Вы? — почему-то спросил он.

— Учительница, — загадочно и тихо ответила она после секундной паузы. И вдруг добавила:

— Темные углы кропят святой водой...

Николай Дмитриевич, машинально кивнув головой, перешел улицу и вновь обернулся. Женщины не было. Больше он ее здесь не видел.

Углы, углы... Темные углы... Всю дорогу до дома и в ближайшее время эта странная встреча не выходила из головы. И вдруг — стоп! У каждого человека есть свой условный угол, то есть место, где он живет. Тюрьма — это временный угол для многих моих непростых

подопечных. И название-то им определили — «уголовник», и угол у них, действительно, темный... Враз вспомнилось многое: бесы, разные несвойственные трудности, справиться с которыми часто не хватало сил. Так, значит, угол...

На необычное для зоны собрание были приведены все отряды. В тюремном клубе сидел особенный люд, представляющий всю тюремно-уголовную иерархию. Этим людям, казалось, уже ничем нельзя было удивить или поразить. Некоторые из сидящих возглавляли в разное время свои «школы повышения преступной квалификации». Готовили свой личный состав. Многие повидавшие, они чутко реагировали на малейшую фальшь, быстро определяли тайный смысл, чего от них хотят. На всякое добро и внимание смотрели с подозрением, настороженно. С ответом не спешили, долго обдумывая каждое слово. Но все же многим была свойственна одна важная особенность: они моментально чувствовали искренность и честность, после чего пусть не сразу, но все же шли на разговор.

Человеческое сердце всегда дорожило добрым словом.

Перед встречей начальник колонии волновался. Несмотря на тщательную подготовку к разговору, он все же боялся сказать что-то не так, быть неубедительным. Начав с общих проблем, постепенно подошел к главному. К строительству тюремной церкви. И вдруг ему стало легко говорить. Видимо, человеку всегда легко говорится о хорошем. Николай Дмитриевич даже удивился тону своего голоса: душевному, негромкому, задумчивому. Слушавший его народ (на лицах вначале явно просматривалась опаска) постепенно углубился в себя, обмяк.

С сидевшими в зале говорил не начальник тюрьмы. С ними говорил человек. По-человечески. Для многих такое было необычным и непривычным.

— ...Так случилось в вашей жизни, что вам здесь по закону выделено место и время для осознания преступления и покаяния. У людей на воле, которые ничего общего с зоной никогда не имели, о вас, заключенных, сложилось только нехорошее, пугающее мнение. Безусловно, в этом прежде всего ваша вина из-за совершенного вами преступления. Давайте на ваше положение посмотрим с другой стороны. Сегодня обстановка в государстве складывается так, что, как мне говорили многие, здесь уже лучше, чем на воле. Вы накормлены, вам дали работу, приют. Среди вас немало тех, у кого есть семьи, которым там гораздо тяжелее, чем вам, а вы нередко пишете домой — привези или пришли мне то-то и еще тридцать-сорок пунктов. С кого вы требуете? С нищей жены, детей, родителей-инвалидов? Вы и так их лишили главного: отца, мужа, сына.

Зал молчал. Сидели не шевелясь. Слушали.

— О том, что я хочу сказать, мы ни разу не говорили. Каждый человек нуждается в своем тихом месте для утешения. В России им всегда был Божий храм. Давайте для начала создадим свой домовый храм и... окропим его святой водой. Чтобы в зоне было светлое место, молитвенное.

Все отряды расходились в необычном молчании. Не было слышно привычных команд. Кто-то пару раз хихикнул, но тут же замолк. Николай Дмитриевич не спал до утра.

На первое приходское собрание из полутора тысяч заключенных пришло двенадцать человек. Вместе с начальником тюрьмы и его заместителем. Это никого не оконфузило, не расстроило. У добра тоже есть начало. К этому торжественному случаю Николай Дмитриевич готовился, как ко дню рождения. Волновался. Он интуитивно чувствовал, что во вверенном ему учреждении случилось нечто, сравнимое с внезапно забившим родником в пустыне.

Начать решили с первой торжественной молитвы, после нее произвести генеральную уборку и ремонт выделенного для этого помещения. Поставили две имевшихся иконы: святителя Николая, которую подарила одна женщина, сумевшая спасти ее из сожженного пятьдесят лет назад деревенского храма, и икону Царя-мученика. Ее написал за несколько лет (!) до прославления монарха один заключенный, армянин. Этот, весь в наколках, молодой человек с двумя судимостями писал ее ночами в каптерке, пока все спали. Над ним смеялись, злословили, а он творил, будто не видя издевательств. Самое поразительное, что им были соблюдены почти все канонические законы. Невиданная самоотверженность этого человека была вознаграждена. Под утро он словно видит сон: в комнату, где писалась икона, вошел царь Николай Второй, в запомнившемся всему миру военном френче и сапогах. Внимательно осмотрел икону, немного постоял в задумчивости и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. А через месяц на армянина пришла амнистия.

В начале молитвы от душевного трепета перепутали почти все. В итоге молились, как умели, читали, как могли. Минут через пятнадцать-двадцать все на удивление выровнялось. Слог главного чтеца, начальника колонии, стал тверже, уверенней. Прихожане уже ровно держали свечи, крестились, будто творили подобное с рождения.

Молитвенной комнатой было избрано бывшее помещение вождя II Интернационала товарища Ленина, в которой до этого тюремные наркоманы варили маковую соломку. Другого, более удобного места просто не нашлось. Во время ремонта необычные ощущения начались почти сразу. Когда снимали главный лозунг «Слава КПСС», раздался странный, непривычный шорох, перешедший в настороживший всех шумок. После того

как прикрепили вечное «Христос Воскресе», наступила непривычная тишина. Она длилась совсем недолго. Все чуть поднапряглись и стали прислушиваться. Вдруг самый старый прихожанин Фрол шепотом произнес: «Мужики... это же колокола!..» Где-то действительно звонили колокола.

Воспрянувший духом народ уже знал, что делать дальше. Терли, мыли, скребли, как при новоселье. Никто не обратил внимание на фразу Николая Дмитриевича: «Благих дел без искушений не бывает».

В момент разбора стеллажа, где прежде размещалась ленинская библиотека, раздался дикий вой. Из присутствующих кто упал от страха на пол, кто осел на колени. Голоса были тройные и страшные. Финалом этому было то, о чем долго говорили в зоне: за окном стояли ощерившиеся собаки. Их глаза были, как светлые матовые кружки. Псы казались неестественных размеров, с сочной шерстью металлического цвета. Теперь на пол попадали почти все. Людей заметно трясло, кто-то обхватил голову руками. Первым «Господи, помилуй!» произнес начальник тюрьмы, следующие слова дружно подхватил весь приход. Стали крестить окно. Собаки с воем разлетались, проявляясь бесами.

Шло время. Шла молитва. Рос дух. Рос приход. От акафиста к акафисту ряды прихожан постепенно увеличивались. Прежде враждебные, они сдружились. Души посвежели, как весенняя природа. Улучшалась обстановка в самой зоне, организовалась полезная и нужная работа, от которой начала поступать финансовая поддержка семьям на волю. Некоторые прихожане задумались о поступлении в высшие учебные заведения. В зоне появилось кабельное телевидение, магнитофоны. Заключение с интересом смотрели доселе невиданное: православное кино.

В первое лето случилось небывалое событие. По тюремной земле шел Крестный ход. Засушливые дни

грозили погубить хороший урожай, выращенный на тюремном поле. Заключение пели молитвы. В руках несли иконы. Минут через сорок пошел ливень, никто не хотел уходить. Вместе со спасенным посевом вера в Бога пустила крепкие корни и в душах людей.

В ответ росло противостояние. Бесы бесились. Православный приход из горстки людей, как крыло мухи, удерживал чашу жизненных весов. Тьма пыталась погасить Свет.

Удары в спину были ощутимы и физически. Молоденькому заключенному, чтобы он не читал Евангелие, наждачной бумагой натерли стекла очков. Двоим прихожанам на обеде украдкой насыпали в суп битое стекло. Их внутренности от пореза спасло то, что они интуитивно успели сказать: «Господи, помилуй». Стекло захрустело еще на зубах. Еще одному на ужине вместо чая налили мочу. Долго слышался нехороший хохот. Самого слабого несколько человек ночью затащили в сушилку, где заставляли креститься и прикладываться к вырезанной из журнала фотографии свиньи. Чуть спустя еще одному прихожанину, чтобы не молился, вытащили язык и закрепили гвоздем. Фантазия негодяев не знала границ. Но всякой мерзости есть предел. И он наступил. Однажды группа подонков, как бы случайно, невинным голосом заманила заключенного в бойлерную, где они попытались заставить парня встать на колени и кричать: «Быки» воскресли!» В этот момент самый агрессивный оступился и машинально ухватился за электропровод. Сильнейший разряд тока парализовал всю правую часть его тела.

Осведомленный об этом Николай Дмитриевич сказал: «Стоять. Терпеть. Мы со своей стороны сделаем все. Бесы отстанут, как только убедятся, что вы здесь держитесь крепко».

В подтверждение этому, помимо помощи юридической, стала приходиться помощь более желанная. Двое

заключенных получили письма от жен с прощением и желанием примирения. Люди долго плакали в уголке, десятки раз перечитывая словно чудотворные строки. Молодому инженеру прислали официальный документ о том, что его хотели бы видеть на прежней должности с хорошим денежным окладом. Руками одного прихожанина были сделаны несколько православных стендов с очень полезными статьями, которые он менял по мере получения новых журналов и газет.

Как-то в храм зашли три развязных молодых человека. «Ну, че вы тут гоните, в натуре?..» Их молча окружили прихожане. Генка-боксер спокойно и внятно сказал: «Мы вас отпустим с миром... если перекреститесь...» Блатная тройка пятилась к выходу спиной, часто крестясь.

Приход всерьез спланировался. Чувствовалось, что администрация контролировала и держала режим.

Душа, раскрываясь и очищаясь, просила для сердца нового творчества. Создали необычную мастерскую. Оказывается, какие умелые руки у кающихся людей! Сколько терпения надо иметь, чтобы сделать такие потрясающие, ювелирно выточенные из дерева шкатулки! Сколько мыслей и любви требуется вложить для изготовления окладов для простеньких бумажных икон, которые после полного оформления могли бы достойно украсить любую церковь.

Но при всем этом были и парадоксы. Стабилизирующаяся обстановка в тюрьме всерьез устраивала местное население, большая часть которого жила за счет имеющихся в ней рабочих мест. Когда по округе прошел слух, что зону закрывают, народ неделю пил от горя и отчаяния. После выяснения, что это ложь, три недели пили от радости. Непонятная это штука — человеческая жизнь...

Каждый день приносил то раздумья, то улыбки. Случалось, что улыбки и думы сочетались философ-

ски. К осужденному внуку приехали дед с бабушкой. После свидания старичок прилег отдохнуть, а бабулька пошла в церковь утешиться. Николай Дмитриевич послал подчиненного, чтобы тот посмотрел, как старики устроились. Стук в дверь раздался в момент глубокого дедовского сна. С трудом сообразив, откуда источник помех, он открыл дверь. После недолгого осведомительного разговора порученец спросил: «А бабушка-то где?» Дед растерялся, не зная, как правильно сказать. Выдал, как думал: «Дык, она до Бога пошла...»

Николай Дмитриевич смеялся от души.

Ты прав, старик. Мы все так или иначе ходим до Бога.

Помимо всего, зона по странному стечению обстоятельств вполне могла претендовать на звание интернациональной.

Истек срок заключения у сидевшего в ней еврея — гражданина Израиля. По существующим правилам его требовалось доставить в ближайшее посольство и передать с рук на руки. Так и сделали. Не вникающая в талмудические тонкости тюремная администрация свезла данное гражданское лицо в столицу. Попали в субботу, «день покоя».

Стучали и звонили в посольские ворота довольно долго, пока зевавший в будочке милиционер вяло не сказал: «У них выходной».

— А что молчал? — сердито спросил уже заведенный коллега. — И что теперь? Куда его?

— Туда, откуда взял, — посоветовал не знавший причины прибытия лейтенант.

Отсидевшего семь лет Мойшу это никак не устраивало. По его инициативе стали ходить вдоль ворот туда-сюда. На пятнадцатой минуте в окне посольства приоткрылась шторка, на сороковой — еврея, нехотя признав, впахнули в свою страну. Пребывание гражданина Из-

раиля на русской земле, пусть и в таком качестве, не прошло бесследно. Через два месяца от Мойши в зону пришел благотворительный КамАЗ со стройматериалами для возведения храма.

Молитвенная жизнь в зоне укреплялась. Стали видны первые добрые плоды. В унисон завершающемуся оформлению домово́й церкви улучшалась хозяйственная деятельность. После чтения акафиста Николай Дмитриевич сказал: «Что-то мы, братья, с вами, как сироты. Давайте помолимся, чтобы Господь прислал нам священника». Вскоре прибыл отец Игнатий, бывший в прошлом врачом этого же учреждения. Заключенные его знали, как задумчивого, душевного человека. При батюшке Игнатию, как при отце, все стало обустроиваться еще заметнее.

В воскресенье в зоне было торжество. Освящали сданную «под ключ» домовую церковь. Мужики, почти забывшие о радости, покуривая в стороне, радовались, как дети, неуклюже скрывая свои чувства. Окурки тщательно тушили и относили в стоявшую вдалеке мусорку. Сердечная радость любого человека неуловимо делает более воспитанным.

В новый храм заходили, тщательно обтирая обувь, сняв шапку, самозабвенно крестясь. В ответ на молитву Господь послал чудо: стоявшая у иконы святителя Николая свеча самовозгорелась...

По окончании службы долго не расходились. Староста Сергей подвел итог работы по-офицерски: «Теперь этот храм в зоне — «Пост № 1». Все дружно кивнули. Главный строитель Виталий обнаружил еще одно чудо.

— Отче, а ведь мы храм построили без единого гвоздя...

Действительно, об этом неожиданном моменте как-то не подумали.

Последнее слово было за священником:

— Построить церковь без единого гвоздя — дело на Руси, прямо скажем, нехитрое. Тем более, что гвоздей все равно не было. Чудо в другом. Мы храм построили без единого мата!..

Через месяц у прихода случились еще две радости. Венчались две пары. И заложили первый камень в строительство большого храма святителя Николая, о котором Николай Дмитриевич подумывал уже давно.

На плодородной земле буйно растет все. Только успевай пропалывать. Еще очень важно, что нанесет ветер. Сейчас суховей нанес иеговистов, баптистов и журналистов. С первыми было проще. Их просто заморозили. Начальник колонии поместил делегацию в комнате для гостей, где в декабре было несколько неуютно — ноль градусов по Цельсию. Извинился перед «верующими» за бытовые неудобства и попросил их подождать два часа, сославшись на служебную занятость. Через полтора часа молчаливая группа посиневших миссионеров беззвучно шла к автобусу на прямых ногах-сосульках, безразлично теряя пачки «духовной» литературы.

Со вторыми было посложнее. Прибывшие представители второй древней профессии представлялись, как независимые эксперты. Очень скоро в одной из газет вышла ядреная слезоточивая статья о «деспоте-начальнике колонии», которого обвиняли во всем: «от развала режима до взяток наверх». «Храм на зековской крови» — верещал один из журналистов. Ему в помощь шипела часть зоны. Но уже и дым был пожиже, и труба пониже.

Когда к штыку приравнивают перо с грязными намерениями, получают «грабли».

Отец Игнатий укрепил Николая Дмитриевича.

— Чем бьют нечисть? Постом и молитвой.

Начальник зоны ведущим «тюрьмоведам» решил показать в колонии все. Особенно те места, где за-

ключенные якобы «недоедают, лишаются последнего». Приглашение разослал всем. Не пришел и не приехал ни один.

Вечером Николай Дмитриевич выехал в Москву для очередного отчета. Встретивший его генерал был приветлив. Говорили долго. Обо всем. Начальник долго смотрел на необычный отчет своего прямого подчиненного. На ватманском листе, помимо служебных фраз, было главное: состояние дел в колонии до... церковного прихода и после него. Неожиданной оценкой деятельности полковника была неминистерская фраза: «Ну и слава Богу!»

Домой начальник тюрьмы вез благодарность: ему, подчиненным и приходу.

В зоне с ростом церковных стен рос дух. Внутри нарядного Храма запестрели поднятые под купола леса. Прихожан уже насчитывалось значительно больше. В минуты усталости от ежедневной суеты людей поддерживал священномученик Трифон, послав частицу своих мощей.

Николай Дмитриевич был хозяином непростого дома. Пусть временного для его обитателей. В любом доме главе нужны помощники. Особенно помощницы. Их трудную работу стали умело исполнять матери и жены осужденных. Отцы, к сожалению, приезжали очень редко. По сравнению с тем, что порой приходилось переживать женщинам при свидании с близкими, вход в горящую избу и остановка коня на скаку были примитивным развлечением. Их едва не на смерть били мужья, а потом ревели им в подол. Душили сыновья, которых несколько человек с трудом оттаскивали за ноги. Искаженные до неузнаваемости лица заключенных хрипели: «Ты мне не мать... Бросила меня, с-стерва... гадина... ты... ты...» А немного спустя паренек уже сидел под материнской ладошкой и крупные слезы безостановочно текли по щекам обоих.

Правильно организованные встречи с родными все же переломили ситуацию. Одна из таких встреч завершилась необычной просьбой: «А второго сына не можете к себе посадить... хоть на полгода?!»

Убедительным свидетельством умелой работы администрации были круглые глаза другой матери — тренера по конному спорту. Увидев свое розовощекое чадо, она приглушенным голосом сказала: «Вы спасли мне сына». Ее сын был наркоманом с тринадцати лет.

После встречи родители долго не спешили уходить из храма, созданного руками их близких. На них смотрели святые, скорбящие об их детях.

Самыми притягательными были иконы Владимирской Божией Матери, которую привезла мама одного заключенного, и Иверской Божией Матери. У первой были излечения от курения и семейных распрей, вторая замироточила в руках осужденного, когда он начал вставлять Ее в новый оклад. В этот момент разлился такой аромат, что прихожане, зашмыгав носами, стали допытываться друг у друга, у кого французские духи.

Провожавший матерей Фрол негромко сказал: «В зоне без вас не обойтись. Вы тут нужнее, чем на воле».

Мудрый ты старик, Фрол. Без матери вообще нигде не обойтись.

Сиротская доля особенно ощутилась в детском доме, который зона взяла под свою опеку. Это произошло после того, как директор приюта обратился за помощью... в тюрьму. Он просил только одного — хлеба. В детском доме от нищеты наступила угроза голода. Заключенные откликнулись на эту беду с полуслова. Подавляющее большинство из них отказались от очередной зарплаты в пользу детей. В детдом отправили и свой нехитрый продпаек — муку, крупы. Умилительной утехой для ребятишек оказались симпатичные игрушки, сделанные руками заключенных.

У находящихся в детдоме детей не было отца, матери, а чаще — обоих сразу. После первого ознакомительного визита гости восстанавливались неделю, как после тяжелого боя. Этих детей нечасто усыновляли, к ним не торопились приезжать по зову души. Все больше с рекламной выгодой. Подарков привезут на копейку, растрелят на червонец. В памяти персонала, порой по многу месяцев работавшего без мизерной зарплаты, за просто так, был случай, когда трехлетнего Ваньку-бузотера забрала шестидесятилетняя тетка Голод. Мария Викторовна Голод. Приехав за племянником с Севера.

На сей раз первым встретил гостей шестилетний Семка. Он долго дожидался приезда делегации, стоя у дверей, и от дождя весь промок. Вычислив среди приехавших начальника зоны, он, подойдя к нему, оробел и, опустив головушку, тихо попросил: «Дядя начальник, отпусти ко мне моего папу...»

Потом подошла и прижалась четырехлетняя Катя. Ее папа погиб в Чечне, а мама умерла от горя. Для Кати они всегда были живы. Она каждый день ставила единственную папкину фотографию и показывала ему то платице, то колготки, подаренные добрыми людьми. Или просто разговаривала с отцом тоненьким голоском. А вчера жаловалась ему: «Скоро Новый год... Приходи... Я опять буду одна...»

Ее пятилетний друг Сашка вырезал из подаренного ему православного журнала два изображения и всем говорил: «Это мне папа с мамой прислали. Скоро они за мной приедут». С картин смотрели Господь и Божия Матерь.

Ты прав, кроха. Пусть будет по-твоему. Они действительно тебе Папа и Мама.

Однажды Николаю Дмитриевичу из детского дома пришло письмо от восьмилетнего Алешки, который с удовольствием съел подаренные конфеты и внимательно

но прочитал книжку о жизни русских святых. После недолгих размышлений он отправил благодарственное письмо с Пасхальным поздравлением в январе. Выглядело оно именно так: «Христос Воскрес.». Поставленная точка, по его мнению, давала окончательную гарантию данного факта. Далее на полстраницы, почти без ошибок, шел текст. Размышления юного богослова завершались скромной подписью: «Стариц Алексей».

Жизнь продолжалась. В желании постоять у святых, помолчать и попросить сокровенного стали нуждаться и те сотрудники, которые еще совсем недавно скептически посматривали на Крест. В зоне был создан попечительский совет под названием: «Центр по реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы». Этот умный план стал реализовываться. Особенность тюремной системы не всем позволяла побывать в храме на территории самой зоны. Николай Дмитриевич начал строить еще одну церковь за ее ограждением, рядом со штабом — для всех нуждающихся. Военная смекалка подсказала, где это можно сделать. Небольшой уютный Свято-Троицкий храм был довольно быстро перестроен из бывшей трансформаторной будки, которую рачительный начальник в свое время уберег от сноса. Сейчас уже все дела решались гораздо быстрее, по звонку. Самым оперативным звонком по-прежнему была молитва. С ее помощью отовсюду приходили частицы мощей многих святых, от которых совершались чудеса.

На фоне происходящих событий зона внезапно приобрела мировую известность. Ее гостеприимные ворота широко открылись для американского студента Джона Тобина. Его, как выпускника разведшколы ЦРУ, отправили на практику в Россию, в Воронежский вуз. Тобина готовили, как будущего шпиона по русскому региону, но теория теорией, а вот практика... У разведчиков всех стран экзамен в России считается самым

сложным. Другие государства менее престижны. В разведке любой страны существует такая многовековая практика: обнаруженного шпиона определенное время «хранят». Таких неудачников, как правило, довольно много. Им позволяется делать кое-что, но не вредное для страны. Когда там, у тех, кто-то попадает из своих, то производится довольно быстрый «дипломатический» бартер «ты мне, я — тебе». Что и произошло.

...В зоне на проводах Джона было разрешено присутствовать почти всем. Шутка ли, американца выпускают. За студентом из-за океана приехали конгрессмен и отец. Отснять редкое событие слетелись почти все ТВ. Выполнив необходимые формальности, делегация отправилась к КПП. Вдруг Тобин всех попросил остановиться, развернулся и... пройдя по плацу четким строевым шагом, подошел к начальнику тюрьмы и... отдал ему воинскую честь!

Этот факт не показал ни один канал.

Через несколько месяцев от бывшего осужденного Джона Тобина Николаю Дмитриевичу пришло письмо. Американец очень хорошо отозвался о России, сотрудниках тюрьмы и заключенных. «В них очень много сердца», — сказал Джон. В конце добавил: «Самое лучшее время в моей жизни — это несколько месяцев в русской тюрьме». И главное: Тобин приехал в Россию условным католиком, а уехал в душе православным христианином, не пропустившим ни одной службы в тюремном храме. Сейчас он пишет книгу.

Письмо Джона Тобина начальнику тюрьмы:

«zdractbuite nikolai dmitriveich!

vot ya nakonets vam pishu. izvinite shto tak dolgo, u menya buili problemi s svoim pochtovim yashikom. ladno, u menya vse xorocho. priexal domoi, roditeli i druzya buili ochen rad menya uvidet. mnogie shprashivali, budu li ya perepicivatca s nachalnikom koloni tak kak picali b gazete shto budu, i ya otvetil «da, obyazatelno».

tak shto eto proverka svyasi. nadeus stho u vac vse normalno. peredaite, pozhaluicta, alexandru privet, i kogda vi smozhete, pishite suda, shtobi ya znal shto vi poluchili picmo i vse ponyali.

Do svidanya,
john tobin».

Из журнала «Преступление и наказание» за ноябрь 2001 года:

«...В ...учреждении, которым руководит Николай Дмитриевич, ... сложился очень дружный коллектив. Сам начальник — человек глубоко верующий, поэтому много внимания уделяет вопросам религиозного воспитания. В колонии построена церковь. Сильна там и психологическая служба. И что характерно: в данном учреждении по сравнению с другими гораздо меньше нарушителей режима, больше освобождаемых условно-досрочно».

Ты прав, полковник. Ты, действительно, сначала христианин, а потом — начальник тюрьмы.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТЯГАЧ

Следующим на исповедь предстал певчий с обожженным лицом и руками, где на правой были срублены два пальца, а на левой четыре. Старший лейтенант воздушно-десантных войск Российской Армии, Вячеслав Тягач. Его коленопреклонение пред отцом Нектарием совпало со словами хора:

...И со Духом Твоим...

Имя и фамилия парня в точности соответствовали его комплекции и боевым делам. Даже с оторванными пальцами Славка славно гнул железную скобу под «Ну-у, ништяк!..» всего отряда. Удовлетворив желание обступивших, он легко придавал согнутому в дугу металлу первоначальный вид.

Славкина судьба была непростая. Да и есть ли вообще офицер с простой судьбой? Как у многих, она была штатная, нелегкая, военная.

Лицо человека говорит о многом. К Славке данная фраза имела весьма непростое отношение. У старшего лейтенанта Тягача лица не было вообще. Оно сгорело на чеченской войне. Чудом остались одни глаза, и это действительно выглядело, как чудо. Первая реакция у всех увидевших его была одинаковая: люди машинально сразу опускали глаза и смотрели себе под ноги. Их нельзя было обвинить в насмешке или брезгливости — просто это была естественная человеческая реакция. И в храм Славка попал по той же причине. Видно, вправду и у худа бывает добро.

...По зоне вприпрыжку бежал Серега Ольхов, сизая через лужи и клумбы. Проскочив в два прыжка

лестничный подъем, он влетел в домовый храм и сразу кинулся к отцу Игнатию, махом прервав его беседу с одним из заключенных.

— Отец... отец... Иг-на-тий, — едва переведя дух, стал торопливо говорить Ольхов.

— Там... это... с Тягачом плохо... Пошли скорей..., — Сергей от волнения перешел на ты.

Ольхова за отцом Игнатием послал заместитель начальника колонии. Священника вызывали больше как врача, так как Надежда Васильевна с утра уехала по делам в область.

Через несколько минут перед глазами у прибежавших предстала тяжелая картина. У входа в помещение отряда сгрудилась большая толпа заключенных. Было заметно, что они сильно возбуждены. Многие курили в кулак, нарушая административные требования о месте курения. Почти все вполголоса переговаривались, никто не осмеливался войти в казарму. У дверей стоял кто-то из администрации и контролеров.

Увидев отца Игнатия, народ расступился. Открыв двери, священник невольно перекрестился. В помещении было перебито почти все: окна, стулья, плафоны. Повсюду беспорядочно валялись подушки, одеяла, перевернутые тумбочки.

— По-о-п... поп... отпевай!.. — орал стоявший посредине казармы страшный Тягач.

— Ну, что глядишь?.. О т п е в а й!..

Далее шел бессвязный набор слов. Славка табуреткой вдребезги разнес последнее целое окно, после чего почти в опилки растер о стену стул. Отец Игнатий стоял не шевелясь, не решаясь сделать даже шаг.

— Тебе что говорят, поп?!

Внезапно Славка стал медленно оседать.

... Среди вверх дном перевернутой перебитой мебели возле сидевшего священника «...безрукий плакал инвалид...». От грозного Тягача почти ничего не оста-

лось. Славка культияпистыми ладонями развозил слезы по рубцовым щекам, дойдя в глубоком рыдании до опасной икоты. Его стало сильно лихорадить. Тягачу становилось все хуже и хуже. Он внезапно начал тянуть к полу рясу отца Игнатия, из горла пошла слюна.

— Слава... Слава... успокойся, — пытался вразумить его священник.

Тягач, похоже, был уже неуправляемым. И вдруг:
— Моо-олчать!! Сми-ирно!!

На священника уставился оцепеневший, приходящий в себя человек.

— Встать!!!

Старший лейтенант вскочил, вылупив глаза. В настежь открытые двери смотрели десятки пар глаз заключенных размером с жигулевские фары.

Но Славке было видно, что он начинал осознавать, где находится. Долго осматривал помещение, перевернутые вещи. Выздоровливающим голосом, глядя на отца Игнатия, он с трудом произнес:

— Ты... че... за мной пришел?..

Вновь оглядевшись вокруг, уже осмысленно спросил:

— Это что — я перебил?

Видимо, в этот момент в Тягаче лопнула нервная нить. Он вновь осел у ног священника и громко разрыдался ему в плечо.

Старший лейтенант Тягач за произошедшее наказан не был. Более того, администрация, знающая причину нервного потрясения заключенного, внутренне сочувствовала ему.

Странная «шалость» исходила из Кремля. В зону пришла информация о том, что участники войны, имеющие боевые награды и не имеющие судимости за тяжкие преступления, будут амнистированы в самое ближайшее время. Имеющий к этому отношение народ зашевелился, воспрянул духом, стал готовиться к свобо-

де. И вдруг через месяц пришел отказ. Без всяких объяснений. Тогда сорвался не только Тягач. Нервное потрясение от «кремлевской шутки», сопровождающееся нередкими инфарктами и самоубийствами, волной прокатилось по многим тюрьмам России.

...В восемнадцать лет исполнилась заветная Славкина мечта. Его призвали служить в ВДВ. Военрук Иван Антоныч по этому поводу с удовольствием напился и до самого убытия в армию трепетно говорил своему воспитаннику: «Разрешите обратиться». Счастливый Тягач разрешал это сделать всем. От одной мысли, что будет десантником, парень стал по-мужски красив. Помимо крепкого и статного телосложения при высоком росте — все-таки чемпион области по многоборью; он был ко всему очень скромным и послушным пареньком. Отца семья лишилась еще в детстве: утонул в ледоход по весне. Многие матери, у которых девчонки подходили к возрасту невест, всерьез присматривались к нему.

Десантно-штурмовая бригада, дислоцирующаяся на Кавказе, приняла молодое пополнение хорошо. Уже через несколько дней молодежь сплотилась, обзавелась друзьями. Новый призыв по своему составу и моральным качествам был довольно пестрый. Взялись с прилежанием за обучение тому, что необходимо на войне. Через два месяца произошел один казус: забузовал паренек из Цхинвали. Веским основанием на неподчинение у него стала парашютная вышка. После первого же приказа: «Пошел!» — парень оробел и... не пошел. С ним пытались по-всякому поговорить. Никак. Почти тупиковый воспитательный вопрос за несколько минут решил его дед, ветеран Великой Отечественной войны, старейшина рода. Узнав о самовольстве внука, он прибыл в полк немедленно. Во время короткого разговора в кабинете у командира полка всплывший старик в гневе схватил внука за мужское достоинство и едва не отсек его кинжалом.

— Не хочэш быт мужчином!?...Тогда зачем тэбэ этот вещь?!...

Уже на следующий день парень дважды с удовольствием шагнул с парашютной вышки под одобрительное дедовское «Ва-а-а!»

Первый парашютный прыжок волнует, как первая любовь.

...13 ч. 15 мин. Идут последние минуты осмотра перед загрузкой на борт. Десантирование предстоит выполнять с вертолета Ми-8, приданного для этого из ближайшего вертолетного полка. Инструктор медленно идет вдоль своей десятки парашютистов, где-то что-то незначительно поправит, обронит подбадривающее слово. Парень в ответ улыбнется. Капитан Стрижов, готовивший Славку к десантированию, знал цену этому слову. В его курсантскую юность он так же стоял перед первым прыжком. Тогда выпускающий возьми и пошутит: «Ну, что вам рассказать про парашют? История знает немало случаев, когда он раскрывался...» Двух из десяти подготовленных к десантированию пришлось списать из-за нарушения психики.

Команда: «На борт!» Запуск двигателей, разбег, отрыв. Все ушли в себя. Некоторые изредка посматривали в иллюминатор. Разговоры и прочие мелочи прекратились. Это был тот редкий жизненный момент, когда человек невольно выполняет только самые необходимые действия. Чем выше поднимался борт, тем сосредоточеннее становились люди.

Все! Сирена!

Она звучит всегда неожиданно, даже если ты ее специально ждешь. Чем ты жил до сих пор — теперь пустое и ненужное. Жизнь спокойно смотрела на людей. Ей было важно знать, как ее ценят.

Откатили левый люк. Мощной струей в салон ворвался холодный воздух. На высоте 800 метров в июле была стылая осень. Все повернулись лицом к выходу.

Карабины парашютов защелкнули на трос. Контрольный взгляд выпускающего инструктора на землю. Неслышимый щелчок пальцев.

— По-оше-е-е-л!!!...

Славка отделился третьим. 800—700—600... Чудовищный разгон тела. Исчезнувший шум винтов разом перешел в незнакомый свист. Ноги мотались сами по себе. Руки, прижатые к запасному парашюту, забыли о своих обязанностях. Низ живота уехал в рот. Сам рот раздуло мини-парусом. Случайно подвернувшееся облачко было проскочено мгновенно. 500—400... Вытяжной колпачок, умело подстраховав новичка, сам вытянул основной купол. Рывок! Горизонт, моментально выровнявшись, занял свое естественное положение.

Славка пел! Пело все небо! Горланили обалдевшие от счастья сослуживцы! Было желание остаться здесь навсегда. 300 метров... Славка стремительно наплывал на чей-то купол. Неудачное ерзанье и попытка уйти в сторону, вытягивая левую стропу, оказались тщетными. Поздно. Тягач стремительно, легко и глубоко вошел в чужой парашют. Его же купол стал быстро складываться, опадать. Попытался судорожно и беспорядочно выбраться. Почувствовал, что скорость падения внезапно начала увеличиваться. Началось бесконтрольное скручивание. 200 метров... Славку спас мощный восходящий поток воздуха, буквально за долю секунды наполнив его парашют и вырвав из чужого купола. Все произошедшее длилось около пяти-шести секунд. Он не успел даже испугаться. 50 метров... Его ощутимо болтало. Попытка управлять снижением ничего не дала. Славку несло точно на теплицу, которая находилась недалеко от аэродрома. 10 метров... 5... 1... 0... Треск полиэтилена — и на глазах у очумевших работниц овощехозяйства под потолком, как кишка, завис вооруженный представитель десантно-штурмовой бригады. Славку

вынимали минут десять всей полеводческой бригадой. Потерей для него были разодранные во всю задницу штаны.

Хуже всего пришлось его сослуживцу, в чей купол он влетел. Это был казах из Алма-Аты. От нервного потрясения он перестал разговаривать. Вообще. Он не приземлился, а бухнулся, и наполнившийся от ветра купол тащил безвольное тело метров пятьдесят по полю. Через три недели в госпитале речь у парня постепенно восстановилась, но... только русская. Казахский язык он забыл начисто. Вскоре его списали. Для Славки тоже все обошлось не совсем гладко, еще несколько дней в глазах прыгали яркие блески.

В полк пришла секретная директива о его вводе в Афганистан для прикрытия вывода 40-й армии. Личный состав части уже побывал на этой войне. Некоторые трижды. В полку была своя Аллея славы живых и погибших. Положение облегчало то, что местность, куда предстояло прибыть, была знакомая — пристреленная, исползанная брюхом, обильно политая кровью.

В полку резко увеличились стрельбы и вождения: ночные, в сумерках, в горах. Доукомплектовали саперную роту, где заместителем командира взвода был младший сержант Тягач. Личный состав на эту серьезную должность набирали, отдавая предпочтение людям с музыкальным слухом: они наиболее тонко чувствовали писк миноискателя. Тягач написал матери отвлекающее письмо, пытаясь успокоить ее бдительность, а попросту — обмануть. Но она догадалась. Славку подвела излишняя словесная веселость. И еще. Есть нечто такое, чем обладает только мать. Славкин дом затих, посуровел в ожидании.

Личный состав полка прибыл на «полевую почту» в конце лета. Бои начались практически сразу, как после перерыва на обед. Война шла своим чередом, не особенно прислушиваясь к политике Кремля и Кабула. Разведвылеты равномерно чередовались с разведвыходами.

...Группа Тягача тщательно готовилась к очередному перехвату бандгруппы, сведения о которой были получены от своего человека из той же банды. Славка и его ребята уже неплохо ориентировались в квадратах «по улитке», пообтерлись, получили ранения, выявили среди своих чужих. В общем, на войне все шло как на войне. Командиром отряда был назначен «минисуворчик» белорус Генка Могила. В связи с тем, что перед выводом замена шла очень медленно, государство за одного битого Генку не прислало ни одного не битого. И битый Могила три недели воевал за двадцать шесть небитых.

...До очередного вылета оставался час. Шел последний инструктаж: точно ли в каждом магазине через десять пуль трассер для контроля за расходом боезапасов, кто кого прикрывает, выносит (если что), а если надо, самоподрывается. О случаях сдачи в плен здесь не слышали с 0 часов 0 минут войны. Могила и Тягач раздали бинты, заранее смоченные кровью, как отвлекающий момент на случай налета насекомых, вроде комаров, во время засады. На «лежке», чтобы не рассекретиться, даже дышать позволялось через раз. При попадании шальной пули умирали молча, вякнув про себя. Ночной вскрик в горах слышен очень далеко. Выдали мелкие сухари, чтобы хрустом не давали друг другу спать.

Все построились. Командир роты медленно обошел группу. Глаза ребят были спокойные.

— Мое последнее пожелание, — тихо сказал он. — Не скулить. И в герои не лезть.

5, 4, 3, 2, 1 — запуск! Загруженные вертушки унеслись за горизонт. Полетное время до квадрата высадки около часа. Пилоты были опытные, а командир перед Афганом воевал за социализм на нулевом Гринвиче — на африканском экваторе. Во время полета большая обязанность возлагалась на четвертого члена экипажа — Байконура, любимую овчарку всего гарнизона. Свое имя пес получил, родившись двенадцатого апреля, в День

космонавтики. Маманя Венера, облегчившись пятью новорожденными, первого, самого пухлого, принесла в кабину вертолета, уложила на командирское кресло и улеглась у входа принимать поздравления.

Байконур очень быстро освоил пилотскую работу. Его любимое место было у носового пулемета, где он торчал все полетное время, уперевшись передними лапами в панель. Пес страшно любил воевать и принимать в этом непосредственное участие. Он сердился, когда выпущенные ракеты летели мимо цели, лая командиру прямо в нос. Был случай, когда Байконур гавканьем точно указал незамеченного противника.

Высадка произошла в запланированное время. Борта ушли. Группа «заполянилась» минут за сорок, выбрав для этого полуразрушенный дувал. Саперы быстро «пометили углы», то есть заминировали все в радиусе тридцати метров. Распределили зоны наблюдения, стрельбы. К вечеру зевнувший Могила подвел итог:
— Давно сидим.

Духи напоролись на спецназ к концу третьих суток. Из-за шестидесятиградусной жары Славка, весь белый, в соляных разводах, был сказочно страшен. Из-за сильного перегрева у одного десантника начались галлюцинации: он принял муху за птицу, начал размахивать руками и беспричинно ухмыляться. От сумасшествия его спасли крепким ударом в грудь и промеделом.

Духов оказалось втрое больше, чем донес наводчик. Бой с короткими интервалами продолжался до полуночи. Ранение получили семь человек. Одному пуля попала в рот и вышла через шею. Парень судорожно хрипел. Авиацию вызывали трижды. Эмоции во время боя достигли такого уровня, что боль при ранении почти не чувствовалась. Дважды оглушенный от разрывов Славка беззвучно разевал рот, объясняясь на пальцах, как глухонемой.

В 2.40 авиация вышла на цель. Предварительно сброшенные мощные световые бомбы по непонятной причине вспыхнули ниже установленной высоты. От страшного жара, как от атомного взрыва, заживо сгорело около ста духов. Немногие «уцелевшие» корчились в предсмертных судорогах. Видимо, после этого случая многие «военноведы» стали бубнить о неких вакуумных бомбах, применяемых Москвой. В самом спецназе на короткое время ослепли все. После еще долго слезились глаза, мучили высохшие губы, гортань и язык. Десантники около часа тыкались по дувалу, как пьяные.

Группу спецназа забирали утром. В момент загрузки Славка был прикрывающим. Увидев красную ракету, как сигнал «На борт», он, вставая, наткнулся на лежавшего за дувалом тяжело раненного молодого душмана. Тягач впился в его глаза. Тот лежал без всякой попытки укрыться. Он ждал своей смерти. С вертолета орали: «Немедленно на борт!» Топлива оставалось совсем ничего. Славка медленно навел на паренька автомат и... не выстрелил. Уже на борту, сидя на полу, он почему-то машинально отсоединил магазин — он был пустой...

При заходе на посадку над полосой у ведущего кончилось топливо: Приземлились грубо, юзом. Спасло мастерство пилотов. Доставленных стаскивали осторожно, почти при гробовой тишине. Внезапно все подняли головы. Недалеко с кем-то ругалась медсестра:

— Я сама... сама дойду... Байконур, отстань...

К раненым десантникам пес тащил медсестру, вцепившись зубами в ее халат и рыча на нее сквозь зубы за медлительность.

На следующий день в гарнизон приехала с «огромным небом одним на двоих» Эдита Пьеха. Оказавшись в районе боевых действий, она стала очевидцем

того, как упал и сгорел вертолет Ми-6 с экипажем и несколькими пассажирами. Видя настоящую смерть своими глазами, по-бабьи ревела известная всему миру женщина.

С военно-полевого концерта Тягач ушел в растопленных чувствах.

Февраль 89-го вошел в каждый дом, как вывод Советских войск из ДРА. Люди, прежде равнодушные к теленовостям, не пропускали ни одного слова, подтверждающего, что война закончилась. Каждый хотел верить, что это навсегда.

...Славка Тягач вернулся домой, как герой. С ним конфузились от излишнего внимания, не зная, куда деть руки, на встрече в Доме культуры еще пять земляков, вернувшихся вместе с ним с этой войны. Их возмужавшие, загоревшие лица, неспешность поведения, непривычная молчаливость и скромность напрочь покорили сердца местных дам.

Славка встретился со своей одноклассницей на прежнем месте. Варвара дождалась его, как обещала. Местом свидания всех влюбленных в поселке была Клавдия стрелка.

...В 41-м молодая Клавдия проводила на фронт своего Степана. Она была видная невеста. Сколько по ней колотилось сердце и кулаков, а взял ее сердце внешне неприметный Степан. Да и чем! Он очень смешно краснел и смущался, когда признавался ей в любви. Степан, как мог, регулярно писал своей невесте почти до Дня Победы. Потом пришло извещение о его гибели. Клавдия внезапно стала тиха и молчалива. А какое-то время спустя ее постоянно видели у железнодорожной стрелки, где она напряженно всматривалась в каждый проходящий поезд. «Надо же, — всплакнув вздыхали бабы. — Ведь ждет...» Клавдия встречала и провожала поезда три года. Круглосуточно, не пропуская ни один. А лютой зимой ее нашел путевой

обходчик. Клавдия замерзла на месте свидания, у стрелки, где Степан первый раз сказал ей: «Люблю».

С сентября Славка стал курсантом военного училища ВДВ. У материнского сердца появилась прежняя забота: вздохнуть и ждать. Курсантские будни проглотили будущего офицера. Боевая учеба, парашютные прыжки, хвосты по математике, письма Варьке. Все шло своим курсантским чередом. Перед выпускными экзаменами сержант Тягач прибыл на войсковую стажировку на должность командира батальона-полка.

Не склонная к излишествам курсантская молодость быстро позволила дисциплинированному Тягачу вратиться в обстановку. Удачно прошли контрольные стрельбы. На «ура» состоялись сложные прыжки с Ил-76, с высоты 300 метров при скорости 450 км в час.

Будущий офицер при Ордене Красной Звезды и медали «За отвагу» к приему роты был готов.

Помимо типовых гарнизонных развлечений — кино и танцы, главной достопримечательностью и объектом всеобщего внимания была пятилетняя крокодилица Матильда. Ее привезли из Индии находившиеся там в командировке пилоты. Экваториальная дама, около суток полежав в глубоких раздумьях в специально вырытом для нее бассейне у входа в казарму, не спеша всплыла и, неприлично зевнув, отправилась в... курсантскую столовую на пробу пищи. Несмотря на джунглевую прописку, она оказалась пугающе чистоплотной и пунктуальной. На кухню прибывала в точно установленное по распорядку время, где в ее уголке уже лежали приготовленные блюда. Ко всему Матильда удачно показала себя в должности старшины роты, решив извечную проблему Вооруженных Сил по борьбе с разгильдяями.

После вечерней команды «Отбой» дежурный по роте услышал странный шорох. Включили свет. Сонная тишина взорвалась дружным получасовым хохотом. Незаметно проникнувший в помещение новоиспе-

ченный «старшина» пер в набитой пасти к выходу собранные по всей казарме грязные портянки, носки и неправильно заправленное на ночь обмундирование.

В конце лета Матильду унес ветер. По району прошелся небывалый доселе смерч. Она оказалась в его эпицентре на пути в столовую. Матильду нашли в огромной куче ила под сломанным деревом. Она долго умирала. Какие же печальные были у нее глаза! Собранный гарнизон не знал, чем ей помочь. Дети плакали. Она покорно давала себя гладить, осматривать горло. По ее щеке стекала частая крупная слеза. Ночью Матильда умерла.

Рота с неделю ходила сама не своя. Вот тебе и «крокодиловы слезы». У Славки о Матильде осталась хорошая память: фото с ней в полный рост в бассейне.

«Госы» в училище прошли успешно. На выпускном балу Варвара и Славка были веселы и счастливы. Матери сблизилась, как родные. После отпуска молодой лейтенант убыл в часть. А через год — в Чечню. Невеста заканчивала пединститут. Сразу после выпуска наметили сыграть свадьбу.

То, чему учили лейтенанта Тягача, наступило. Принципиально нового на этой войне Славка не увидел. Из Чечни, как из Афгана, кто вышел, кто сбежал, кого вынесли на «крыле». Он убедился, что кремлевские победы тоже бывают срамными. Что на войне самые плодотворные плантации — из «черных тюльпанов».

...Ночная зачистка подвалов производилась по наводке агентуры от боевиков. Затхлость первого подвала, кучи пустых консервных банок, окурков, грязных одеял говорили о том, что это место было перевалочной базой бандитов. Из дальнего помещения слышался сиплый бабий стон. Была русская девка, полгода содержащаяся бандгруппой для утех. Она с отвращением глядела на свой живот, ненавидя зачатый плод не своей крови...

При подъезде ко второй точке у дороги Славка увидел могилу. На прибитой к кресту дощечке была надпись: «Здесь похоронен русскоязычный мужчина с протезом левой ноги».

Через час группа Тягача подорвалась на растяжке. Горел БТР, орали люди, сладко пахло жареным человеческим мясом. Славка с обгоревшим до жил лицом, руками с оторванными пальцами хирургическим путем извлекал пулемет из рук мертвого стрелка. И тоже орал.

Потом была тишина. Настолько звенящая, что даже злило, что не стреляют.

... В момент ранения сына у матери заболела голова. Позже в зеркале она увидела — на том месте, куда Славке в голову попал осколок, у нее появилось серебро высшей пробы.

В военно-полевом госпитале, куда доставили Тягача, врачи оказали только самую необходимую помощь. Далее нужна была срочная серьезная операция в стационаре. Начальник отделения сказал: «Мы такие нищие, что даже не на что подвиг совершить». Подполковник поскромничал. Врачи совершили подвиг, прогнав заглядывавшую в окна операционной Славкину смерть.

В известном орденоносном госпитале операция шла несколько часов. На пятом часу наркоз неожиданно закончился. Вылупивший глаза Тягач, находясь в полубытьи, плел чушь:

— ...Э-е-е-й... м-м... ррр... ссс... ккудда... ппп-р-е-шшшь...

Медсестра, успевшая ввести новую дозу наркоза, быстро усыпила болтливого пациента.

В жизни каждого человека есть особенный час, когда проверяется личное мужество, стойкость, милосердие и преданность близких, надежность друзей. Для Славки им был первый миг после снятия с лица операционных бинтов. Несмотря на тщательную психологи-

ческую подготовку перед этим, потрясение парня было страшным. У Тягача не было лица. Вообще... Только глубоко запавшие глаза. Без всяких волос на голове.

Второй удар был нанесен чуть позже. Мать невесты, узнав о такой новости, грубо и властно отсекла от жениха свою дочь.

Славка долго привыкал к своему новому лицу. Сначала трогал его осторожно, украдкой, поглядывая на реакцию соседей по палате. Потом осмелился посмотреть в воду. Долго плакал в перевязочной, колотя перебинтованными ладонями по всему, что попадало под руку. Сбежавшиеся врачи с трудом привели его в чувство. Таких, как он, в отделении не было. Но подобных было немало. Это как-то сгладило первые душевные муки. Недели через две Тягач первый раз посмотрел в зеркало. Долго стоял, убеждаясь, что это — он.

Приезд матери намного ускорил восстановление сына.

Госпиталь, госпиталь... Это особенное государство, где престранно уживаются муки, боль, вера, надежда и любовь. Три последних слова были главными в преодолении мрачного состояния. За Славкой ухаживала молоденькая медсестра Наташа. Он поначалу сильно стеснялся, а потом стал ждать ее прихода. Во всех госпиталях все раненые влюбляются в медсестер. В основе этих чувств лежит нечто иное, чем страсть. Скорее, это острая нужда больного солдата в целебной женской руке. Сестра милосердия, как ты хороша в своем милом усердии! Белый халат к лицу твоей чистой душе.

Во время вечернего осмотра еще не до конца восстановившийся Славка на вопрос: «Что беспокоит?» ответил заплетающимся языком: «Очень болит ум...» Он имел в виду, что болит голова. Наташа тихо рассмеялась и ласково погладила его лоб. «Ничего у тебя не болит. Засыпай. У тебя нет ума». Согласившийся с ней Тягач закрыл глаза.

Госпитальный мир устроен так, что в каждой палате всегда есть свой весельчак. Славке первое время казалось странным, что сосед, капитан с перебитой рукой перед каждой едой читал молитву и с трудом крестился. Его поведение Тягача не смущало. Наоборот. Капитан во время боя прикрыл своей рукой друга. Пуля до локтя прошила ему руку, и она начала сохнуть. А может, тем и была спасена рука, что от крещения сухость прекратилась, а позже полностью излечилась. Балагуру-капитану однажды пришло письмо от жены. Прочитав его, он начал бурчать: «Вот вечно у нее так, пока меня нет. То трубу дома прорвет, то ногу сломает, то в роддом попадет».

В поселок старший лейтенант Тягач вернулся с тяжким чувством. Несмотря на орден «За личное мужество», народ его встретил по-разному. Большая часть с состраданием. Но было и другое. Будущая свекровь обходила Славкин дом по чужой улице. Варька ревела белугой. Мать Тягача при сыне крепилась, но к утру ее подушка часто бывала сырой.

Неожиданной трудностью обернулось оформление необходимых документов в военкомате. Лейтенант-юнец посоветовал, без задней мысли, не мучиться в поисках работы. «Сам понимаешь, почему», — глядя на Славкино лицо, сказал он.

Интересно, в какой части тела проживает задняя мысль?

Взвинченный, издерганный старлей записался на прием к государственному чиновнику в надежде решить свои дела. После недолгого ожидания в приемной он вошел в богатый кабинет. Принявший его молодой полный человек был нетороплив в речи и движениях, говорил невнятно, будто сам с собой. Неспешно курил, рассматривая ногти.

— Значит, Вы именно этого хотите? — еще раз переспросил он Тягача.

Славке было тяжело стоять. Ныли руки. Сильно ломило затылок. Сесть ему никто не предложил. Он стал раздражаться. А потом все происходило так. Говорил Тягач:

— Ты хам. Ты государственный хам.

— Почему? — совершенно спокойно спросил сидевший в кресле. — Я чиновник.

Славке становилось все хуже. Болело уже все. Но он говорил:

— Если нас, инвалидов, не будет, чьими пособиями будете обогащаться? Вы же тогда подохнете с голода.

— Согласен, — продолжая разглядывать ногти, ответил чиновник. — Когда не будет вас, инвалидов, мы устроим новую войну и появятся новые калеки. Мы будем вас кормить так, чтобы вы не подохли, но существовали. Нам так выгодно. Все. Мне надоело с тобой, — сказал сытый в кресле и вызвал секретаршу.

— Дай ему хороший кофе, — приказал он девчонке. — Ты пил когда-нибудь настоящий кофе? Вот попробуй, запомни его вкус и иди. Я хочу, чтобы ты скулил при воспоминании о хорошей пище.

Последнее слово осталось за офицером:

— Я умру по болезни и от голода. Но твоя смерть будет страшнее. Придет час, когда останешься только ты и тебе подобные. У вас начнет заканчиваться все, чем вы жили, воруя у нас. И вот тогда... тогда вы начнете пожирать друг друга...

Славке было очень плохо. Его сильно тошнило. Уже неделю, как закончилось лекарство, но здесь, в этом кабинете старлей обязан был выстоять.

Это был предел человеческого терпения. Такое, к сожалению, бывает. Скоро Славка Тягач совершил преступление.

...После того дня, когда заключенный Тягач перебил всю мебель и окна, прошло несколько дней. В вос-

кресенье он пришел в храм одним из последних, стал у дверей, не решаясь перешагнуть через порог. Он был в напряжении, нервно теребил кепку. Увидевший его отец Игнатий спросил:

— Ты чего там стоишь? Быстро проходи и зажигай свечи.

Славка еще больше онемел.

— Я... я с таким лицом, — каким-то не своим голосом пытался намекнуть он.

— Зажги вот эти свечи, — словно не замечая ущерб на Славкином лице, снова попросил священник.

И... Славка вошел в новый, настоящий мир.

По весне к старшему лейтенанту Тягачу приехала Наташа. Неделю спустя она стала Наталья Сергеевна Тягач.

...Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое...

В храме мощными голосами звучало молитвенное пение. Светились лица прихожан. Светилось Славкино лицо, на котором словно исчезали рубцы войны. Люди смирялись с волей Отца и умоляли уберечь их от соблазнов вольных и невольных...

Литургия приближалась к главному часу — Причастию Святых Христовых Таин.

БОЖИЯ ЕПАРХИЯ

К отцу Нектарию на исповедь подошел последний прихожанин.

Путь к этому нелегкому служению у отца Нектария был непростым и долгим. В прошлом офицер, уволившийся из армии в звании старшего лейтенанта по тяжелому ранению, полученному на границе, он, закончив духовную семинарию, начал свое служение в одном из деревенских храмов в российской глубинке. У него были мудрые наставники — священники с многолетним опытом, которые укрепили его полезным словом и молитвой. После долгих размышлений он принял монашеский постриг. Решение стать тюремным священником возникло после того, как был осужден его однополчанин — капитан, участник чеченской войны.

Известие о том, что произошло с другом, тогда тяжело восприняли многие сослуживцы. Его знали, как достойного офицера. На свидание к нему приехали двадцать два человека: офицеры, прапорщики, солдаты. Почти ни о чем не говорили. Долго стояли, много курили, а на прощание сказали единственную фразу, от которой осужденный, как ни крепился, заплакал: «Подлецом тебя не признаем. Семье поможем. И в разведку еще не один раз сходим». Капитан смотрел им вслед, добела сжав пальцы.

За несколько лет службы у Божьего престола отец Нектарий многое переосмыслил, проанализировал. Офицерский аналитический ум помогал ему определять направление главного удара по вероятному противнику на тяжелейшей духовной войне. Сделанные им выводы были более чем неожиданные. Оказалось, что поступление осужденных в тюрьмы — это вовсе не хаотичное

явление, а последовательный процесс, строго соответствующий политической, правовой и конституционной политике в стране. Любое неправильное действие государства мгновенно порождало еще большее падение морали и увеличение преступности. Нечистоплотные действия родителей рождали в детях склонность к копированию увиденного, часто в более уродливой и тяжелой форме. На вопрос молодым заключенным «У кого научился?» они, не стесняясь, отвечали: «У отца... у матери...» А то и у обоих сразу.

Нередко «учителями» были дядя, брат... и в итоге перечислялся весь род. Немало было таких, которые своими идолами с удовольствием называли имена известных актеров, играющих роли киллеров и паханов. В разговоре с одним уголовным авторитетом отец Нектарий услышал такой ответ: «Сегодняшний Закон нам развязал руки, открыл шлюзы. До сих пор мы мучились, как склонить толпу в нашу сторону, теперь она сама хлынула к нам. Один порнофильм или боевик приносит нам десятки желающих батрачить на нас... Теперь мы имеем право выбора».

Анализ также выявил самые финансово-доходные преступные сферы. Война. Круглогодичные, ни на неделю не прекращающиеся политические выборы, где почти всегда среди кандидатов есть уголовники. Торговля землей. Наркотики. Проституция. Деньги, вложенные в эти направления, приносят баснословный доход и исчезают бесследно.

Развал СССР и последующий хаос, внезапные опустошительные денежные реформы, финансовые пирамиды резко увеличили количество заключенных, когда отчаявшиеся люди, не получая государственной поддержки, от безысходности творили не ведая что. От таких дурманных событий в душах наступила смута, потеря реального времени.

Но Господь бесполезных страданий не посылает. От произошедшего народ ручейком потянулся в храмы. Постепенно ручеек стал перерастать в реки. Практически каждый пришедший на вопрос «Что привело к Богу?» отвечал: «Случилась беда».

Отец Нектарий с Божьей помощью устоял. Его назначение священником в одну из тюрем закалило его.

Администрация колонии, куда он прибыл, имела свое мнение о пользе священника в их учреждении. Первое, что было сделано с ее стороны, это закрытие и опечатывание единственного помещения, пригодного для обустройства молитвенной комнаты. Попытка отца Нектария решить этот вопрос завершилась тем, что к нему, когда он прибыл в зону, подошел развязный заключенный и приказал: «Поп!.. За мной, с вещами!..» Отец Нектарий прибыл в кабинет заместитель начальника колонии, где ему было приказано вести себя «так-то и так-то». А иначе... Иначе было через месяц. В дверь его кельи под утро раздался стук, и он услышал: «Открой, Христа ради...» Отворив дверь, увидел стоявшего на коленях того самого заместителя начальника тюрьмы. «Прошу Вас.., — хриплым, будто не своим голосом, умолял он. — Прошу Вас поехать к нам. Очень болеет сын... Жена приказала мне уговорить Вас...»

Многое повидал священник. Многому научила его суровая служба тюремного священника. Порой были минуты сомнения в своей нужности. Были и другие поучительные наблюдения. Например, если у прихожанина на воле есть достаточный выбор, к какому батюшке пойти, то в зоне такого нет. Но в этом отец Нектарий усмотрел и пользу: во-первых, такое положение настраивало заключенного на более тщательную подготовку к исповеди. Во-вторых, он лишался возможности блуждать по храмам из-за своих капризов. В-третьих, самого священника это обязывает быть более ответственным и внимательным к своим прихожанам.

Существенным вразумлением отцу Нектарию был случай в начале служения: прощание с заключенными, которых он крестил незадолго до их освобождения. Их было трое. После службы они подошли к батюшке и, неловко переминаясь, спросили: «Отче, скоро мы идем в мир. Что нам делать? Дома у нас нет, родным мы не нужны, на работу нас никто не возьмет. Куда нам пристроиться?..» Священника спасло слово, идущее от сердца. Он честно сказал: «Не знаю...» Трое осужденных, увидев такое сострадание, стали утешать отца Нектария: «Батюшка, да Вы не переживайте. И спасибо Вам за прямоту. Помолитесь о нас».

После того случая отец Нектарий сделал важнейший вывод: человека надо готовить ко всему — и к воле, и к неволе. Вводить махом в зону нельзя. От горя можно сойти с ума. Тот условный карантин, что есть по закону, мало эффективен. И выпускать их в мир сразу нельзя. Побыв долго в неволе, люди от воли слепнут, как от взгляда на солнце. Задыхаются от свежего воздуха, как после долгого пребывания в душном погребе. Здесь нужна умная реабилитация, если государство дорожит своими гражданами.

На исповедь к отцу Нектарию приходили разные люди. ...Один заключенный сделал наколки: крест с голой бабой на ногах. Ночью некто стал тыкать раскаленным гвоздем в это место. К утру нога покраснела, опухла. В обед почернела, появилась сильная боль. Это был тот заключенный, который в свое время орал: «О чем с попами можно говорить!.. Забирайте меня к чертовой матери...» Отец Нектарий сказал: «К этой «матери» попасть несложно. Ты к своей пойд и поклонись». После долгого разговора в лазарете и причащения боль у осужденного прошла.

Навсегда в память вошел тот час, когда ему исповедовался приговоренный к смертной казни.

...Месту и времени соответствовали черная ряса священника и полосатая одежда узника. С лиц обоих сошла вся ненужная мирская суэта.

— Батюшка... — долгая звенящая пауза. — Наверное, уже скоро...

Священник сидел, не шелохнувшись. Заключенный, лет сорока пяти, находился в напряжении пульсирующих жил. От его аскетического лица было непросто сразу отвести взгляд. Он без конца сглатывал, выдыхал, прокашливался.

— Батюшка... Я тебе хочу признаться...

Это было явление иного, неземного рода. Священник замер, не смея нарушить неведомый доселе зов души. Между словами кающегося порой была пауза, длиной в жизнь, но смысл потрясающе понятен. Иной грех, начатый словом, завершался пронзительным отчаянием глаз, настолько это тяжелейшее мучение глубоко вошло в душу. Священник сидел, не шелохнувшись, словно ему было явлено самое редкое — увидеть то, что бывает раз в век: душа готовилась к неведомому для человека таинству, осознанному отходу от земного бытия. Постепенно человек окреп.

— Батюшка, напиши матери, — произнес он. — Ну, и тем женщинам, про которых я сказал. Пусть, если могут, простят. Не держат зла.

Узник молчал. Сердце гулом досчитывало жизнь.

— Я с грехами жил, пусть хоть день без них проживу. Посмотрю, как это без них бывает. Мои ко мне пусть не едут. Больно далеко. И поставь на могиле крест, все как положено...

Позже священник скажет: «Это были не то секунды, не то век. Порой у меня было чувство, что он сильнее меня. Я готов служить еще одну жизнь ради этого часа. От его покаяния я окреп».

Бывало, что освободившиеся прихожане тут же сваливались в еще большую пучину страстей. Это го-

ворило о том, что их пребывание в храме и покаяние были неискренними. Был сокрыт какой-то тяжкий грех, и он, как не до конца вычищенная гниль, стал еще больше разрушать душу. Через полтора-два года этот внешне покорный человек вновь стоял перед отцом Нектарием, горестно опустив голову, не зная, что сказать.

Порог тюремного храма был затерт многими перешагнувшими его людьми. Один из пришедших был терпеливее и любознательнее всех. Много задавал вопросов, во все вникал. А покрестившись, больше не пришел никогда.

Нередко в храм заходили заключенные, отсидевшие уже много лет. Так впервые в жизни покаялся в давнишней мрачной тайне один пожилой человек. Когда-то во время побега из тюрьмы, он и его друг съели третьего. Это было зимой, когда они много дней продирались через лес. Друга ели с жадностью, полужареным. Голод плоти оказался сильнее духа и помрачил ум. Сегодня этот человек стар. До покаяния грех терзал и ел его. Когда впервые набравшись мужества признаться в содеянном, он пришел в храм и, было, засомневался — у него отнялись ноги. После исповеди он ушел сам.

В зону все чаще стали поступать бывшие военнослужащие. Отцу Нектарию в разговоре с ними было особенно непросто. Государство, отправляя их на смерть во имя жизни граждан, после войны не защитило их жизнь. Причины, спровоцировавшие их на преступные действия, были схожи: раненые вымирали от нищеты и отсутствия лекарств. «Боевые» не выплачивались по полтора года. В разговоре с этими людьми требовалось небывалое терпение. Один бывший контрактник в запальчивости кричал: «Я сполна отдал долг Родине!..»

Эх, браток, да кто же знает истинную величину долга Родине?! Хотя, если по контракту...

И все же большинство было таких, кому при всем, что с ними произошло, было по-прежнему «за державу обидно». Всему подвел итог один офицер: «Мы из тех, у кого профессия — Родину защищать... И бить тех, у кого профессия — Родину продавать».

В зоне при всех горестях ощутило потянуло спасительным свежим ветром. От литургии к литургии, пусть по крупицам, происходило оздоровление духа. Появилась первая запись в церковную библиотеку. К отцу Нектарию стала выстраиваться очередь.

Однажды перед началом службы батюшку остановил заключенный, посланный одним «авторитетом». Тщательно подбирая слова, он попросил откликнуться на просьбу пославшего. При встрече выяснилось, что у того серьезно болен ребенок. Непростой разговор закончился тем, что гордый человек встал на колени, поцеловал крест и расплакался: «Помолитесь... Каюсь, дочка родилась в грехе, три года лежит в больнице, ножками не ходит...»

Попросили отпеть умершего от туберкулеза вора в законе. При входе священника все встали. После панихиды отцу Нектарию местный «смотрящий» подал большие деньги. Батюшка деньги не взял. «Отправь эту жертву в детский дом. В какой — реши сам». Помолчав, добавил: «Видно, есть шибко больное место в твоей душе. Я помолюсь за тебя. Созреешь — знаешь, где я служу». При расставании их глаза, встретившись, чуть задержались. Это было общение людей, познавших что-то очень важное на этом этапе жизни.

Приятной неожиданностью была скромная финансовая помощь прихожан православного храма из Америки. Как они узнали адрес — неведомо. Заезжал бывший заключенный, ставший дьяконом. Другой стал руководителем солидного учебного заведения. На летнее послушание приехал освободившийся несколько лет назад из тюрьмы молодой человек. В начале срока он

был чуть скорбный умом. Родители спились, деревенька из четырех домов в глухих местах. В настоящее время парень закончил технический институт с красным дипломом. Другой заключенный, приложившись к иконе святителя Николая, излечился от серьезной экземы в ухе. Ночью горячая боль и экзема исчезли. Осталась едва заметная точка. Как-то под вечер заскочил один запыхавшийся мужичок: «Батюшка! Благодарственный молебен... Срочно! Я только что вышел из тюрьмы!»

Помимо всего, происходили и генеральные моменты. Однажды его взял с собой отец Митрофан, настоятель храма в одной из тюрем. Они провели службу в месте, где находились больные СПИДом и туберкулезом одновременно. Их сопровождал тюремный врач. В коридоре под капельницей лежал больной в последней стадии. Священники остановились.

— Крещеный? — спросил отец Митрофан.

Больной молчал. Видимо, силы окончательно оставили его.

— Давай сделаем так, — принимает внезапное решение батюшка. — Я тебе буду называть грехи, а ты, если это твои, наберись сил и моргни.

Священник склонился к больному и стал ему перечислять человеческие немощи. В ответ заключенный часто моргал. Минут через сорок батюшка сказал:

— Я помажу тебя, хотя ты мусульманин, но пообещай, если встанешь — покрестишься.

Больной моргнул. Отец Митрофан помазал несчастного. Когда священники уходили, им из всех окон кричали другие заключенные этого лазарета:

— Нас, нас помажьте!

— Так вы же мусульмане, — ответили они. — У вас свой муфтий.

— К нам никто не ходит. Мы никому не нужны.

Через две недели больной в коридоре встал. Чуть позже парень покрестился.

Недавно отец Нектарий получил письмо. Заключение, приговоренный к большому сроку, отправил первое и единственное в жизни послание по адресу: Россия. В любую православную церковь. Священнику. «...Отче, хоть ты поминай, как звали... Владимиром».

Владимир, ты указал правильный адрес. О здравии заблудшего грешника наверняка помолится чья-то добрая душа. Вся Россия — Божия епархия.

«...СО СТРАХОМ БОЖИИМ...»

Наступил главный час. Открылись царские врата. Диакон вынес Святую чашу и возгласил:

— **Со страхом Божиим и верою приступите!**

Святых Христовых Таин причащались рабы Божии, причащался приход Христовой епархии.

— **Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите...**

Словам хора тихо и мелодично вторили десятки людей. Внешне грубоватые, неуклюжие они подходили к Святой чаше робко, осторожно, старательно открывая уста.

Эх, человек, если бы тебе удалось сохранить покорность и трепет этого мгновения!.. Какие бы великие и благие дела ты мог творить!

Жена заключенного, приехавшая на свидание, увидев это, сказала: «Мой причащающийся муж поразила меня. Я стояла, как оглушенная. После причастия у него были такие глаза, что я ему простила все!..»

Причастие Святых Христовых Таин завершилось. Приход замер перед настоятелем. Люди ждали слова. Слова укрепляющего, вселяющего надежду. Они желали услышать идущее от сердца своего духовника.

Священник говорил. Он знал тайные муки и скорби этих людей. Приход слушал его в пронзительной тишине. Им больше нигде было услышать такое слово. Священник говорил:

— ...Духовные скорби, страдания и физические муки посылаются нам Богом не для того, чтобы мы слепо злобились и ненавидели. А для того, чтобы на своем

примере мы предостерегли близких, оградили детей, уберегли от непосильных страданий родителей. Незнание Закона Божьего не освобождает согрешившую душу от духовной ответственности перед Богом. Каждый обязан думать, кто придет в мир от твоей крови. Что его ждет и кем будет идущий после тебя...

У родительской радости и детского счастья нет привычки. Для них это чувство всегда еще более ново и более радостно. Чувство добра свойственно всем. Даже в самой черствой душе хранится слезинка на чужую скорбь. Берегите эту капельку и просите Господа, чтобы в ваших душах забились чудотворные покаянные родники.

Ни в чем не повинных людей не бывает, а победа над своим грехом равна победе на войне. Ибо грех, внесенный в дом, — это страшная агрессия чуждого духа. И своим покаянием вы отстаиваете честь семьи, отца, матери. Вы знаете цену радостному детскому крику: «Мам!! Папка пришел!?!...» Цена этому крику — здоровая жизнь поколения. Берегите свой род, как святую землю. Во время Великой Отечественной войны фашисты вывезли несколько эшелонов плодородной русской земли в Германию в надежде, что она даст им большой урожай. И произошло следующее: земля на чужбине плодородить перестала... Так и душа, перебежавшая в плотском грехе из своей семьи в чужую семью, дряхлеет и плодит неполноценное потомство.

В наше время очень легко быть хорошим администратором, предприимчивым бизнесменом и очень непросто быть хорошим отцом и любимым мужем.

Сегодня при большом количестве родственников зачастую нет близких людей. Порой полное одиночество. И, познав все эти скорби, вы пришли к Тому, кому прежде не верили, — к Богу. Ваши страдания и муки принял и понял только Он.

От тюрьмы и сумы не зарекаются. От этого молятся. Помните, как тяжело было вам в заточении. Кайтесь в содеянном, чтобы тюремный пол не топтали потомки вашего рода...

Мерцали свечи. Стояла звенящая тишина. Люди слушали. Человек всегда чутко улавливает слова, идущие от сердца. Слушали Фрол, Димка, Серега Ольхов, Толька... Не шевелясь стояли Саня Беда и Слава Тягач. Слушал весь приход. Мерцали свечи. Душа принимала покой.

Литургия подошла к завершению. Выстроившийся народ неспешно и собранно подходил к Кресту. У каждого в мыслях было одно: «Помилуй, Господи...»

Какое-то время спустя они вновь будут «заключенный номер такой-то и фамилия», будут бытовые и прочие трудности, но помощь Божия, полученная ныне, позволит им устоять до следующего воскресения. До того часа, когда в Храме вновь послышится:

— **Благослови, владыко...**

Последним к Кресту подошел староста майор Ольхов. Служба закончилась. Отец Игнатий еще раз осенил Крестом братию. Все поклонились. Царские врата и завеса закрылись. Аминь.

ТРАПЕЗА

К столу приход собрался с удовольствием. Как обычно, никто не опоздал. Трапезной была сравнительно небольшая, но очень уютная комната, в прошлом склад. Умелые руки превратили ее в самое желанное место отдыха. Мебель и утварь собирали по известному принципу: «с миру по стулу, тюрьме — гардероб». Среди прихожан нашлись неплохие художники, появились интересные картины.

В связи с тем, что всем хотелось сидеть у огня, нарисовали камин. После нескольких трапез решили: от картины тепла все-таки маловато. Через месяц в настоящем камине торжественно разожгли первый огонь. Комната стала совсем уютной.

На столе — нехитрые угощения, в основном родительские и жинкины дары. Посредине без всякого стеснения маячил торт: у Славки день рождения. Во время «многая лета...» он смущенно теребил скатерть. Обязательным условием был горячий хлеб. От Ленки вкусно пахло пекарней.

После прочтения молитвы расселись у стола. Заваренный Фролом чай пили с шумом, с удовольствием, сосредоточенно глядя в кружку, вдыхая запах хорошей заварки. Это застолье любили и ждали его всегда. Беседы начинались сами собой, все о том же: за жизнь. Обстановка расслабляла. Все свои. Душа легко делилась воспоминаниями о прошлом. Каждому было о чем вспомнить. Священникам — о чем подумать. Они старались не мешать людям выговориться, что попало они не скажут. Это было вообще удивительное место для откровений.

Бесшумно вошел посыльный из штаба. Что-то шепнул Николаю Дмитриевичу, и тот, взяв благословение, ушел. Служба.

На каждой трапезе всегда есть главный рассказчик. Остальные невольно втягиваются в разговор по мере воспоминаний. После второй кружки чая и короткой паузы пожилой прихожанин Геннадий Никифорович завел разговор:

— ...Я рассказывать буду так: что плохое — о себе, что лучше — о людях. Я достаточно пожил. Когда-то в прошлом, сейчас даже чудно вспомнить, я был кандидатом наук по марксизму-ленинизму. В семидесятых это имело большое значение. Ну, теперь все по порядку. Три раза сидел. Один раз по глупости, два по дури.

Пришел домой первый раз — никому не нужен. Сам разбит, измотан. Жена не приняла. От этого все пошло еще хуже. Через год — суд, зона. Второй раз пригрела одна добрая вдова. Прибрала к рукам. Вроде и ничего. Стал пить. Положу ей голову на колени. «Ну, — говорю, — стукни по моей голове бестолковой». А у нее бабьи глаза повлажнеют. «Что с тобой делать? Только терпеть да жалеть».

С чего я сел? Было мне за тридцать. Молодой, перспективный. Красавица жена, хорошая работа. Защитил диссертацию. Тяжело заболела мать. Обратился к врачам. Говорят, поздно. А я вижу — не поздно. Есть еще надежда. Мать, кстати, Надежда была. Отца не было. Знаете, у человека в тяжелой беде нередко бывает такое чувство, что есть некая сила, способная помочь. Вот и стал я, как заведенный, эту силу искать. Одна бабка сказала: «Иди в церковь». Я поверил. Настолько мне было худо, худо за мать. С этого все и началось. Вечером я был в церкви, утром — в райкоме. Кто-то донес. Гадкое было время. В общем, турнули меня из партии, лишили кандидатского звания, друзья мои на партсобрании как с ума посходили. Я таких злобных людей никогда не видел. Кричат: «Как человека понимаем, как коммуниста — нет». «А что, — говорю, — это разве не одно и то же?» Пока меня мытарил по кабинетам, умерла мать. Тут душа моя сломалась. Я пришел на главную площадь у горкома и бросил партбилет в вождя... А через полчаса был уже на допросе у следователя. Да-а... Серп и молот, сколько народу им выкошено и сплюснуто. Вправду свято место ленинским не бывает.

Никифорович замолчал. Потер лоб, отхлебнул чай.

— Я, наверное, все-таки неплохой человек. Хочется хоть самому о себе хорошо подумать. Более уж некому. Последний мой поступок был таким, что махом скро-

ет все добрые дела. Очень горько, что помнить меня будут по главному событию — преступлению. Потеря двух семей — тоже преступление. Детей растерял по стране, как совесть. Бес-то мне вселился в ребро лет за тридцать до появления седины. А годы так и не стали моим богатством. Да, много повидал... Бил сам, и меня били еще больше. Воровал, еще больше воровали у меня. Обманывал с научной точки зрения, в итоге обманулся сам. Да и моя научная точка оказалась дрянь.

Эх, тюрьма, тюрьма... Сколько ног топтали ее бетон. Как много она знает. Слава Богу, что ее стены умеют молчать. Нам, по нашей слабости, нельзя знать больше дозволенного.

Никифорович снова долго пил чай. Никто не прерывал его. Кто-то подложил дрова. Фрол поменял заварку.

— Знаете, я рад, что вы слушаете. Главное, рад, что молчите. Люблю, когда тишина.

Молодежь сидела не шевелясь.

— В зоне есть народ всех мастей. Некоторые на первый взгляд, как нелюди. Но бывает момент, я видел, они — люди. Как-то нас строили на вечернюю поверку. У одного было маленькое радио, а в это время часто идет «зековская» волна. Чья-то добрая душа для нас ее придумала. Читают письма, которые им пришли, музыка играет на заказ или ко дню рождения. И вдруг включают запись голоса одной девчонки. Она по радио просит прощения у своего парня, которого обидела тем, что не пришла на его суд. Смалодушничала. А мы слышали... Начальник тюрьмы не понял, отчего вдруг строй убийц и грабителей, не стесняясь, ревет себе в плечо и рукав. Каждый из нас хотел быть тем Валеркой. Мы в районе Байкала будто видели, как под Витбском у девчонки тряслись губы. Подождите, не могу, аж душа зашлась...

Никифорович потер грудь.

На столе доливали чай. Продуктовый запас незаметно подчищался. Ольхов тихонько ворошил в камине поленья. Народ слушал. Слушали священники.

— ...Про нас говорят: «Их всех надо...» Не надо. Тем более всех. Хватает тут, конечно, дерьма. Но вот так скажу: если будет война, в зонах найдется немало мужиков, которые повоюют за Россию покрепче, чем те, кто на воле. В тюрьме и на войне, как нигде, не имей сто рублей, а хоть одного друга, но надежного.

Говорят, в споре рождается истина. Спор — это драка языками или кулаками. Какая истина может быть в драке? Видел я по телеку, какую истину депутаты рожают. После их «родов» одни выкидыши. Я тогда подумал, что ноказывают СИЗО, где я последний раз сидел.. Там есть несколько депутатов, которые всех бластных переорут.

К нам приезжал один артист учиться воровскому жаргону для какого-то кино. Мне жалко его. Наверное, порядочного человека он уже сыграть не сможет. Всех поразило, что он моментально прижился в нашей среде. Я у него спросил: «Неужели, чтобы сыграть подонка, этому стоило так много учиться?» За этот вопрос я неделю отсидел в ШИЗО.

Давайте еще чай сделаем. Заварка больно хорошая. Мы тоже любим хорошие продукты.

Вернувшийся из прошлого Никифоровича народ заерзал, потянулся.

— Фрол, ты что молчишь? Ты у нас мужик бывалый.

Бывалый Фрол перекладывал горячую кружку из ладони в ладонь.

— Что ж, можно и мне. Вот, слушая про депутатов, вспомнил, как к нам приезжал один правозащитник. Все про свободу слова нес. Народ у нас сидит аховский. Послушали его, а после его отъезда решили —

такой свободы нам не надо. Она всех с толку собьет. Сейчас хоть законные нары и гарантированная баланда, а при его демократии нас и от этого освободят, и ноги протянем. Мы так и сказали нашему тогдашнему батюшке: «Помолись, чтоб он по дороге к нам с пути сбился». Не поверите! Он ведь и вправду через месяц по пути к нам заблудился.

Фрол отхлебнул, помолчал.

— Моего дружка пырнули в умывальнике молодые зеки. Кишки вышли, кровью затек, но остался живой. После прознали, отчего. Его жена в письме прислала икону его святого. Он ее на резанное место положил, кровь свернулась, а кишки целые остались. Через три месяца выписался. Живот хорошо зарубцевался, даже на непогоду не ноет. А иконка та — будто новая, хоть и бумажная.

А знаете, как я желудок спас? У нас с витаминами по весне особенно худо. Я в храме после службы стал по чуть-чуть глотать елея. Батюшка благословил. Так и сохранил желудок, еще и туберкулез прошел.

Фрол долил кипятку, взял хлеб, посмотрел на Беду:

— Саня, впору и тебе разговориться, а то твои глаза у тепла совсем закроются.

Приход минут десять смотрел, как Наполеон усаживался, тянулся к своей кружке, соображал о сути дела. Но внезапно инициативу перехватил самый молчаливый прихожанин — Вася Порох. Так его прозвали в шутку за «словесную скорострельность». Даже папиросу ко рту Вася нес около часа. Его желание говорить все сочли, как смелое и неординарное. Выдал он сразу, без предисловий:

— Я однажды видел, как человек лишается ума. Могу сказать: это и притягательно, и жутковато. Даже не знаю, чего больше. Всегда думал, что на это нужны годы, но все случилось за несколько минут. В той каме-

ре со мной было еще несколько человек. Один сидел за изнасилование мальчика. Первое время как-то было все терпимо. У нас к таким всегда соответствующее отношение. Потом с ним стало что-то происходить. Голос и без того деформированный, не мужской, а тут совсем стал западать до какого-то жуткого тонкого сипения. Перед прогулкой говорит нам: «Отвернитесь, я повешусь». Мы говорим: «Э, нет, парень. Мы уже такое пережили. Если ты себе это втемяшил, то точно повешишься, но не при нас. Мы выйдем, ты оставайся и вешайся. Иначе тебя на нас «повесят». Тут он начал меняться на глазах. Лицо посерело, губы стали фыркающие, как у лошади, зубы будто вышли вперед, и звук такой: ха...ха...ха... И вдруг он разбегается и на огромной скорости врывается в бетонную стену. Когда он упал и забился, мы увидели, что его глаза остались на стене и стали медленно стекать. Но самое страшное было, когда его выносили из камеры. Врач определил смерть, тело закрыли одеялом и, было, подняли носилки... В этот момент... мертвый захохотал, издавая те же звуки: ха...ха...ха... Тут я увидел, что такое волосы дыбом. У одного нашего они торчали, как у ежа. Да и мы были не лучше. Другой на несколько дней стал зайкой. А мертвец... Когда его лицо открыли, у него были разверстые пустые глазницы и рот искривился. Все точно видели, что перед тем, когда его накрыли, все было нормально. Вот тут я первый раз сказал: «Господи, помилуй». Есть что-то такое в наших мозгах, куда человеку доступ закрыт. Не надо тужиться для показа своего ума. Кроме специфического звука и запаха, это ничего не даст.

От этой истории всех восстановил в чувствах Тима Соловей, упав со стула. Испуг на его лице был неподделен. Робкий в приходе, зато ветеран по судимостям, он стал Соловьем за желание посвистеть часто в ненужное время и в ненужном месте. За что также часто страдал.

Какое-то время все смотрели на огонь. Вновь заговорил Никифорович:

— А вот к моему «Господи, помилуй» был другой путь. Однажды батюшка подарил мне маленькое Евангелие. Поначалу читать было нелегко. Я никогда не думал, что святую литературу надо читать, прилагая большие силы. Стал находить принципиальные расхождения между своими «учеными» познаниями и Божьим словом. Одно время думал: «Все. Голова треснет». И вдруг под утро, как бы и сон, и не сон... Не скажу, что было особенно страшно, никаких рож, наоборот, но струхнул здорово. Меня даже вроде кололо. И тут я вижу какую-то странную открытую книгу. На ее странице проявилось единственное слово «революция». Оно черного цвета и чуть дрожит. Это слово стало медленно разрываться посредине, расходиться влево и вправо и... задрожала жирная черная надпись: РЕВ...ЛЮЦИФЕРА...

Я орал беззвучным ртом, очнулся от того, что меня окатило водой. Но я был сухой. Лежу, и постепенно в меня входит жизнь. Начинает биться, точно остановившееся было сердце. Кругом родной народ, моя тюрьма. Вот тогда весь день я бормотал: «Слава Богу, что я в тюрьме».

Все долго молчали. Пламя излучало покой и вечность. Постепенно сидевшие зашевелились. Первым заговорил отец Нектарий:

— Ваши раздумья, братья, и Ваши, Геннадий Никифорович, необычны и поучительны.

Меня, как священника, успокаивает, что вы нашли дорогу в Храм Божий. В России за все время ее существования ни одно поколение не жило в мирное время. Войну и скорбь познали все. Это говорит о человеческом несмирении. Выйдя же отсюда в мир, будьте, как сейчас в храме, смиренными, разумными, богобоязненными. Господь дал вам драгоценный дар: быть хри-

стианином. Сейчас много говорят о тяжелом положении в Отечестве. Но любить зажиточную Россию сможет каждый, а вы любите ее в трудное, суровое время. И защитите. Мать тоже нуждается в защите. К тому, что я услышал, могу рассказать. Одному человеку когда-то довелось участвовать в съемках фильма о взятии Зимнего дворца. Он говорил, что в процессе съемок все было окутано какой-то мучительной душевной тяжестью. Лица участников казались ему ненормальными и после съемок. Что же с ним произошло? Он должен был в массовке штурмовать ворота Зимнего, но за несколько минут до того ему стало плохо. Его отстранили. Когда дали команду на съемку, толпа кинулась на ворота и вдруг... он увидел, что по воротам карабкаются... бесы... Вместо «Ура!» он слышал «в Ал-та-рррь... в Ал-та-рррь...» Буква «р» звучала протяжно и страшно. От увиденного этот человек сходил под себя. Чувствовалась невыносимая вонь. Но когда он пришел в сознание и ощупал штаны, они были чистые. Какое-то время спустя он тайком зашел в церковь и сразу увидел те царские врата в алтарь.

Сегодня человеческая душа по неверию своему и грехам стала рваная и больная. А от этого здоровое потомство не создать. Освобождение из мест заключения не означает, что вы попадаете на волю. Человек на воле только тогда, когда освобождается от грехов. Тюрьма, братия, навсегда останется рубцом на вашей душе. Она по тяжести и скорби равна войне, на которой, как нигде, проверяются истинные родовые отношения, любовь, сострадание, а главное — ваша способность осмыслить личную вину. Проявите мужество и мудрость, чтобы объяснить своим детям истинную причину произошедшего, уберегите их от тяжкого пути, пройденного вами. Пусть они осознают, что если в доме нет родной души — это сиротский дом. Сегодня по всей России слышна капель материнской слезы, переходящая в ливень.

Человеку дано величайшее благо: жизнь и продолжение рода. Но надо осознать, что важнее жизни есть достойная смерть. Страшнее смерти — нераскаянная жизнь.

Еще, прошу вас, взгляните правильно на людей, несущих свое суровое служение в местах заключения. Это люди государевы. На свете есть две профессии, с которыми человек расстанется навсегда с чувством невероятного облегчения: это сотрудники тюрьмы и военные. Хлеб всегда был важнее пули. Но пока на это нет Божией воли. Наш тюремный приход — это тоже своего рода воинская рать. Она, состоящая из 20-40 человек, как крыло мухи, удерживает тюремный мир в равновесии и перетягивает в сторону духовного и физического оздоровления грешные души.

Мы нередко встречаем людей, которым из рода в род говорят: «Христос Воскресе!» А они не верят. И глаза у многих на это открываются только в тюрьме. Я знаю одного заключенного, у которого зрение значительно улучшилось после этого возгласа. Именно после слов «Христос Воскресе!» у него сильно защемило глаза. Они заслезились, появился зуд. Все стали оказывать ему помощь, вылили на лицо целый стакан святой воды и... его зрение за несколько минут улучшилось с минус девяти до минус полтора.

Россия, братия мои, большая. На ней места хватит всем: и во здравие и за упокой. На земле много разных стран. Но Святая Русь одна. Потому что Россия — это вера в Бога, это крепкая семья, это здоровый род. Это отец и мать, у которых вечная радость и боль за дитя. И что бы с вами ни произошло, где бы вы ни были, материнское сердце за вас будет екать вечно.

От одного заключенного мне пришло письмо: «Батюшка, когда я был в бегах, ночью вышел на разрушенное здание в лесу, в глухой деревушке. Была холодная осень. Я долго искал, где бы уснуть. Наконец, нашел

теплое место. Под утро вижу мать. Она ласково гладит меня по голове и тихо говорит: «Сынка... не балуй...» Я очнулся, а это храм... И я сплю в алтаре... Тогда я впервые перекрестился, а потом пошел и сдался. Мне эту честность учли, и я уже скоро выхожу».

В камине потрескивали дрова. Все молчали, глядя на пламя. Было тепло. Тепло в комнате и на душе. Никому не хотелось вставать. Люди берегли недолгий покой. Все были в том Храме, где каждого гладила материнская рука. Как из детства, слышался ее тихий голос: «Сынка... не балуй...»

Читатель, завершилась самая сложная тема: тюрьма, человек в ней, родовые отношения. Я признателен вам за то внимание и терпение, которые вы уделили моему скромному труду.

Май 2002 г. — август 2003 г.

МОЛИТВА О ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Господи Иисусе Христе Боже наш, святого апостола Твоего Петра от уз и темницы без всякаго вреда свободивый, прими, смиренно молим Ти ся, жертву сию милостивно во оставление грехов рабов Твоих (*назовите имена*), в темницу всажденных, и молитвами их, яко Человеколюбец, всеспильною Твоею десницею от всякаго злаго обстояння избави и на свободу изведи.

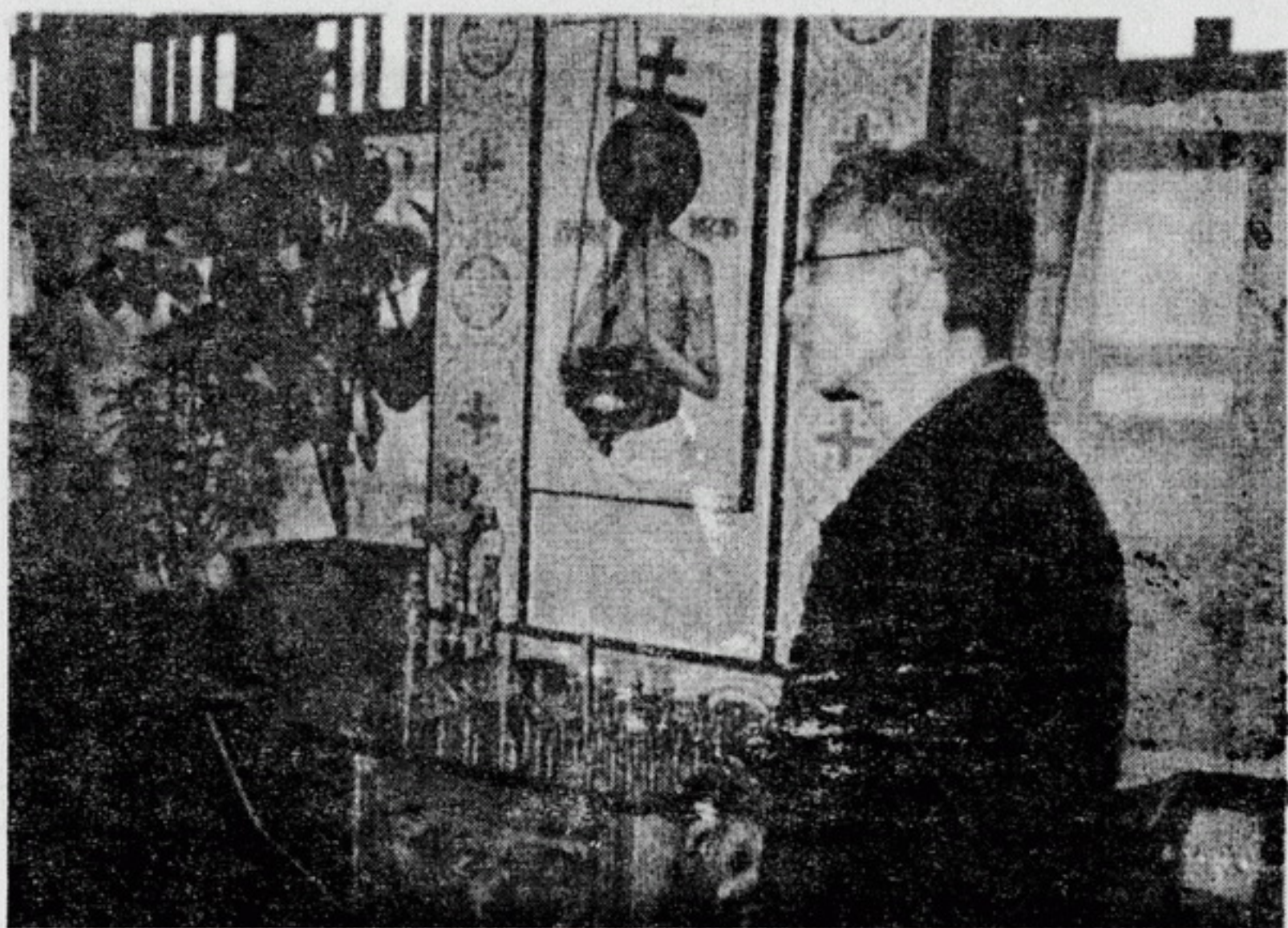
В тюремном храме в раннее воскресное утро двое заключенных пели молитву ко Пресвятой Богородице

Перед иконой Царя мученика...

«Господи, прости ему прегрешения вольные и невольные.»

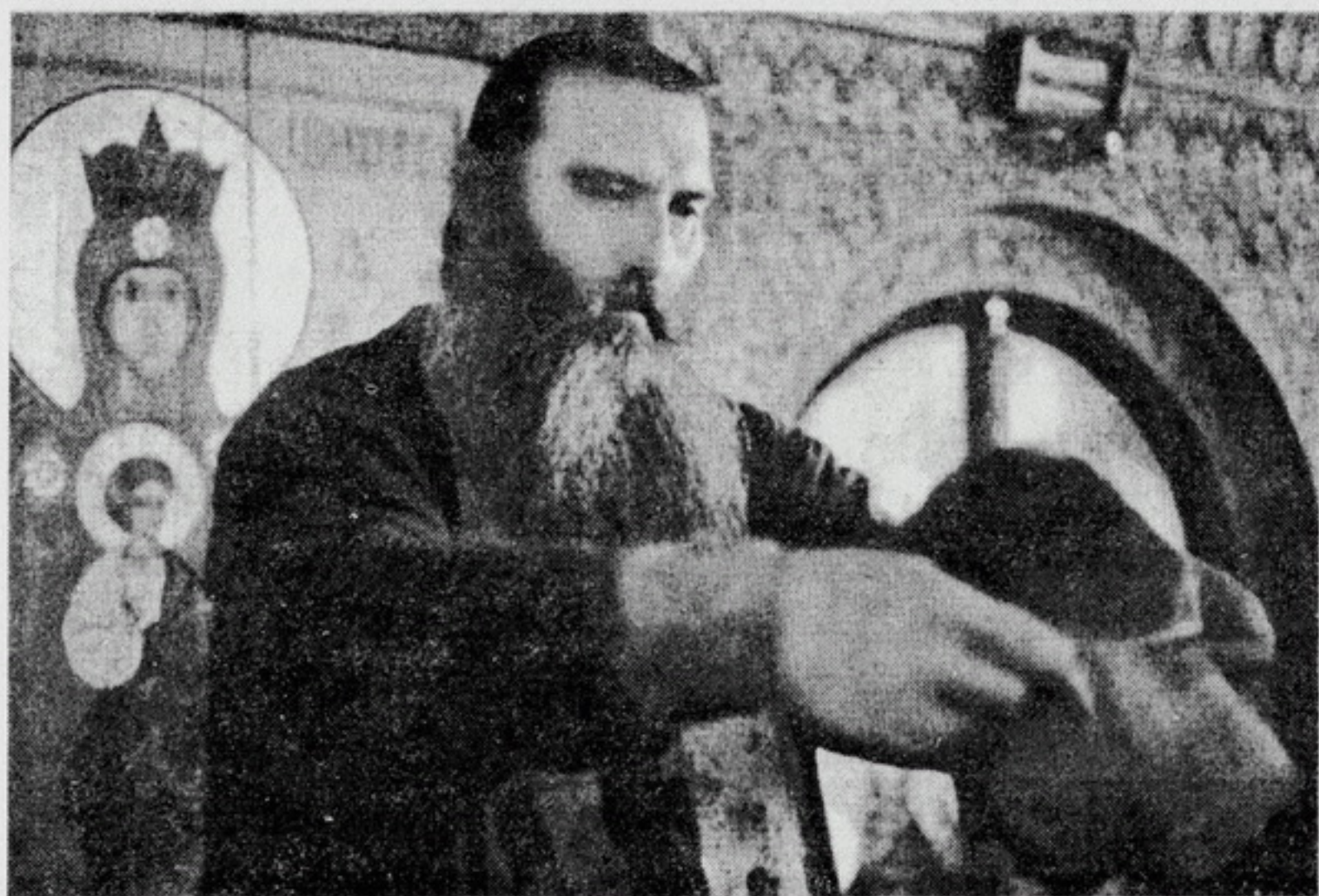
«Мама, не пережившая мой грех, прости сына своего за блудшего...»

*Боже! Как же Ты меняешь лицо узника в миг Помазания!
Каким оно становится спокойным и умиротворенным...*

Крещается раб Божий...

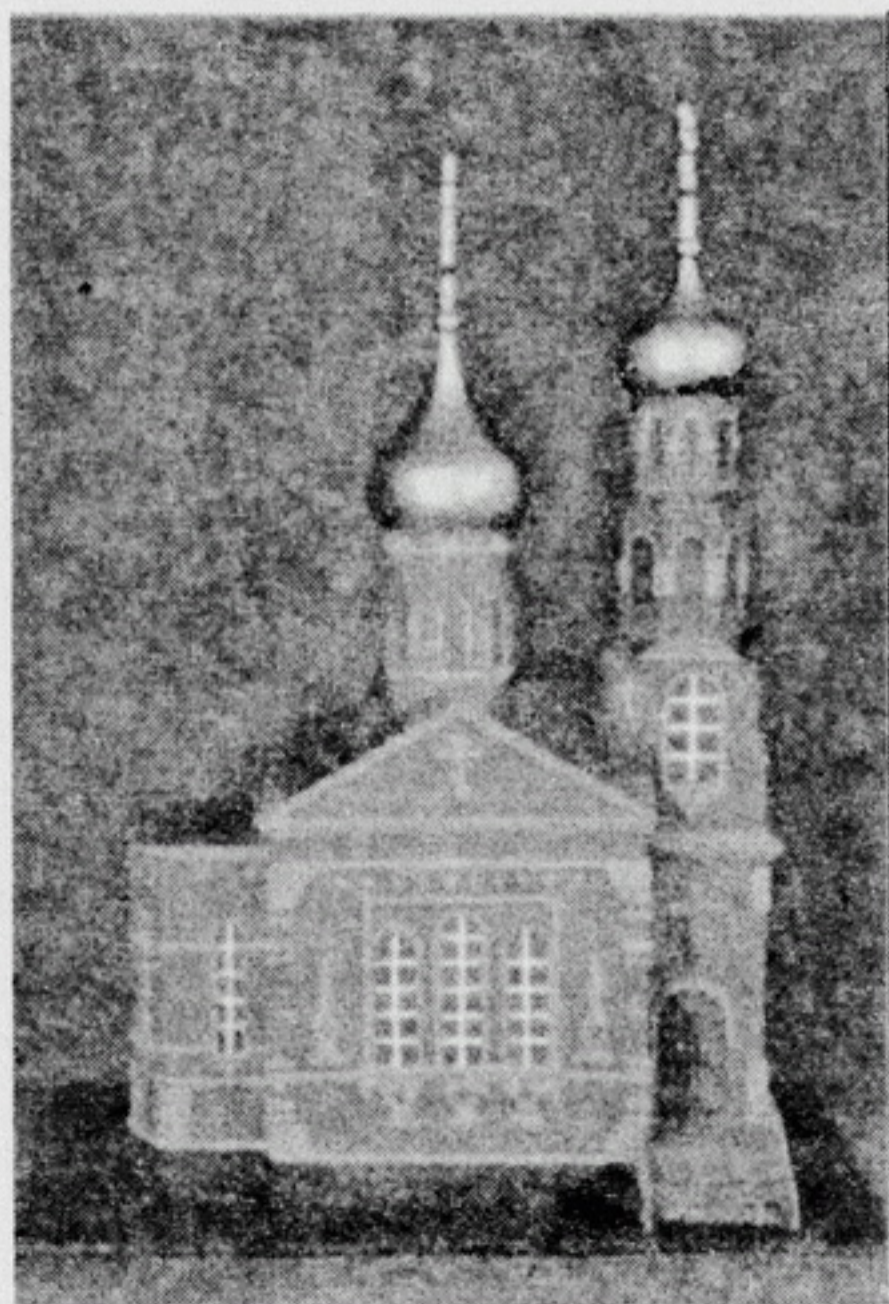
На крещеного возлагаются белая одежда и Крест...

Начальник колонии Николай Дмитриевич с автором книги.

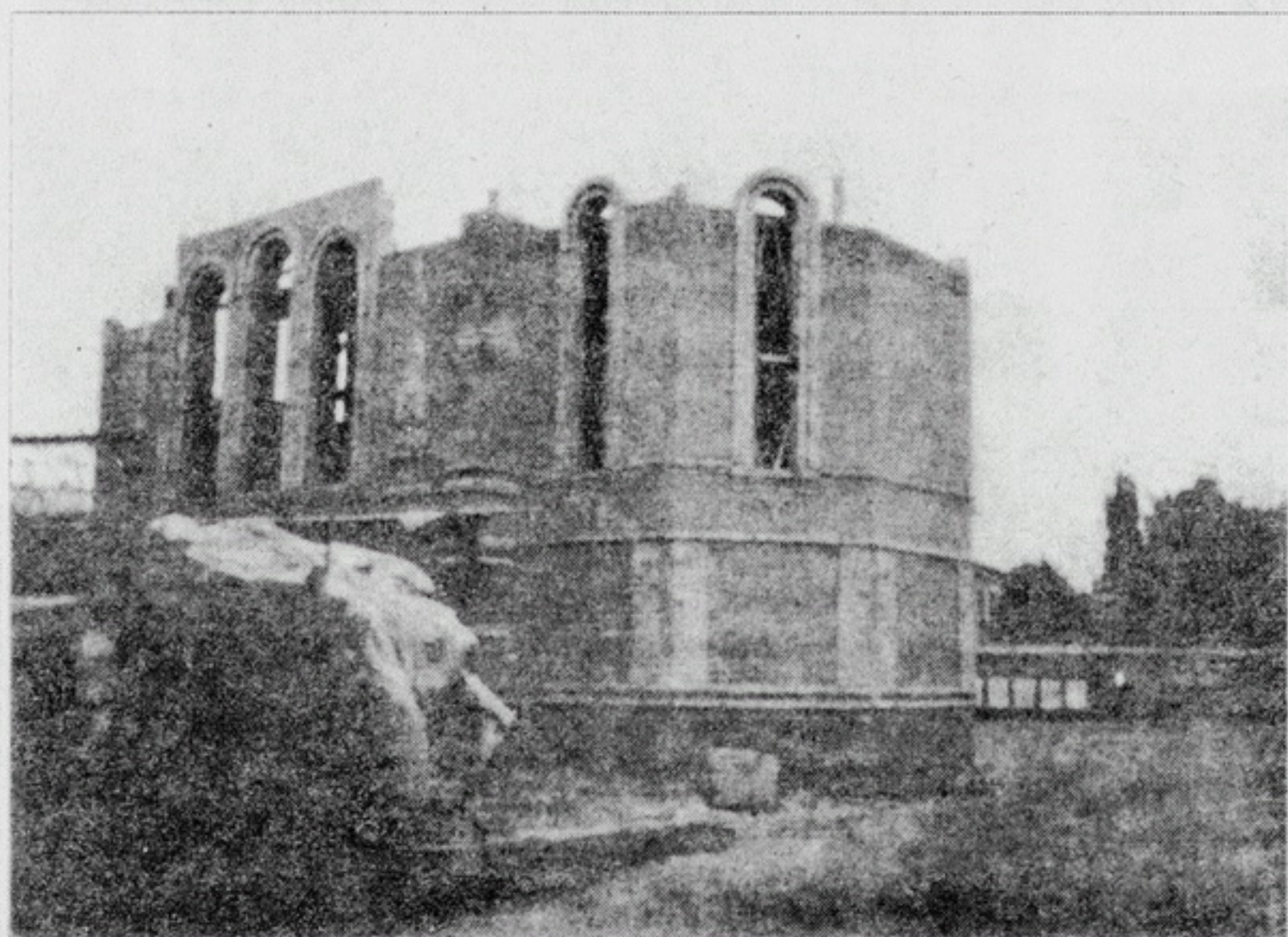
Пасхальные поздравления заключенным от начальника и администрации колонии...

*Макет тюремного храма
Николая Чудотворца*

Закладка фундамента будующего храма.

Рос дух прихода. Росли церковные стены...

«Я сначала христианин, а потом — начальник тюрьмы...»

«Русский Дом» и в тюрьме — русский дом.

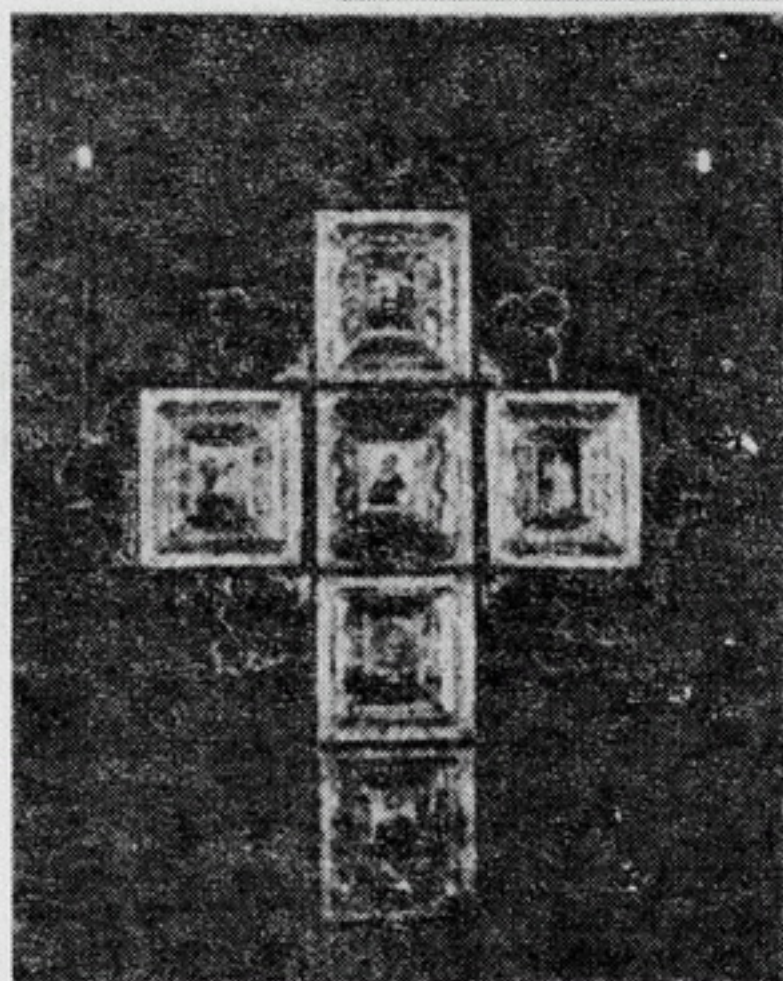

Тюремный приход, как крыло мухи, удерживает тюремный мир в равновесии и перетягивает в сторону оздоровления грешные души...

Какие, оказывается, умелые руки у кающихся людей...

Шкатулка, сделанная руками одного из заключенных.

Сколько мыслей и любви требуется вложить для изготовления окладов для про стенных бумажных икон, которые могли бы достойно украсить любую церковь...

Служба в тюремном Свято Троицком храме.

Сиротская доля особенно ощутилась в двух детских домах, которые колония взяла под свою опеку. Воспитанники всегда рады приезду шефов.

Духовное возрождение приносит свои плоды. Еще один заключенный, освобожденный досрочно, возвращается домой, к детям.

— От чистого сердца...

«И что бы с вами ни произошло, где бы вы ни были, материнское сердце за вас будет ёкать вечно...»

Крестный ход в тюрьме.

Человеку дано величайшее благо: жизнь и продолжение рода...

«Да любите друг друга...»

*Пасхальный Крестный ход.
— Христос воскрес!
— Воистину воскрес!*

*«Тело Христово примите, Источника бессмертного вку-
сите...»*

Причастие Святых Христовых Таин завершилось. Приход замер перед настоятелем. Люди ждали слова. Слова укрепляющего, вселяющего надежду. Они желали услышать идущее от сердца своего духовника...

На трапезе с начальником колонии. Второй слева — Джон Тобин.

В комнате отдыха у камина.

Трапеза. К столу приход собрался с удовольствием. Как обычно, никто не опоздал...

Мебель и утварь для трапезной собирали по принципу: «С миру по стулу, тюрьме — гардероб...»

Двум тюремным священникам есть о чем поговорить.

*У храма Иоанна
Предтечи в скиту
Свято-Введенской
Оптиной Пустыни...*

*Звонница тюремного храма Св. Николая в одной из тюрем
Калужской области. Под колоколами изображение трех Оп-
тинских мученьков (слева направо): инока Трофима (Татарни-
кова), иеромонаха Василия (Рослякова), инока Ферапонта (Пуш-
карева). О. Василий был первым тюремным священником в этом
храме. К десятилетию их мученического подвига в благодарную
память православная община узников написала эти образы.*

*«Остановитесь, люди! Одумайтесь!
И даже уже мы, разбойники, говорим вам – Бог есть!»*

Автор выражает сердечную благодарность всем, кто оказал ему молитвенную и иную помощь в написании этой книги:

иеромонаху МИХАИЛУ (ТИМОФЕЕВУ),

иеромонаху ФОТИЮ (ЖЕРЕБЦОВУ),

иеромонаху САВВЕ (МОЛЧАНОВУ),

игумену МИТРОФАНУ (ЛАВРЕНТЬЕВУ),

игумену АРИСТАРХУ (ЛОХАНОВУ),

игумену АЛЕКСИЮ (ПРОСВИРИНУ),

иерею ВИКТОРУ (СЛЕПЦОВУ),

главному редактору и ведущему телепрограммы

«Русский Дом»

КРУТОВУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

генеральному директору журнала «Русский Дом»

КРУТОВОЙ ИРИНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ,

Председателю Союза писателей России

ГАНИЧЕВУ ВАЛЕРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ,

обозревателю радиостанции «Радонеж»

САУЛКИНУ ВИКТОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

полковнику

КРАВЧЕНКО НИКОЛАЮ ДМИТРИЕВИЧУ,

полковнику

ТРОШИНУ ВИКТОРУ СЕРГЕЕВИЧУ,

полковнику МАЙЕРУ ЮРИЮ ВИКТОРОВИЧУ,

ДОБРОВОЛЬСКОЙ МАРИИ АНДРЕЕВНЕ,

ГЕККЕР ЕЛЕНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ,

СВИРИДОВУ ГЕОРГИЮ ГУРАМОВИЧУ,

МУРАШОВОЙ НАТАЛЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ,

НОВИКОВУ АЛЕКСЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ,

ЗАРЯН АННЕ АНДРЕЕВНЕ,

ПАВЛОВОЙ ЛАРИСЕ ОКТЯБРИСТОВНЕ,

МКРТЧЯН ЕЛЕНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ

и всем остальным — их имена ведает Бог...

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ПОМОЗИ МИ...	33
Глава 1 НИКТО ТЕБЯ НЕ ОБИДИТ	37
Глава 2 БЕДА	45
Глава 3 ЗА ЖИЗНЬ	50
Глава 4 СЫН ЗА ОТЦА	62
Глава 5 СУДЬБЫ	72
Глава 6 ДОКТОР ЗОНЫ	77
Глава 7 СТАРОСТА ОЛЬХОВ	90
Глава 8 КАРА	104
ЧУМА И ЕЛЕЙ	115
Глава 9 «...Я СНАЧАЛА ХРИСТИАНИН, А ПОТОМ – НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ»	126
Глава 10 СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТЯГАЧ	145
Глава 11 БОЖИЯ ЕПАРХИЯ	163
Глава 12 «...СО СТРАХОМ БОЖИИМ...»	172
ТРАПЕЗА	174
МОЛИТВА О ЗАКЛЮЧЕННЫХ	185

НИКОЛАЕВ Виктор Николаевич

ИЗ РОДА В РОД

Документальная повесть

Свидетельство ДК № 95 от 26.06.2000г.

Издательство ЗАО "Тираж-51".

Адрес издательства: 84313, Донецкой обл.,

г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.

Издательство ЗАО "Тираж-51" - набор, верстка,
оригинал-макеты, художественное оформление,
подготовка текста, тиражирование, переплет, издание.
Отпечатано с готовых диапозитивов, изготовленных в
дизайн -центре издательства ЗАО "Тираж-51",
в типографии ЗАО "Тираж-51."

Печать офсетная.

Адрес : 84313, Донецкой обл.,
г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.

*Братия и сестры, я всем желаю
созидательного чуда, терпения,
оздоровления духа, Божией
помощи в наше непростое
время и прошу ваших молитв.*

*С поклоном,
раб Божий Виктор Николаев*